

Маркс-студент

Ж.В. КОТОВ

**ЛОГИКА РАЗВИТИЯ МЫСЛИ
МОЛОДОГО МАРКСА
В ПРОЦЕССЕ ВЫРАБОТКИ ИСТОРИКО-
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО
ВОЗЗРЕНИЯ**

**ПРИДНЕПРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ**

Ж.В. КОТОВ

**ЛОГИКА РАЗВИТИЯ МЫСЛИ
МОЛОДОГО МАРКСА
В ПРОЦЕССЕ ВЫРАБОТКИ
ИСТОРИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО
ВОЗЗРЕНИЯ**

*Проблема соотношения политики и экономики
в работах К. Маркса 1835-1844 гг.*

Монография

Днепропетровск
Издательство ПГАСА
2010

УДК 129
ББК 87

Печатается по решению Ученого Совета
Приднепровской государственной академии
строительства и архитектуры. Протокол №9 от 23.03.2010 г.

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор **Ф.И.Прокофьев** (Днепропетровск)
Доктор философских наук, профессор **А.А.Хамидов** (Алма-Аты)
Доктор философских наук, профессор **С.А.Мареев** (Москва)

К 73 Котов Ж.В. Логика развития мысли молодого Маркса в процессе становления историко-материалистического воззрения. – Монография. 2010. – 162 с.

ISBN 978-966-323-067-2

В монографии предпринята попытка рассмотрения развития взглядов Маркса к выделению экономики в качестве определяющей сферы общественной жизни. Буржуазное общественное сознание в период своего революционного становления движется от использования религиозных идеологических иллюзий (английская буржуазная революция) к использованию политико-правовых иллюзий (Великая французская революция). Соответственно, становление историко-материалистического воззрения молодого Маркса проходит через первоначальное освоение, а затем и преодоление религиозно-философских и политико-правовых иллюзий к выделению экономики в качестве определяющего фактора при анализе общественных явлений. Формирование последовательно материалистического воззрения на процесс общественного развития есть сам по себе процесс общественный, хотя и осуществляемый отдельной личностью, Марксом, но по сути выражающий собой процесс самосознания и самопознания общества в целом, процесс совершающийся вместе с прогрессом общественной жизни и прежде всего ее основы - материального производства.

Данное исследование было завершено к 1980 году, но временная реставрация капитализма в нашей стране делает данную проблематику актуальной и в наше время. Книга предназначена для специалистов в области философии и общественно-исторических дисциплин, студентов и аспирантов философских специальностей

ББК 87

ISBN 978-966-323-067-2

© Котов Ж.В., 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Западе, как известно, сохраняется устойчивый и серьезный интерес к философскому наследию К.Маркса. Надеюсь, что и у нас наступает время, когда мы преодолеем манихейский тип мышления и окажемся готовы теоретически осмысливать актуальность наследия Маркса с позиций его инструментальной значимости. «Я почувствовал необходимость разобраться в явлениях индивидуальной и общественной жизни, - пишет Э.Фромм в работе «Из плена иллюзий». Для этого я обратился к наследию З.Фрейда и К.Маркса».

С нашей точки зрения обращение к серьезному теоретическому осмыслению философского наследия молодого Маркса оказывается актуальным и с точки зрения той новой стадии в теоретическом и практическом решении проблемы обретения подлинной самостоятельности нашей страны, которая открывает для Украины возможность занять достойное и исторически значимое место среди ведущих стран Европы. Важной предпосылкой для этого оказывается разработка того необходимого символического капитала, который позволил бы представителям подлинно национальной буржуазии получить общественное признание в нашей стране и, соответственно, позволил бы им авторитетно и прагматично для Украины выстраивать взаимоотношения на международной арене.

Я полагаю, что именно интересы тех финансово-промышленных групп, которые представлены партией Регионов, наиболее близки к тому, чтобы представлять собственно национальную буржуазию Украины, претендующую на то, чтобы их повседневно-практическая деятельность получила свое выражение и усиление в том необходимом символическом капитале, который позволил бы ей выступать в пределах отведенного для этого всемирной историей периода времени подлинным и эффективным субъектом исторического действия не только внутри страны, но и за ее пределами.

Сложность ситуации в том, что международная буржуазия, которая в свое время достигла столь впечатляющих успехов, опираясь на философию модерна (ориентирована на признание объективности и познаваемости мира, на постижение истины, на гуманистические

ценности), в наше время в условиях потери для нее мироощущения возможности прогрессивного развития, приняла на вооружение в качестве символического капитала философию постмодерна, ориентирующуюся на принципы «деструкции», «не наличия», антигуманизма, закрывающих дорогу не только к теоретическому осмыслению действительности и к реальному ее облагораживанию, но и к самому поиску истины (см.168).

И оказалось, что вольные или невольные сторонники международного интернационала приватизаторов в нашей стране (представители компрадорской буржуазии и спекулятивного капитала), противодействующие реализации действительных интересов украинского народа, обладают необходимым для решения их задач необходимым символическим капиталом, а подлинные представители национальной буржуазии не обладают. И если ранее они этого еще не чувствовали и не были готовы дать социальный заказ тем представителям интеллектуалов, которые обладают солидной философской подготовкой (и острым ощущением ответственности за интересы «социально и политически обездоленной массы») и необходимым авторитетом, для выработки необходимого для нее символического капитала, то сейчас ситуация будет меняться.

И если Маркс и Энгельс как представители философии модерна сумели научить в свое время рабочий класс самопознанию и самосознанию и тем самым превратить его из «класса в себе» в «класс для себя», то почему бы в наше время представителям той солидной философской традиции подлинного марксизма, которая была представлена в Союзе, в частности, школами Ильенкова и Копнина, не оказать помощь в столь критический и решающий момент времени своей национальной буржуазии в обретении ею способности самосознания и самопознания? Ведь поддержала партия коммунистов на Украине приход регионалов и социалистов к руководству страной в тех условиях, когда казалось, что натовская пиратская эскадра уже неизбежно возьмет на абордаж, имеющий многие пробоины корабль «Украина», тем более, что их об этом готовы были и просить и умолять сами отдельные украинские представители.

Полагаю, что имеет смысл вынуть из чехла и проверить на эффективность инструмент диалектико-материалистического подхода к изучению общественных процессов. Успешное решение данной задачи требует, в частности, дальнейшей разработки проблемы становления историко-материалистического воззрения К. Маркса и выявления на этой основе социальных и гносеологических предпосылок для массового овладения научным воззрением на общественную жизнь.

Поскольку наше исследование носит историко-философский характер, постольку, ориентируясь на традиции герменевтики, предполагающей способность исследователя вжиться не только в исследуемый материал, но и в дух исследуемой эпохи, мы рассматриваем проблему, используя ту же терминологию, которую используют в исследовании наследия К. Маркса его последователи и сторонники. С содержательной же стороны предложенный к рассмотрению материал может способствовать более успешному решению поставленной ООН задачи (Исполнительный Комитет Юнеско – 169 сессия) развития и освоения философии: 1) как школы самостоятельного мышления; 2) как школы свободы; 3) как школы человеческой солидарности и фундамента для взаимопонимания. При этом философия определяется как «наука, которая касается универсальных проблем человеческой жизни и существования и наделяет людей независимым мышлением» (см.171).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Как известно, опыт непосредственной практической жизни не приводит к последовательному материалистическому пониманию общественных явлений, ибо сознание никогда не может быть чем либо иным как осознанием реального процесса жизни. Исходным моментом в процессе теоретического осознания социальной (экономической) деятельности, - пишет З.В.Безчеревных, - оказывается наличное бытие как оно представлено в обыденном сознании современников и в их повседневной практике»(112,с.266) Общественные отношения и в наше время не приобрели еще прозрачный характер, так как под сознательный контроль общества не поставлены в достаточно полной мере общественные силы, и деятельность индивидов носит зачастую частичный характер, имея своей непосредственной целью преимущественно производство материальных благ. Противоречия производительных сил и производственных отношений продолжают осознаваться главным образом в идеологических формах, то есть через политические, правовые, нравственные, философские конфликты¹. Конечно, сторонники научно-теоретического направления в философии не принимают уже всерьез попытки объяснять общественную жизнь, отправляясь от уровня обыденного сознания, когда исследователи начинают «искать научную истину в своих собственных головах» (16,с.146), абсолютизируя значение идеологических факторов. Ибо, материалистическое понимание общественной жизни предполагает умение исследователей «отдать себе отчет о том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого» (16,с.146). Однако между абстрактным, неразвитым пониманием существа материалистического воззрения и конкретным, подлинно материалистическим пониманием общественной жизни

¹ «Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом, напротив, масса прилаживается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время», характеризует В.И.Ленин специфику донаучного понимания общественной жизни в 1894 г. (63,с.136-137).

лежит дистанция огромных размеров. Мало иметь представление о материалистическом понимании общественной жизни, недостаточно иметь понятие о сущности законов общественного развития, важно уметь влиять в прогрессивном направлении на ход общественного развития, используя и углубляя научные знания. «Теоретическое познание, - отмечает В.И. Ленин, - должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich* (в себе и для себя. Ред.). Но человеческое понятие эту объективную истину познания “окончательно” ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится “для себя бытием” в смысле практики” (76, с.193).

Исторически и логически материалистическое понимание общественной жизни вырастает из синтеза революционной борьбы пролетариата периода индустриального развития капитализма с достижениями общечеловеческой культуры. Это предполагает единство сознательного и активного участия в разрешении злободневных проблем современности и усвоения лучших достижений современной культуры². В своем стремлении освоить историко-материалистическое воззрение индивид встречается с необходимостью овладения марксизмом как универсальной культурой мышления и действия и решает эту задачу в меру переходе от частичности к универсальности³.

Социальные предпосылки овладения научным воззрением на общественную жизнь предполагают, что многие лично развитые индивиды, не только «еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни», но уже сегодня, как пишет Маркс, живут «социальной жизнью, отправляясь от этих условий» (35, с.105). Именно усиливающаяся в современном мире тенденция к переходу

2 На третьем съезде комсомола В.И. Ленин обращает внимание на то, что «без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, которой составляет самую отвратительную черту старого буржуазного общества» (78, с.302).

3 Под частичностью в деятельности понимается закрепление отдельных моментов разделения труда (теоретическая и практическая деятельность, постановка целей и их творческая реализация, творческие и нетворческие стороны деятельности) в качестве исключительного достояния различных социальных групп, превращение целостной деятельности в функцию общества в целом, а каждого отдельного человека - в «частичного» человека (111, с.4).

от частичной деятельности к универсальной создает условия для массового овладения историко-материалистическим воззрением⁴, подготавливая в виде широкой и демократической культуры ту почву, на которой только и могут расти и процветать таланты. «Если же обстоятельства, в которых живет индивид, пишет Маркс, делают для него возможным лишь одностороннее развитие одного какого-либо свойства за счет всех остальных, если они дают ему материал и время для развития одного только этого свойства, то этот индивид не может пойти дальше одностороннего, уродливого развития (40,с.253).

Гносеологическими предпосылками для массового овладения историко-материалистическим воззрением является выявление закономерности формирования научного воззрения как у общества в целом, так и у отдельного индивида, а также раскрытие необходимости в овладении диалектическим методом из анализа специфики условия и задач сегодняшнего этапа социального движения. «Философия должна прежде всего, - пишет Гегель, - доказать нашему обыденному сознанию, что существует *потребность в собственно философском* способе познания или даже пробудить такую потребность» (83,с.88). Именно пробуждение потребности в собственно философском способе познания общественных явлений и заставило молодого Маркса написать в письме к отцу, Генриху Марксу: «снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед» (22,с.13). Сложность в том, чтобы вывести потребность и необходимость в философском осмыслении общественной жизни (а следовательно, и в осмыслении не только произведений Маркса, Энгельса, Ленина, но и работ Гегеля, Канта в пр.) и из рассмотрения движения самой действительности современного общества, направленной на «преодоление отчуждения», на «присвоение человеческих сущностных сил», если использовать терминологию работ молодого Маркса, то есть на решение задач всестороннего развития каждого индивида, Только на этом пути могут быть воссозданы предпосылки к тому, чтобы каждый смог бы воспринять объективную противоречивость общественного

4 Э.В. Ильенков рассматривает тотальное развитие каждого индивида не только как следствие, но и как условие возможности коммунистической организации отношения человека к человеку, не только как идеал, но и как принцип разрешения сегодняшних противоречий (см. 132,с.151-152).

развития через призму задач гуманистического преобразования действительности, а в философском материализме найти ариаднину нить в осмыслении и сознательном разрешении противоречий действительности.

Особая роль в выявлении закономерности формирования научного воззрения⁵ как у общества в целом, так и у отдельного индивида, а также в непосредственном овладении историко-материалистическим воззрением принадлежит исследованию процесса становления историко-материалистического воззрения у классиков марксизма. Овладение историко-материалистическим воззрением осуществляется в ходе как бы сокращенного повторения того пути от точки зрения обыденного сознания к научному воззрению, который прошли его создатели. Каждый должен как бы заново открывать для себя материалистическое воззрение на пути последовательного изучения и самостоятельного осмысления⁶ произведений Маркса, Энгельса, Ленина, так как известно, что «царских путей» в науке нет. В то же время повторить в своем собственном интеллектуальном развитии основные ступени становления историко-материалистического воззрения индивид сможет только в том случае, если будет выражать и осмысливать это развитие как в объективных формах, присущих его времени, так и в своих собственных субъективных формах через нахождение верно и четко осознанных реальных противоречий.

Для индивида это должен быть путь движения как от конкретного к абстрактному, так и от общих представлений о методе познания общественных явлений к системе научных понятий и к действительным результатам их применения. Если на этапе движения от «чувственно-конкретного к абстрактному» индивид переходит от хаотического представления о целом (общество), от поверхности к сущности (экономические отношения), то на этапе движения от «абстрактного к мысленно-конкретному» он приходит к рассмотрению явлений общественной жизни как проявлений сущности, как моментов целостной

5 «В материале тут недостатка нет, - отмечает Г.В.Плеханов в 1908 г., - нужно только уметь пользоваться им, т.е. нужно быть подготовленным к его пониманию» (98,с.126).

6 «Я, разумеется, имею ввиду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно», пишет Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала» (19,с.6).

система. Только на этом пути освоение философии - как обобщенного и целостного выражения в мыслях своего времени – выступает для индивида как средство познания самого себя в качестве активного субъекта сегодняшнего социального движения, как средство осознанного и целостного самовыражения, как средство овладения общечеловеческой культурой мышления и действия.

Состояние исследования проблемы. Общее состояние разработки проблемы формирования историко-материалистического воззрения Маркса мы рассматриваем исходя из предпосылки о том, что конечной целью исследования должно быть воссоздание действительного движения способом восхождения от абстрактного к конкретному. Предварительно заметим, что в характеристику сложности рассмотрения процесса формирования материалистического воззрения Маркса буквально вписывается замечание Гегеля о том, что «самое легкое - обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее - его постичь, самое трудное - то, что объединяет и то в другое, - воспроизвести его» (85, с.3). В исследовании процесса формирования историко-материалистического воззрения Маркса можно выделить три основных этапа.

На первом этапе, представленном главным образом работами Ф.Меринга, Г.В.Плеханова и В.И.Ленина⁷, заложены основные направления в исследовании данной проблемы. Ф.Меринг впервые приступил к конкретно-историческому исследованию формирования и развития марксистской мысли. Г.В.Плеханову принадлежит глубокая и оригинальная разработка проблем генезиса марксизма, его теоретических источников. Работами Плеханова марксизм произрастал на русской почве в тесной связи с современным общественно-политическим движением рабочего класса как творческое и самобытное явление, развивающее лучшие традиции русских

⁷ Меринг Ф. («Карл Маркс. История его жизни»; «К.Маркс и Ф.Энгельс - создатели научного коммунизма»); «Из литературного наследия К.Маркса, Ф.Энгельса и Ф.Лассаля» (под ред. Ф.Меринга); Плеханов Г.В. («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «Материалистическое понимание истории», «Карл Маркс», «Основные вопросы марксизма»); Ленин В.И. {«Что такое “друзья народа” и как они воют против социал-демократов?», «Карл Маркс», «Фридрих Энгельс», «Три источника и три составные части марксизма», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Философские тетради»).

революционных демократов. Призывая к обстоятельному изучению философского наследия Г. В. Плеханова, В.И. Ленин писал в 1921 г., что «это лучшее во всей международной литературе марксизма» (79, с. 290). И все же именно В.И. Ленин закладывает основы подлинной диалектико-материалистической трактовки процесса формирования марксизма как революционной теории освободительной борьбы пролетариата, вырастающей «из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» (75, с. II). Подчеркивая подлинное единство взглядов Маркса и Энгельса с момента начала их совместной деятельности, В.И. Ленин дает научную концепцию генезиса марксизма, его теоретических источников, обосновывает периодизацию истории развития марксистского учения в неразрывной связи с международным рабочим движением. Отмечая теснейшую связь марксизма с лучшими достижениями предшествующего периода развития общественной мысли, В.И. Ленин обращает особое внимание на то, что марксизм появился в результате критического преодоления всего предшествующего идейного наследия, знаменуя собой рождение подлинно научного подхода и к объяснению, и к преобразованию общественной жизни. Для В.И. Ленина проблема формирования марксизма в Германии выступает одновременно и как теоретико-практическая проблема формирования марксизма в России, как проблема внесения социалистической идеологии в рабочее движение. Не забывая о различиях, В.И. Ленин ухватывает моменты сходства между общественно-политической жизнью Германии периода подготовки резолюция 1848 г. и общественно-политической жизнью России периода подготовки революции 1905 г. При этом проводится аналогия между борьбой утверждающегося марксизма в Германии с субъективизмом младогегельянцев и провинденционализмом и фатализмом, а в России с субъективизмом народников и буржуазным объективизмом «экономистов». В статье «Карл Маркс» В.И. Ленин подробно анализирует этапы духовного развития Маркса в начальный период его деятельности.

Второй этап исследования становления историко-материалистического воззрения Маркса представлен, на наш взгляд, как работами исследователей марксистов в первые десятилетия со-

ветской власти⁸, так и, главным образом, работами советских и зарубежных историков-марксистов⁹ в последующие периоды. Обстоятельное и систематическое обобщение той огромной работы, которая была проделана в Советском Союзе по изучению наследия Маркса и Энгельса, дано в коллективном исследовании «Литературное наследие К.Маркса и Ф. Энгельса» (история публикаций и изучения в СССР). На данном этапе исследования становления историко-материалистического воззрения Маркса возникла настоятельная необходимость как в накоплении и изучении нового фактического материала, так и в проверке и уточнении старого (под эмпирическим материалом мы понимаем в данном случае как отдельные работы Маркса и Энгельса, так и сопутствующие им теоретические и общественно-политические обстоятельства). Однако при этом эмпирический материал еще ведет исследователя, ибо слишком близкое приближение к деталям (на данном этапе необходимое) еще не позволяет достаточно полно охватить, а тем более воссоздать логику развития исследуемого материала. Авторы одной коллективной монографии отмечают, что «несмотря на обилие комментаторских работ, даже давно известные важнейшие труды основоположников марксизма и, прежде всего самого Маркса исследованы недостаточно с точки зрения используемой в них методологии» (159,17).

В этих условиях приобретает особое значение те исследования, в которых методологические аспекты трудов Маркса и Энгельса оказываются на первом плане¹⁰. Весьма перспективными нам

8 Адоратский В.В., Деборин А.М., Липендин П., Лифшиц М., Лурье З., Макаров А., Николаев С., Разумовский И., Менде Г.

9 «Карл Маркс. Биография» (Под общ. ред. Н.Н. Федосеева); «Карл Маркс. Биография» (перевод с немецкого). Авт. коллектив: Г.Гемков (рук.); Корню О. «Карл Маркс. Жизнь и деятельность»; Ойзерман Т.И. «Формирование философии марксизма»; Лапин Н. И. «Молодой Маркс»; Кузнецов К. Т. «Возникновение научного коммунизма»; Багатурия Г. А., Выгодский В. С. «Экономическое наследие К. Маркса»; Ильенков Э.В. «Диалектическая логика»; Вазюлин В.А. «Становление метода научного исследования К. Маркса»; Пажитков Л.Н. «У истоков революционного переворота в философии»; Живкович Л.» Теория социального отражения»; «Марксистская философия в XIX веке»: (Под общ. ред. Барского И.С., Богданова Б.В. Иовчука И.Т.)

10 Теккеи Ф. «К теории общественных формаций»; Безчеревных Э.Б. «Проблема практики в процессе формирования философии марксизма»; Багатурия Г.А. «Первое великое открытие К.Маркса», «Формирование и развитие материалистического понимания истории» и др. См. коллективные работы: «Принцип историзма в познании социальных явлений»; «История марксистской диалектики»; «Капитал»

представляются те работы, в которых сама логике познавательного процесса в работах Маркса рассматривается через призму диалектической логики¹¹. Особый интерес представляют также те работы, в которых идеологические формы рассматриваются в качестве содержательных форм материальных, экономических отношений¹².

Определяя специфику теоретического исследования развивающегося объекта, в «Послесловии ко второму издания «Капитала», Маркс пишет, что «исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутренние связи. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» (19,с.21). Если рассматривать работы советских и зарубежных философов марксистов по изучению процесса формирования марксизма как проявление деятельности как бы одного коллективного исследователя, то в них решается в первую очередь задача детального освоения исследуемого материала, анализ различных форм его развития, а также намечается переход к выявлению внутренней связи исследуемого материала.

Итогом **третьего**, завершавшего этапа исследования процесса формирования историко-материалистического воззрения Маркса, как и процесса формирования марксизма вообще, должно быть, на наш взгляд, теоретическое воспроизведение действительного движения способом восхождения от абстрактного к конкретному.

В общем и целом способ восхождения от абстрактного к конкретному это – в первую очередь и главным образом - способ воспроизведения общего, взятого в его историческом развитии, в данном случае процесса возникновения научного воззрения на общественную жизнь. Однако и отдельное может претендовать на теоретическое воспроизведение в том случае, когда оно выступает как особая форма воплощения становящейся закономерности развития, в

Маркса»; «Философия и современность».

11 См. Ильенков Э.В. («Восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» К.Маркса», «Диалектическая логика», «Об идолах и идеалах» и др.), Вазюлин В.А. «Логика «Капитала» Маркса», «Становление метода научного исследования К.Маркса».

12 Разумовский И. «Проблемы марксистской теории права», Шкредов Е.П. «Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса».

той мере, в какой в данном особенном выражается сущность общего¹³. Общее выступает не только лишь в качестве мыслимой абстракции, но представляет собой некоторую особенную форму всеобщего наряду с формой особенного и единичного, закон, воплотившийся в отдельных своих проявлениях¹⁴. Диалектико-материалистическая концепция соотношения единичного и общего исходит из признания диалектического превращения единичного в общее, ибо в действительности происходит так, что то явление, которое вначале возникает как единичное, впоследствии становится всеобщим. Так научное воззрение на общественную жизнь, возникая в условиях борьбы за революционное уничтожение буржуазной общественной системы первоначально как случайное и единичное явление, призвано утвердиться в условиях замены вещного типа социальных связей социальными связями, основанными на отношениях свободных индивидуальностей, в качестве всеобщей формы мышления.

Теоретическое воссоздание процесса становления историко-материалистического воззрения Маркса предполагает решение проблемы отделения объективной истины от той формы, в которой это развитие совершалось у Маркса. К пониманию экономических отношений Маркс пришел через исследование правовых и политических взаимоотношений между людьми, но как сфера политики, так и сфера права были поняты Марксом научно лишь после того, как он проанализировал, пишет З.В.Ильенков, «хотя бы в самых общих чертах, экономику» (127,с.123). Намеки на высшее могут быть поняты лишь после того, когда высшее уже известно. Высшим в зрелой концепция Маркса является использование диалектико-материалистической методологии для выведения религиозных, нравственных, политико-правовых воззрений эпохи из соответствующих им экономических отношений.

Решение задачи отделения внутреннего от внешнего в исследовании процесса становления взглядов Маркса на общество

13 «Индивидуальная и родовая жизнь человека не является чем-то различным - пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», - хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более особенным, либо более всеобщим проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более особенной, либо всеобщей индивидуальной жизнью» (34,119)

14 См. Мареев С.Н. «Диалектика логического и исторического и ее место в логико-методологической концепции Маркса» (148).

затрудняют, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, то, что «Капитал» остался без «идеологической» кровли в смысле более обстоятельного анализа содержания и форм отдельных идеологий», во-вторых, то, что Марксу не удалось выбрать время для того, чтобы выполнить свой план дать рациональный очерк диалектики¹⁵, т.е. изложить на двух-трех листах рациональное содержание философии Гегеля¹⁶. «Главный упор мы делали, и *должны были делать*, пишет Энгельс в 1893 г., - сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных им действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» (58, с.32)¹⁷. В плане более обстоятельного анализа содержания и форм отдельных идеологий перед Марксом и Энгельсом, по мнению Разумовского, стояли, по крайней мере, три задачи: во-первых, выявить экономическое содержание идеологических форм, их обусловленность экономическим содержанием; во-вторых, вскрыть все своеобразие и особенность формальной стороны идеологии, которые отрывается в своем развитии от обусловленного ими экономического содержания и в то же время составляет исторически неизбежную сторону, формальное опосредование общественного процесса; в-третьих, установить неизбежность их отрыва от выраженной ими экономической действительности. При этом Маркс и Энгельс «успели решить достаточно полно только первую задачу, в то время как по двум остальным у них имеется только общие наброски» (162, с.25-26).

Рассмотрение общего состояния разработки проблемы формирования историко-материалистического воззрения Маркса показывает, что сегодня на первый план выдвигается решение задачи «проанализировать различные формы» развития исследуемого материала, «проследить их внутреннюю связь». Наряду с

15 Данную задачу как раз и решает Э.В. Ильенков во многих своих работах, посвященных проблемам диалектики

16 См. Разумовский И. Проблемы марксистской теории права, с. 35; Багатурия Г.А. Экономическое наследие Карла Маркса, с.183-184.

17 В работе Э.Фромма «Избавление от иллюзий», предпринята попытка выделить в качестве опосредующих звеньев между экономическим базисом и сферой идей, господствующих в обществе, социальный характер, с одной стороны, и сферу социального бессознательного, с другой.

теми исследованиями, которые уже выполнены, ждет своего решения проблема анализа логики движения мысли Маркса от использования политико-правовых иллюзий для объяснения общественных явлений к научному воззрению. Особая значимость данной проблемы в том, что она включает в себя рассмотрение не только единичного - сугубо индивидуальных моментов в развитии мысли Маркса, но главным образом особенного - перехода от революционно - демократического мировоззрения к коммунистическому мировоззрению в особых условиях Германии 40-х годов XIX века, а также всеобщего - закономерности формирования научного воззрения на общество. В соответствии с общим состоянием исследования проблемы определяется и цель нашего исследования,

Цель данного исследования в том, чтобы на основе диалектико-материалистической методологии проследить по работам 1835-1844 гг. логику движения мысли К.Маркса от использования политико-правовых иллюзий в объяснении общественной жизни к выделению экономики в качестве определяющего фактора при анализе общественных явлений, рассмотрев как предпосылки этого движения, так и сопутствующие ему обстоятельства.

В связи с этим в диссертации поставлены следующие задачи.

1. Рассмотреть тот веер объективных и субъективных обстоятельств, при наличии которых оказалось возможным и необходимым возникновение историко-материалистического воззрения.

2. Показать, что движение мысли Маркса в использовании идеологических иллюзий для осмысления действительности с целью ее революционного преобразования являло собой образец адекватного отражения потребностей революционно-демократического направления в антифеодальном движении Германии.

3. Рассмотреть как через осмысление и разрешение противоречий, обнаруживавшихся в процессе применения идеологических иллюзий, Маркс движется к избавлению от точки зрения идеологических иллюзий.

4. Показать, что вычленение логики становления историко-материалистического воззрения Маркса призвано способствовать

осмыслению как общих принципов перехода от революционно-демократического мировоззрения к коммунистическому мировоззрению, так и закономерности формирования научного воззрения как у общества в целом, так и у отдельного индивида.

Методологические аспекты исследования. Исследование процесса становления взглядов Маркса на общество требует рассмотрения движения мысли Маркса как прогрессирующего развития истины. Это предполагает также выделение и использование тех рациональных принципов, выдвинутых молодым Марксом, в частности в его докторской диссертации, которые не потеряли своего значения и сегодня. Поскольку же «анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны», постольку сам процесс становления взглядов Маркса на общество может быть правильно понят лишь с учетом тех основных принципов, которыми характеризуется учение Маркса об обществе в его развитом состоянии.

Для зрелого марксизма характерно рассмотрение борьбы в *философской области* (как и в любой иной идеологической области) в качестве более или менее ясного выражения борьбы общественных классов, само существование которых и их столкновения между собой обусловлены степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. В то же время философия рассматривается как обладающая относительной самостоятельностью (а значит и собственной логикой своего развития), активно воздействующая на ход общественного развития. Как раз эти два момента: собственная логика развития философии и ее активное влияние на общественную жизнь - проблема не потерявшие своей актуальности и сегодня - оказываются в центре внимания молодого Маркса в его докторской диссертации. Собственная логика развития философии характеризуется, по мысли Маркса, тем, что первоначальное развитие философского знания к абстрактным ее моментам сменяется затем поднятием абстрактных моментов до конкретного как предпосылка перехода к практике (речь идет о теоретической практике), понимаемой в рамках теории познания молодым Марксом как «обмирщение» философии. В этой связи в решении проблемы становления взглядов Маркса на

общество правомерны и необходимы также и исследования, носящие абстрактный, отвлеченный характер, на первый взгляд не связанные непосредственно с задачами сегодняшнего дня. В качестве же поднятия абстрактных моментов до конкретного применительно к исследованию процесса становления историко-материалистического воззрения Маркса должно выступить теоретическое воссоздание действительного движения.

Именно достаточно полное решение этой задачи, и будет представлять собой такой уровень конкретности в исследовании данной проблемы, когда задача «обмирщения» философии станет главной и определяющей. Однако уже и сегодня проблема «обмирщения» достигнутых положительных результатов в исследовании процесса становления взглядов Маркса на общество должна закладываться в качестве программы при теоретическом исследовании.

В докторской диссертации Маркс формулирует некоторые общие принципы историко-философского исследования философской системы, имеющей историческое значение¹⁸.

Во-первых, отделить внутреннее от внешнего. Применительно к нашей теме это отделение закономерности движения от уровня обыденного сознания к научному воззрению от той случайной формы, в которой это движение осуществлялось у Маркса. **Во-вторых**, в разделении внутреннего и внешнего проследить их единство и взаимообусловленность с тем, чтобы установить связь научного изложения системы с ее историческим существованием. Применительно к нашей теме это означает показать, что использование

¹⁸ Задача философской историографии, пишет Маркс, заключается в том, чтобы «отделить бесшумно продвигавшегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимавшего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместилищем и двигательной силой этих рассуждений. В разделении этого сознания должно быть прослежено как раз его единство, взаимная обусловленность, этот критический момент при изложении философской системы, имевшей историческое значение, безусловно необходим для того, чтобы привести научное изложение системы в связь с ее историческим существованием, - в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим. Но в то же время она должна быть утверждена и как философская связь, - следовательно, должна быть развернута в соответствии со своей сущностью» (24, с.136). Сравн. Гегель «Задачей самой истории философии остается более точно выяснить, в какой мере имеющее место в истории философии развитие ее содержания, с одной стороны, согласуется с диалектическим развитием чистой логической идеи, с другой стороны, отстает от него» (84, с.219).

в процессе формирования научного воззрения на общество Марксом идеологических иллюзий является для данного времени необходимым, а сами иллюзии выступают как исторически оправданные. Решение данной проблемы, в свое очередь, создало бы новые возможности для доказательства несостоятельности противопоставления молодого Маркса зрелому Марксу. *В-третьих*, рассмотрение связи научного изложения системы с ее историческим существовавшим и как философской связи. Применительно к нашей теме это предполагает выяснение вопроса: находится ли научное исследование проблемы на этапе движения от абстрактного к конкретному или на этапе движения от конкретного к абстрактному. Ибо в зависимости от того, какой момент преобладает, по разному встает проблема связи философии с жизнью, проблема «обмирщения» философии.

В рамках большого круга, в рамках решения Марксом (и Энгельсом) задачи создания теоретической модели буржуазной общественной системы, получившей свое наиболее зрелое воплощение в «Капитале», рассматриваемый нами период (до написания «Экономическо-философских рукописей 1844 года» включительно) есть этап движения от конкретного к абстрактному. **В рамках малого круга**, в рамках уяснения того обстоятельстве, что теоретическое осмысление общественной жизни должно отправляться от исследования экономических отношений буржуазного общества, рассматриваемый нами период включает в себя как этап движения от конкретного к абстрактному, так и этап движения от абстрактного к конкретному.

Первый этап малого круга, завершающийся написанием докторской диссертации Маркса («Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура»), а также первой статьей с критикой гегелевской философии права (1841 г.), включает в себя как овладение Марксом «делом логики» Гегеля, так и овладение общими принципами теоретического осмысления общественной жизни с позиций крайнего радикализма, точнее с позиции неразвитого, абстрактного революционного демократизма. Маркс переходит от точки зрения метафизических иллюзий, исходящей из отождествления общих представлений с понятием, к рассмотрению понятия как та-

кой формы сознания, которая выражает действительную, то есть диалектическую природу вещей, к признанию философии в качестве сущностной сферы общественной жизни. Этап до написания первой статьи Маркса с критикой гегелевской философии права включительно рассматривается нами как этап создания предпосылок к тому, чтобы вступить на путь действительной борьбы по преодолению идеологических заблуждений в понимании общественной жизни. И если в период борьбы за революционно-демократическое преобразование действительности, начавшийся со статьи «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», Маркс использует точку зрения политико-правовых иллюзий, то переход на позиции революционного пролетариата (статьи в «Немецко-французском ежегоднике») поставил его перед необходимостью последовательного распространения материализма на объяснение общественных явлений. **Второй этап** малого круга, этап движения от абстрактного к конкретному, завершается переходом от диалектико-идеалистической методологии Гегеля к выработке основ диалектико-материалистического метода, а также к признанию экономики в качестве определяющей сферы общественной жизни. В итоге завершения второго этапа малого круга Маркс приходит к совпадению логического и исторического, общих принципов функционирования реальной общественной системы и общих принципов построения теоретической модели действительности, к утверждению на позициях единства научного осмысления действительности и ее практического преобразования в интересах пролетариата, к убеждению в том, что дальнейшее общественное развитие определяется классовой борьбой пролетариата против буржуазии, борьбой, направленной на уничтожение частной собственности, всей системы угнетения и эксплуатации человека.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДВИЖЕНИЯ МЫСЛИ К. МАРКСА К ИЗБАВЛЕНИЮ ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ.

Переход к научному отражению общественной жизни был обусловлен потребностями развертывания классовой борьбы пролетариата, направленной на сознательное и целенаправленное преобразование буржуазных общественных отношений в коммунистические общественные отношения. Объективными предпосылками перехода к научному познанию общества является: во-первых, необходимость социального развития, направленного на подчинение человеку стихии чуждых общественных сил; во-вторых, потребность теоретического отражения социального движения, исчерпавшая возможности своего прогрессивного развития на магистральном направлении движения общественной мысли с использованием идеологических иллюзий; в-третьих, потребность развития того индивида (тех индивидов), интеллект которого подготовлен к тому, чтобы быть особой формой воплощения становящейся закономерности развития.

§ I. Социальная потребность перехода к научному отражению общественной жизни.

В «Экономических рукописях 1857-1859 годов» Маркс выделяет три основных типа общественных связей в зависимости от уровня развития общественного организма. *Для первого типа* общественных связей характерны отношения личной зависимости (патриархальные отношения, античное общество, феодальные отношения и цеховой строй), при которых имеет место непосредственная власть одних лиц над другими, большая власть той общности, что связывает индивидов друг с другом при сравнительной незначительности средств обмена. *Для второй формы* (буржуазное общество) харак-

терны отношения личной независимости, основанные на вещной зависимости, когда впервые образуется система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. На этом этапе люди *еще только создают свои собственные общественные связи*, которые существуют по отношению к отдельным индивидам как чуждые и самостоятельные, а потому и не могут быть научно познаны людьми. *Для третьего типа общественных связей* характерна свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние (см.35,с.100-105).

Люди, производящие общественные отношения соответственно их материальному производству, создают, также идеи и категории, т.е. отвлеченные выражения этих самых общественных отношений. Общественный экономический процесс в отдельных своих моментах не может осуществляться вовсе без всякого участия сознания. Сознание, хотя бы и «превратное», служит необходимым средством, связывающим участников общественного процесса, ибо посредством волевых, субъективных, быть может в совершенно иную сторону направленных устремлений отдельных лиц, совершается объективное, независимое от их воли движение. При этом возможность научного познания общественных (и природных) процессов обусловлена степенью их вовлечения в орбиту сознательной и целенаправленной чувственно-предметной деятельности человека. И если в условиях господства феодализма, как наиболее развитого типа личных связей, общественная жизнь осмысливается через призму религиозных иллюзий, а в условиях буржуазного общества через призму политико-правовых иллюзий, то в будущем, гуманистически ориентированном обществе утвердится подлинно научное понимание общественных связей.

Отсутствие достаточно развитых социальных связей, а также бессилие человека по отношению к стихии природных сил привело в условиях феодального общества к утверждению мнимого общественного единства и мнимой власти человека над стихией природных и общественных сил в иллюзорной идее бога. Абсолютизация

роли зарождавшегося общественного сознания в его религиозной форме отражала не только факт господства над человеком стихии природных сил, но и жестокую зависимость индивида от иерархической системы неразвитых социальных связей. От мифологического сознания древних к феодальному сознанию переходит иллюзия самостоятельности духовного начала, когда сами явления природы объясняются по аналогии с пониманием стихии общественной жизни. В этих условиях за личными отношениями господства и подчинения усматривается факт проявления господства силы таинственной и бесконечно могучей по сравнению с отдельным индивидом. Даже в природных процессах усматривается не столько результат проявления свойств, присущих вещам самим по себе, сколько проявление тех же могучих духовных сил. Для средневекового мышления, пишет А.С.Арсеньев, «самостоятельным существованием обладал мир духовный, а мир вещей был лишь зависимой, определяемой стороной. Поэтому алхимия и астрология видели за реальными отношениями вещей таинственные и мистические управляющие вещами связи и прибегали к действиям мистического и ритуального характера в надежде воздействовать на эти связи» (106,с.130-131).

Вытеснение натурального хозяйства массовым производством привело не только к замене личных связей вещными связями, но и вызвало к жизни развитие естественных наук, изучающих отношения «вещь-вещь» как существующие самостоятельно и независимо от всякого сознания. «Мышление формируется только в процессе деятельности, - пишет А.С.Арсеньев, - поэтому физический мир, как самостоятельный, становится объектом мышления и целью познания лишь тогда, когда отношения в самой деятельности выступают как независимые от человека, а сам человек - как вещь» (106,с.130). Включившись в активную и сознательную деятельность по преобразованию природы в ходе промышленного производства, требующего познания ее законов, буржуазия смогла в лице своих выдающихся мыслителей поставить задачу познания мира из него самого, не прибегая к помощи потусторонних, сверхъестественных сил. На этой основе создавались предпосылки для распространения материализма и атеизма на познание общественных явлений. Во Фран-

ции, где назревала решительная борьба за уничтожение феодальных общественных отношений, материализм, будучи применен Гельвецием к объяснению общественной жизни, «становится символом веры французской революции», что «находит себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни» (39,с.140-141). Однако, поскольку в ходе буржуазных революций не преодолевается господство чуждых человеку общественных сил, а последние лишь изменяют личностную форму своего проявления на вещную, постольку сама революция в общественных воззрениях ограничивается переходом от религиозных иллюзий к политико-правовым иллюзиям. Близость буржуазной и феодальной систем мышление просматривается, в частности, в том, что феодальный способ восприятия общественной жизни составил основу для гегелевских представлений об определяющей роли духовного начала, точнее ту идеологическую форму, которую Гегель наполнил буржуазным содержанием¹⁹. Отмечая различие в ступенях развития самого буржуазного мышления, Маркс пишет, что «в то время как французы и англичане держатся, по крайней мере, политической иллюзии, которая все же наиболее близка к действительности, немцы вращаются в сфере «чистого духа» и возводят религиозную иллюзию в движущую силу истории» (40,с.38). Переход к материалистическому, научному объяснению общественной жизни оказался возможным только в условиях пролетарской классовой борьбы, направленной на уничтожение буржуазных общественных отношений и на утверждение коммунистических общественных отношений, ибо только в этом случае теория воспроизводит общественные отношения не только как объект, но и как продукт деятельности человека.

Великие исторические движения рождаются из конфликта между приобретенными производительными силами и теми общественными отношениями, которые уже не соответствуют этим производительным силам. Этот конфликт разрешается в ходе ожесточенной борьбы классов за свои материальные интересы. При этом практической революции масс предшествует революция в мышлении,

19 В «Святом семействе» гегелевское понимание истории характеризуется Марксом «как спекулятивное выражение христианской германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира»(39,93)

ибо к реализации потребностей экономического развития большие группы людей, классы подключаются при посредстве новых идей и соответствующих им идеологических отношений. Энгельс и характеризует современный социализм как отражение в мышлении фактического конфликта между производительными силами и способом производства, «идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, - рабочего класса» (52,с.211). Практическое разрешение конфликта между пролетариатом и буржуазией с необходимостью требовало предварительного теоретического рассмотрения того, как из развития основных противоречий капиталистической формы общественной организации с необходимостью вырастает коммунистическая организация.

Если переход от системы общественных отношений, при которой «люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни», к системе отношений, когда они «уже живут социальной жизнью, управляясь от этих условий», с необходимостью требовал революции в мышлении, то в начале 40-х годов XIX века такая потребность назрела в условиях капиталистически развитых стран, в первую очередь Франции и Англии, а также частично Германии, испытавшей значительное влияние двух первых.

В условиях Германии периода идеологической подготовки буржуазно-демократической революции 1848 г., совпавшего по времени также с возникновением самостоятельного рабочего движения, можно проследить как завершение революции в мышлении, связанной с переходом от феодализма к капитализму, так и начало новой революции в мышления, связанной с подготовкой всемирной Коммунистической революции пролетариата. Если в ходе стихийного рабочего движения рабочих (бунты, стачки), пробуждается антагонизм рабочих и хозяев и у рабочих вырабатывается тред-юнионистское сознание, то есть убеждение в необходимости объединяться в союзы и вести борьбу с хозяевами, то тем не менее у рабочих, как отмечает В.И. Ленин, еще «не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического» (65,с.30). Критически-утопический социализм, возникая в первый,

неразвитый период классовой борьбы пролетариата, не преодолевает еще метафизических и идеалистических иллюзий, свойственных буржуазному мышлению, а потому и не может быть теоретически последовательным выражением действительных отношений развитой классовой борьбы пролетариата. Именно в этих условиях и возникает двуединая задача создания научного социализма, с одной стороны, и внесения социалистической идеологии в рабочее движение, с другой.

Создание научного социализма требовало распространения материализма и диалектики на объяснение общественной жизни, то есть такого взгляда на ход всемирной истории «который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменении способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой» (56,с.306). Конечные причины всех общественных перемен и политических переворотов нужно было «искать не в головах людей», «не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (52,210). Последнее требовало, в частности, окончательного отказа от представления о том, что уровень культуры и образованности народа является определяющим показателем готовности страны к революционным преобразованиям и, соответственно, к отказу от рассмотрения в качестве активного субъекта революционного процесса исключительно творцов и пропагандистов новых революционных идей, в то время как народные массы рассматривались в качестве пассивного элемента, в качестве лишь материальной основы революции²⁰. Подобные иллюзии могли иметь некоторое историческое оправдание лишь в период подготовки первых буржуазно-демократических революций, когда трудящиеся массы использовались преимущественно в виде «тарана» для уничтожения отживших феодальных отношений и соответствующих им организаций и учреждений, в то время как на долю активных представителей буржуазии выпадала задача творчества новых политико-правовых форм²¹. Перед пролетариатом, призванным совершать свою революцию, встает задача активного и сознательного творчества не только новых политико-

20 В своих первых статьях в «Рейнской газете» Маркс еще придерживается подобной точки зрения.

21 См. Ленин В.И. «Очередные задачи советской власти» (см.77, с.168).

юридических форм, но и новых экономических отношений. Задачу столь глубокого преобразования общественной жизни пролетариат мог решить, только опираясь на научную теорию, включающую саму чувственно-предметную деятельность по преобразованию общественных отношений в свое собственное содержание, а значит и рассматривающую именно пролетариат в качестве активного субъекта, в качестве творца нового общественного строя. В работе «Что делать?» В.И. Ленин показывает, что именно из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты народных масс возникают из различных предпосылок стихийное влечение рабочих к сознательной жизни, к сознательной борьбе и одновременно научная теория общественной жизни, создаваемая революционно-социалистической интеллигенцией (см.65,с.30-31).

Становление историко-материалистического воззрения Маркса происходит в тот период (с 1835 г. по 1844 г.), когда спадающая волна буржуазной революционности начинает сменяться поднимающейся волной пролетарской революционности. Буржуазия Германии еще только намеривается провести свою революцию 1848 г., а силезские ткачи уже в 1844 г. поднимаются на открытую борьбу против бесчеловечной эксплуатации со стороны буржуазии. И если на первых этапах развитие взглядов Маркса на общество осуществляется под влиянием настоятельной общественной потребности в теоретическом обосновании необходимости революционно-демократических преобразований в Германии, то, начиная с середины 1843 г. Маркса все более начинает захватывать новая, более высокая потребность, потребность в теоретическом обосновании необходимости всемирной пролетарской революции.

Антифеодальное движение, подготовившее революцию 1848 г., будучи по своему содержанию буржуазным, в то же время являлось на первых порах нерасчлененным выражением интересов всего народа в целом. Теоретическим обоснованием буржуазной революции в Германии была немецкая классическая философия²², в особенности, философия Гегеля, продолжавшая в эпоху реакции и усиленной

22 «Подобно тому как во Франции в ХУШ веке, - пишет Энгельс, в Германии в ХІХ веке философская революция предшествовала политическому перевороту» (54,с.273).

цензуры (1818-1830 гг.) выражать и защищать интересы буржуазии, хотя и в завуалированной форме, иносказательно и половинчато. «Единственная область литературы, - пишет Маркс об этом времени, - в которой тогда еще билась живая жизнь, - *область философской мысли*, - перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось» (2,с.39).

Общественный подъем в Германии в начале 40-х годов потребовал использовать рациональные моменты философии Гегеля для борьбы против прусского бюрократического государства и обосновывающей его религии. Необходимо было поставить философию на службу практическому движению, делу просвещения народных масс с целью их подготовки к активному участию в приближающейся буржуазно-демократической революции. Данная общественная потребность осознавалась радикальными представителями гегелевской философии, к которым первоначально примыкал и молодой Маркс, как необходимость «обмирщения» философии. Последовательная реализация этой задачи требовала освобождения философии Гегеля от темного и запутанного языка, указания на связь рассматриваемых философией проблем с повседневными интересами широких слоев народа.

Антифеодальное движение Германии включало в себя как либеральную, так и демократическую тенденцию. В.И. Ленин, характеризуя различие между либералами и демократами, отмечал, что «и те и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие - разделяя нередко массу иллюзий²³ насчет последствий буржуазного преобразования - вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление» (68, с.154-155). Оживление революционно-демократического движения в Германии выражало революционные устремления масс, борющихся против феодализма, поскольку интересы этих масс еще не дифференцировались. «Обще-

23 Маркс пишет в 1851 г.: «Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т.е. переходной класс, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, - воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма» (17,с.151).

ственная жизнь в немецкой провинции 1844 года, - пишет В.И. Ленин, - похожа на русскую в начале 20 века, перед революцией 1905 года. Все рвется к политике, все кипит оппозиционным возмущением против правительства» (73,с.266). В этих условиях и захватила Маркса настоятельная общественная потребность в людях, готовых бороться за уничтожение феодальной действительности, убежденных в том, что эта борьба необходима, актуальна и способна перестроить мир в лучшую сторону. Именно эта общественная потребность и привела Маркса в начальный период его политического развития в ряды младогегельянского движения, имевшего философско-политический характер и стремившегося приспособить философию Гегеля к условиям предреволюционного развития Германии,- а затем и на позиции последовательного революционного демократизма²⁴.

Если на первых порах своего размежевания с либералами демократы ограничивались преимущественно борьбой за наиболее полное и последовательное осуществление буржуазных политико-правовых свобод, то очень скоро наиболее последовательные из демократов, революционные демократы перешли к защите интересов наиболее обездоленных трудящихся масс, страдающих в первую очередь не столько от недостатка политических свобод, сколько от холода, голода, нищеты и разорения²⁵. Для характеристики последовательной революционно-демократической позиции молодого Маркса, особенно периода написания им последних статей в «Рейнской газете» (с октября 1842 г.), вполне подходит оценка общественно-политической позиции Н.Г.Чернышевского, данная В.И. Лениным в статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция». «Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя - через препоны и рогатки цензуры - идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (69,с.175).

В силу экономической и политической слабости немецкой буржуазии, а также в связи с тем, что пролетариат уже начал выдвигать свои

24 Маркс «уже готов был в 1842 г. в качестве доцента приступить к чтению лекций по философии, - пишет Энгельс, - когда политическое движение, возникшее после смерти Фридриха Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу» (51,с.105).

25 В условиях развития революционного демократизма в России подобный путь был пройден от Г.Белинского до Н.Г.Чернышевского.

самостоятельные политические требования, революционность немецкой буржуазии была непоследовательна, половинчата и заключала в себе реальную возможность перерастания в контрреволюционность. В связи с близкой метаморфозой буржуазной революционности, ведущей в свою очередь к расколу среди революционных демократов на социалистов и буржуазных демократов, лучшие представители революционного демократизма неизбежно должны были перейти на позиции революционного пролетариата. В этом была настоятельная общественная потребность более высокого общественного порядка, диктуемая интересами не буржуазного, а коммунистического преобразования действительности. Именно в этих условиях Маркс и Энгельс пришли к выводу о том, что сломить сопротивление отживших общественных классов можно, только просветив и организовав для борьбы пролетариат как единственный класс, который может и по своему общественному положению должен составить силу, способную сломить старое и создать новое.

Своеобразие социально-экономического и культурного развития Германия обусловило как тот факт, что к коммунизму передовые представители Германия пришли от немецкой классической философии, так и то, что на первых порах немецкая буржуазия пыталась использовать коммунизм как форму для выражения своих оппозиционных настроений по отношению к прусскому монархическому государству. «В Германии все были тогда коммунистами - кроме пролетариата, - пишет В.И. Ленин о 1844 г. - Коммунизм был формой выражения оппозиционных настроений «у всех и больше всего у буржуазии»²⁶. (73,с.266). Рассматривая вопрос о специфике приобщения представителей различных стран к коммунистическому движению Ф. Энгельс пишет в октябре 1843 году, что «англичане пришли к нему *практическим* путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы - *политическим* путем, отправляясь от требования политической свободы и равенства, но, убедившись, что этого недостаточно, они присоединили к своим политическим требованиям требования социальной свободы и социального равенства; немцы же стали

²⁶ К 1847 г. положение меняется. «Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм – рабочее движение», пишет Энгельс в 1890 г

коммунистами *философским* путем, путем размышления над основными принципами» (45, с. 525-536).

§ 2. Теоретическая потребность перехода к научному отражению общественной жизни

Если общественное развитие дает социальный заказ на преодоление «идеологичности» мышления, то его выполнение оказывается возможным в том случае, когда собственная логика развития прогрессивной общественной мысли движется в этом же направлении. Выработав основы историко-материалистического воззрения и утвердившись на позициях пролетарского коммунизма, Маркс и Энгельс подвергли критике «идеологичность» буржуазного мышления и эта критика была одновременно и самокритикой их собственных исходных воззрений.

Понятие «идеология» рассматривается Марксом и Энгельсом в двух значениях. *Во-первых*, идеология рассматривается как совокупность взглядов, основанных на общих мировоззренческих посылах и систематизированных в видах идеологий (политические и правовые взгляды, мораль, философия, религия и др.), отражающих объективные, материальные отношения с позиций интересов определенных классов. *Во-вторых*, под идеологией понимается собственно буржуазная (или феодальная) идеология, то есть исторически определенный тип мыслительного процесса, основанного на идеалистических и метафизических посылах и ведущего к выработке превратных, «идеологических взглядов», к «идеологизму» как извращенным, иллюзорным суждениям и выводам (см.135,с.230)²⁷. В рамках буржуазной идеологии не понятие объясняют из предмета, а предмет из понятия, развитие политических, правовых философских и пр. идей рассматривают не как опосредованное отражение в мыслях экономического движения, а как саморазвитие. Преувеличение относительной самостоятельности и активности идеологических

²⁷ См. также Биккенин Н.Б. «Социалистическая идеология»; Яковлев М.В. «Идеология»; Разумовский И. «Проблемы марксистской теории права»; Безчеревных Э.В. «Проблема преодоления иллюзий и заблуждений на пути к научному знанию и ее решение в «Капитале» Маркса»; Ярошевский Т.М. «Размышления о практике».

форм приводит к тому, что за экономической сферой общественной жизни не признается способность к самодвижению и развитию. Говоря о донаучной идеологии, Энгельс пишет, что «идеология - это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления - или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» (58,с.83). В качестве примера, когда философия оказывается чистой идеологией, выведением действительности не из нее самой, а из представления, является то, что Гегель привносит в историю движущие силы («абсолютная идея») из философской идеологии, а самодвижение понятий выдает за объективную причину развития. У Фейербаха такую же роль играет абстракция человека, исходя из которой он развивает теорию любви как особой религии и пытается с этих позиций определить пути совершенствования общественной жизни.

Идеологичность отражения действительности в сознании идеологов эксплуататорских классов Маркс и Энгельс связывали с объективными противоречиями материальной жизни общества. Видимость самостоятельности истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области возникает не только потому, что с отделением умственного труда от физического, затем с отпочкованием теоретических систем последние прямо приобретают известную самостоятельность по отношению друг к другу и к породившей их основе, свои специфические законы и логику развития. Эта видимость возникает прежде всего потому, что в условиях частнособственнических экономических отношений с неизбежностью совершается процесс отчуждения человека от продуктов его деятельности (в том числе и теоретической) и последние обретают в сознании независимое, автономное существование, более того, воспринимаются как носители суверенной власти над людьми и их отношениями.

Так обстоит дело и в сфере производства («товарный фетишизм»), и в области обмена и денежных отношений («биржевик видит движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денежного рынка и ценных бумаг») (57,с.414), и в области политических отношений (видимость «надклассовости» государства, «всеобщности» буржуазной демократии). В сфере теоретической, идеологической деятельности идеи, принципы представляются как якобы изначальные причины развития (см.164,с.123). Утверждающиеся в условиях буржуазного общества вещные отношения зависимости в противоположность личным выступают так, пишет Маркс, «что над индивидами теперь господствует абстракция, тогда как раньше они зависели друг от друга. Но абстракция или идея есть здесь не что иное, как теоретическое выражение этих материальных отношений, господствующих над ними» (35,с.106).

Преодоление «идеологичности» буржуазного сознания Маркс и Энгельс связывали с достижением высокого уровня развития производительных сил, с наличием реального практического движения пролетариата за революционное преобразование буржуазных общественных отношений и с преодолением разрыва между общественной теорией и революционной практикой. Именно на этой основе складывается научное понимание действительной связи между различными областями общественного производства, понимание строя наличных общественных отношений и соответствующих им идей.

Переход к научному пониманию общественной жизни обусловлен не только степенью зрелости общественных отношений и сопутствующих им форм классовой борьбы пролетариата, но также и необходимостью развития самой общественной науки. Общественная наука, отражающая потребности революционного преобразования общества, с необходимостью приходит к отказу от идеологических иллюзий в объяснении общественной жизни. Историю общественной науки можно рассматривать как историю постепенного устранения идеологической «бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей» (57,с.419). При этом наука, как пишет Маркс, «возводит отдельные этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» (18,с.43). Так в условиях утверждения

и восходящего развития капитализма становящаяся общественная наука последовательно переходит от исследования нравственных отношений, через исследование политических и правовых отношений к исследованию экономических отношений, являющих собой подлинное основание всей общественной жизни²⁸.

Достижениями английской классической политикой экономии на очередь дня была поставлена задача перестройки здания всей общественной науки на основе выведения из экономических отношений идеологических отношений и соответствующих им взглядов, а также организаций и учреждений. Немецкая классическая философия, в лице своего наиболее выдающегося представителя - Гегеля, предприняла попытку наиболее полного и систематического объяснения общественной жизни как системы и процесса, исходя из первенства идеологических отношений. При этом не только были исчерпаны возможности прогрессивного развития общественного знания на идеалистической основе, но и было фактически показано, что не метафизический, а только диалектический метод приведет к действительным достижениям в научном познании. Гегелевская диалектика, пишет Энгельс, «как бы играючи, покончила со всей прежней логикой и метафизикой» (50,с.496). Разработка Гегелем на идеалистической основе диалектического метода давала предпосылки для создания, но уже на основе материализма, нового способа мышления, не боящегося противоречий в определениях вещей и чуждого апологетическому отношению к действительности. Французская историография в лице историков периода реставрации впервые попытались рассмотреть развитие общественной жизни как определяемое борьбой больших групп людей, классов, отстаивающих свои особые экономические интересы.

Маркс отмечает, что французы и англичане, хотя и находились в плену политической идеологии, «все же сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав историю гражданского общества, торговли и промышленности» (40,с.27). Теоретическое отношение человека к окружающему его общественному (и природному) миру всегда опосредствуется его

28 См. Разумовский И. Проблемы марксистской теории права, с.53.

практической переработкой. Последний осознается под углом зрения практического отношения к нему человека, ибо «общественная жизнь, - отмечает Маркс, - является по существу практической» и «все мистерию, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» (40,с.3). Так религиозные иллюзии феодального мышления получили свое в определенной мере рациональное разрешение в практике революционной борьбы французской буржуазии за уничтожение феодальных общественных отношений. И тем не менее общественная наука до Маркса не смогла стать теоретическим отражением действительного движения, ибо пыталась решать теоретические проблемы только как теоретические, в то время как они являются практически-теоретическими проблемами. Правда, французские просветители и материалисты поставили перед собой задачу связать критику с определенной партийной позицией. «Французские материалисты, - отмечает Энгельс, - отнюдь не ограничивались в своей критике областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени» (56,с.311). Однако, будучи не призвана к активному и целенаправленному преобразованию общественных отношений, ограничиваясь проблемами политической эмансипации, буржуазия, даже в лице наиболее выдающихся идеологов, не смогла понять значения революционной практически-критической деятельности, а потому оказалась неспособной к сознательному и последовательному преодолению идеологических иллюзий. Критически-утопический социализм, являясь первым, неразвитым теоретическим выражением пробуждающегося рабочего движения, косвенно выразил стремление пролетариата к преобразованию общества. Однако, рассматривая пролетариат только как униженный и угнетенный класс, неспособный к самостоятельной борьбе за свое освобождение, делая основной упор на просветительской и благотворительной деятельности, утопический социализм не смог встать на путь последовательного преодоления буржуазных иллюзий.

В домарксистской общественной мысли, пишет Энгельс, господствовало идеалистическое понимание истории, которое «не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах,

и вообще никаких материальных интересов; производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры» (52,с,208). Не умея опуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, пишет В.И. Ленин, «социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время - и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно, Но этот вывод совершенно противоречил всем историческим наблюдениям». Перед общественной наукой встала задача устранить это противоречие, «продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека», на выявление «зависимости хода идей от хода вещей» (63, с.136-137). Величие Маркса В.И. Ленин как раз и видит в том, что «он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила» (72,с.40).

Задачу избавления от «идеологических» иллюзий молодой Маркс впервые сформулировал в декабре 1843 г. как потребность реформы сознания «не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме» с тем, «чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий» (11,с.381). Однако, для того, чтобы поставить подобную задачу, Маркс сам должен был предварительно пройти путь к избавлению от «идеологических» иллюзий. Особое влияние на молодого Маркса в первоначальный период его самостоятельного развития оказало юридическое мировоззрение, представленное в философии права Канта, Фихте и Гегеля²⁹. Если прогрессирующее развитие буржуазной общественной мысли шло от иллюзий большего порядка к иллюзиям меньшего порядка, то молодой Маркс также включается в совершение данного движения в течение 1837-1841 годов.

²⁹ См. по этому вопросу И.Разумовский («Проблемы марксистской теории права», «Понятие права у Маркса и Энгельса», «Философия и юридическая теория»); В.И.Шкредов «Метод исследования собственности в «Капитале» К.Маркса»; А.А.Пионтковский («Уголовно-правовые воззрения Канта. А.Фейербаха и Фихте», «Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория»); В.С.Нарсеянц «Гегелевская философия права»; Л.И.Спиридонов «Социальное развитие и право»; В.А.Туманов «Судьбы юридического мировоззрения»; А.М.Деборин «Социально-политические учения нового времени».

Если в реальной сфере отношений производства, обмена и распределения экономической и юридической моменты оказываются слитыми воедино, причем юридические отношения выступают в качестве содержательной формы экономических отношений, то юридическое мировоззрение рассматривает правовые отношения в качестве определяющего момента. Из того факта, что все потребности гражданского общества, - независимо от того, какой класс в данное время господствует, - неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение, из того, что экономические факты должны в каждом отдельном случае принять форму юридического мотива, а при этом приходится, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права, делается вывод, пишет Энгельс, что «юридическая форма - это все, а экономическое содержание - ничто» (54,с.312). Действуя с правовыми принципами, юрист воображает, что действует с априорными положениями, в то время как это всего лишь экономические отражения. А это извращение и создает то, что Маркс и Энгельс называют *«идеологическим воззрением»* (57,с.418).

Право, как форма экономических отношений, не есть продукт государственного законодательства, ибо реально существующее правовое отношение лишь закрепляется и регулируется законами государства, но не создается ими. Буржуазные правовые отношения существуют не потому, что создаются законодательством, а потому, что существует капиталистическое производство. Устанавливаемые законами буржуазного государства правовые нормы, поскольку их применение обеспечивает принуждение, придают буржуазным правовым отношениям определенную упорядоченность и обеспеченность от произвола. В свою очередь, законы буржуазного государства складываются под значительным влиянием правовой идеологии, включающей в себя совокупность исторически сложившихся юридических воззрений. Говоря о гражданском праве, Энгельс отмечает, что «ход «правого развития» состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармо-

ническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломает эту систему и втягивают ее в новые противоречия» (57,с.418).

В условиях феодального общества религия выступает в качестве ведущей формы идеологии, а в условиях буржуазного общества ведущей идеологией является право (наряду с политической идеологией). Исторически буржуазия выступила как класс, борющийся против всяких привилегий и ограничений свободы частной собственности. Буржуазные революции, создав нормы права, соответствующие новым, фактически складывающимся отношениям собственности, ускорили развитие товарного производства. Французская революция шла к власти под лозунгом «свободы, равенства, собственности». Эти лозунги, выражая правовые требования, соответствующие экономическим интересам капиталистов как агентов товарного производства, отвечали непосредственно представлениям буржуазии о человеке как о юридическом лице, за которым скрывалась соответствующая экономическая маска. Провозглашение частой собственности, свободы и равенства - это не только лозунги, не только установленные буржуазным государством в форме закона права (юридические нормы), но и «реально существующее волевое, юридическое отношение буржуазного общества, т. е. действительное право» (165,с.57).

Если в общем и целом в развитии буржуазного самосознания этика предшествует философии права, а философия права - политической экономии, то в условиях значительной экономической и политической отсталости Германии философия права у Канта, Фихте и Гегеля сопутствует развитию политической экономии в Англии. При этом, с одной стороны, сама развивающаяся капиталистическая действительность приводила к развитию у названных философов абстрактного понятия «свободной воли» - этого стержня правовой идеологии, а с другой стороны, приводила к критике этого понятия, которая начинается в недрах самой философско-правовой идеологии (выдвигается роль общественных отношений) (см.162,с.84).

Основные политические задачи, поставленные буржуазным развитием Германии, преломляясь в головах ее идеологов не в качестве практически-политических задач борьбы с феодализмом, а

в качестве чисто умозрительных задач нравственного самосознания личности. Если в основе теоретических мыслей французского либерализма, основанного на действительных классовых интересах французской буржуазии, лежали материальные интересы и *воля*, обусловленная и определенная материальными производственными отношениями, то Кант, пишет Маркс, «отделил это теоретическое выражение от выраженных в нем интересов, превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии» (воли как объективного фактора экономического и политического развития) «в *чистые* самоопределения «*свободной воли*», воли в себе и для себя, человеческой воли» (воли как идеологического понятия), «и сделал из нее, таким образом, чисто идеологические определения понятий и моральные постулаты» (40, с.184).

Кант («Основоположения и метафизика нравов») соединяет некоторые положения естественно-правовой школы с выводами из своей собственной теоретической философии. Критерий нравственности создается, по Канту, не через познание действительности, ибо нравственное сознание независимо от внешнего мира и развивается по своим собственным законам. Должное, как совокупность нравственных норм, есть продукт внутреннего мира человека, не зависящий от сущего, имеющего место в действительности. По Канту, «автономная и разумная воля» сама вырабатывает свой нравственный закон, «категорический императив», который устанавливает границы собственному произволу, признавая права (свободу) других личностей и этим создавая основы для человеческого общения. Поскольку сама разумная личность является самоограничивающим себя источником права, то понятно, что в основе права лежит всегда частное право. Вместе с тем, рассматривая государство как учреждение правовое, вытекающее из правового состояния, Кант полагает, что помимо внутреннего сознания должного право получает принудительный характер и благодаря защите его «совокупной волей», государством.

Фихте в своих ранних работах занимает наиболее радикальную точку зрения современной ему французской буржуазии. Он делит права на отчуждаемые и неотчуждаемые, рассматривая в качестве неотчуждаемых прав право на революцию, а также провоз-

глашенную буржуазией свободу личности. Фихте уже понимает, что право заключается не только в свободе, но и в пределе этой свободы. Право выводится им не только из разумного нравственного сознания, порождающего необходимость «взаимного принуждения», но и из необходимых отношений взаимоограничивающих свободу друг друга индивидов, отношений, вызывающих и воспитывающих это разумное состояние правовой свободы. Согласно позднейшим сочинениям Фихте, понятие свободы должно быть воспитано в «я» путем взаимоотношений с другими разумными и свободными «я». Государство мыслится Фихте как концентрация общественно должного в определенный период, как необходимая, рациональная форма сожительства взаимоограничивающих друг друга индивидов на определенном историческом этапе. Для установления равновесия между сословиями, на которые делится общество, для совершенного уравнивания всех граждан, государственная власть должна активно воздействовать на *общественную жизнь*, в частности, на формы распределения, наделяя собственностью всех граждан³⁰. Унаследовав от Канта понятие автономной воли, Фихте признает, однако, основой права уже не само это понятие, но пределы этой воли, устанавливаемые взаимоотношения между субъектами. Право может быть осуществлено принуждением, хотя бы человек и не обладал «доброй» волей, ибо в области права единственной санкцией является сила. По Фихте, мораль и право различаются в своей основе. Разумные существа входят между собой во взаимоотношения посредством действий, поэтому понятие о праве имеет отношение лишь к тому, что проявляется во внешнем чувственном мире, а то, что остается внутри души, может принадлежать морали, а не праву. У Фихте имеют место зародыши представления о праве не только как о специфической идеологии, но и как о необходимой форме общественных отношений. В «Передовице в № 179 «*Kolnische Zeitung*» Маркс называет имя Фихте и Гегеля в ряду тех мыслителей, которые «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» (4, с. III).

³⁰ Близость к подобной точке зрения просматривается в статье Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» (см. 6).

Гегель обосновывает разумность и необходимость права³¹, исходя из определяющего значения социального фактора. Свою философско-правовую концепцию Гегель построил с учетом той возможности, которая существует между свободой и необходимостью, Свобода не есть абсолютный произвол, ибо быть свободным, значит знать свою свободу, понимать ее условия и пределы. Свобода мирового развивающегося духа состоит в возрастании в нем субъективной стороны, т.е. в понимании человеком своей роли и путей своего развития. В исторической действительности, поскольку эта действительность объективно осуществляется, свобода тесно связана с необходимостью. Наличие бытия в обществе этой свободы как преодоленного произвола есть право, и лишь поскольку человек проявляет определенным (ограниченным) образом свою свободу, он вступает в сферу правовых отношений. Воля в праве, именно потому, что проявляет себя как разумная, ограниченная другими волями, определенная воля, не только реализуется как воля в себе, свободный дух, но и тем самым способствует и развитию бесконечной для себя субъективной свободы, т.е. рефлексии о своей свободе, исходного пункта нравственности. Единство субъективного и объективного духа, т.е. разумно устремленного лица и реально существующего, ограничивающего общественный произвол порядка общественных отношений, составляет нравственность, которая развивается последовательно в формах семьи, гражданского общества и государства. *Гражданское общество* представлено Гегелем как ступень в развитии «понятия свободы» и соответственно этому характеризуется с точки зрения сознания и воли людей как особая ступень и определенная сфера права. *Экономические отношения* рассматриваются Гегелем прежде всего с волевой стороны их выражения, ибо он касается экономических отношений лишь постольку, поскольку это требуется для развития «понятия свободы», для его реализации в разумной действительности. *Государство* Гегель рассматривает как такую высшую сферу, в которой частные лица смыкаются через сословия, и которая, охраняя «всеобщие интересы

31 Гегель различает право как положительное законодательство, предмет изучения исторической науки о праве, от его основы, от права разумного, выводимого из понятия (предмет философии права). Право разумное, выводимое из понятия, рассматривается как царство осуществленной свободы, мир духа, выведенный из него самого, его вторая природа.

общества», «сводит действия человека, стремящегося стать центром для себя», к жизни всеобщей субстанции», к действительной свободе воли, единству субъективного и объективного» (165, с.189).

Если Кант рассматривает право главным образом как правовую идеологию, усматривая в «свободной воле» только идеологическое понятие, а у Фихте имеются уже зародыши представления о праве не только как о специфической идеологии, но и как о необходимой форме общественных отношений, то Гегель уже сосредотачивает основное внимание на объективных общественных отношениях, начиная рассматривать «свободную волю» как фактор опосредующий необходимый общественный процесс.

Молодой Маркс в первой половине 1837 года находится под влиянием философии права Канта-Фихте и решает задачу «понять правовые отношения точно также как и формы государства» из самих себя", а со второй половины 1837 г. до конца 1841 года он видит свою задачу в том, чтобы «понять правовые отношения точно также как и формы государства» «из так называемого общего развития человеческого духа» (18,с.6) и на этом пути подготавливается переход к точке зрения зрелого марксизма, рассматривающего «свободную волю» лишь как идеологическую форму, опосредующую экономическое содержание и вместе с тем замаскировывающую его.

§ 3. Потребность интеллектуального и нравственного развития молодого Маркса в научном понимании действительности

Для того, чтобы потребность социального и теоретического развития в научном отражении действительности была реализована, она должна была стать потребностью того индивида (тех индивидов), который обладает необходимыми личностными качествами, соблюдает определенную закономерность в овладении наличным теоретическим материалом, использует и развивает передовую философию в качестве средства познания и преобразования наличных общественных отношений.

Потребность в научном отражении действительности могла быть реализована лишь при условии оплодотворения лучших достижений

предшествующей общественной мысли революционно-практической борьбой пролетариата. Решение этой задачи было под силу только идеологам пролетариата, т.е. мыслителям, теоретически приходящим к тем же самым задачам и решениям, к которым пролетариат приводят его материальные интересы и общественное положение, в особенности практика последовательной классовой борьбы. В этих условиях нужны были вожди, в совершенстве овладевшие общечеловеческой культурой мышления и действия, способные дать пролетариату осознание его собственного положения, потребностей и условий его освобождения³², рассматривающие общественную потребность в научном понимании действительности как потребность своего собственного развития. Нужны были революционеры, полностью подчиняющие свой личный интерес прогрессивной тенденции общественного развития, принимающие участие тем или иным способом в борьбе за ниспровержение капиталистических общественных отношений, рассматривающие свое участие в классовой борьбе пролетариата в качестве действительного жизненного призвания.

Многие исследователи, изучающие развитие взглядов Маркса на общество, отмечают уже в гимназическом сочинении Маркса 1835 года – «Размышления юноши при выборе профессии», в письме Маркса к отцу, Г.Марксу от 10.11.1937 года, а тем более в диссертации Маркса «Различие между и натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» и в др. его работах наличие ряда предпосылок для удовлетворения настоятельной общественной потребности в научном отражении общественной жизни³³.

Во-первых, выделяется наличие у Маркса общественно-полезной установки для служения не делу личного эгоистического блага, а

32 В немногих словах, - пишет В.И.Ленин, - заслуга Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку» (64,с.6).

33 Если Н.Н.Лапин и В.А.Вазюлин, анализируя гимназическое сочинение Маркса «Размышления юноши при выборе профессии», обращают основное внимание на выделение тех моментов, благодаря которым «Карл стал Марксом», то О.Корню и Т.И.Ойзерман, напротив, акцентируют внимание на рассмотрении тех моментов в становлении мировоззрения молодого Маркса, от которых последний необходимо должен был избавиться в ходе своего развития (религиозность, ограниченность буржуазного просветительства, утопизм и оторванность от жизни, романтизм). Последний подход также имеет смысл, ибо семья, в которой воспитывался Маркс, как отмечает В.И.Ленин, «была зажиточная, культурная, но не революционная» (74,с.46).

делу всего человечества. «Если мы, - пишет Маркс в 1835 г., - избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно - жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам» (21, с. 7)³⁴. Готовность Маркса принести в жертву идеям и свою жизнь, и все стремления не есть просто яркая и ослепительная, но мгновенная и единичная вспышка, а внутренняя сущность его натуры, определяющий принцип его жизнедеятельности. Забота же о материальных благах рассматривается Марксом как вторичное, внешнее и подчиненное условие для внутреннего горения духа. *Идеи*, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает вашу совесть, пишет - Маркс в октябре 1842 г., - «это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» (5,118).

В том, что Маркс так близко к сердцу принял служение возвышенным идеалам, велико влияние фон Вестфалена³⁵, которому Маркс, как дорогому другу, посвящает свою докторскую диссертацию. *«Я желал бы, - пишет он в предисловии к диссертации, - чтобы все, кто сомневается в идее, имели, подобно мне, счастье восхищаться полным юношеских сил старцем, который приветствуем всякий прогресс времени с энтузиазмом и серьезностью, присущими истине; проникнутый тем убежденным и светлым идеализмом, который один только знает подлинное слово, способное вызвать*

34 Как отмечает Т.И.Ойзерман, ссылаясь на специальное исследование Г.Манца, сопоставившего сочинения Маркса («Размышления юноши при выборе профессии») с другими сохранившимися в архиве сочинениями школьных товарищей Маркса на эту же тему, сочинение гимназиста Маркса отличается от других работ своим глубокомыслием, яркостью изложения, логической стройностью. Идеиное же содержание рассматриваемого сочинения Маркса обнаруживает много сходства с сочинениями товарищей Маркса. Высказывается предположение, что одним из источников этих общих для большинства сочинений идей были речи директора гимназии И.Виттенбаха, впервые опубликованные в 1801 г. (154, с.49).

35 Барон фон Вестфален - один из наставников (наряду с отцом) юного Маркса, хороший приятель его отца, будущий тесть Маркса, - был прогрессивным и широко образованным человеком, интересовавшимся социальными проблемами, в том числе учением Сен-Симона (см.141,с.33). Ф.Меринг отмечает, что в «старом вестфаленском доме» Карл Маркс находил духовную пищу, которой не мог дать ему родительский дом, а тем более школа (см.152, с.36).

всех духов мира, он никогда не отступал в страхе перед мрачными тенями ретроградных призраков, перед черными тучами, часто застилающими горизонт нашего времени, но всегда, с божественной энергией и мужественно уверенным взглядом, смотрел сквозь все покровы в тот эмпирей, который пылает в сердце мира» (26,с.151). Эти глубокие и проникновенные слова молодого Маркса в адрес Людвиг фон Вестфалена с еще большим основанием могут быть отнесены к характеристике самого Маркса.

Во-вторых, отмечается, что готовность Маркса взвалить на свои плечи боль и дела человечества дополнялась такими личными качествами, которые в максимальной степени благоприятствовали выполнению данной задачи. Чрезвычайно развитое стремление к истине и вера в добро сочетались у Маркса с характером борца, обладающего непреклонной волей, необычайной самокритичностью и требовательностью к себе, а также удивительной работоспособностью³⁶. Самостоятельность суждений проявлялась у Маркса в принятии только тех взглядов и убеждений, которые являются плодом его собственного развития, т.е. лично осмыслены, выверены, выстраданы. В статье «Гайндман о Марксе» В.И. Ленин выписывает те слова Гайндмана, в которых указывается, что у Маркса ненависть «к окружавшей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная»³⁷ (70,с.391).

Последовательность и бескомпромиссность в проведении передовых теоретических принципов не останавливалась у Маркса не только перед «власть имущими», но и перед критическим преодолением своих собственных предыдущих выводов. Маркс один прошел шаг за шагом трудный каменистый путь от философии Гегеля (точнее от

36 В письме Карлу Марксу от 9 декабря 1837 г. его отец, Генрих Маркс, характеризует сына как человека, чуть ли не каждую неделю или две изобретающего новые системы и вынужденного рвать прежние работы, на которые было затрачено много труда. «Мой же деловой, талантливый Карл проводит жизнь в тяжких ночных бдениях, изнуряет свои тело и дух серьезными занятиями, лишает себя всяких удовольствий, - и все это ради возвышенных абстрактных умствований, но то, что он создает сегодня, он разрушает завтра и, в конечном счете, уничтожает свое и не усваивает чужое» (80, с. 641-642).

37 В статье «Дебаты о свободе печати» Маркс требует от защитников свободы печати «горячей страсти к истине, победоносного энтузиазма разума, неотразимого пафоса нравственных сил» (2,с.57).

философии Канта и Фихте через философию Шеллинга и, главным образом, Гегеля) до пролетарского коммунизма. «Ничто не обошло его из связанных с этим борьбы и страданий, - пишет Ф.Меринг, - а сам он никогда их не обходил. Неутомимо перерывал он массу мыслей, которая накопилась в его время, и испытывал каждую мысль до ее глубины прежде чем решить принять или отбросить ее» (126,с.161). Нужно было чрезвычайно развитое нравственное чувство для того, чтобы неутомимая жажда знания, присущая Марксу, и неутомимая самокритичность не подрывали друг друга. Ибо «каждое индивидуальное сознание, - замечает К.И. Гулиан, - может иметь моменты усталости и упадка духа перед этой трудной задачей постоянного выхода за свои пределы для достижения истины. Этот процесс беспощаден, он не допускает остановки, отдыха, самодовольства сознания» (120,с.314). Именно высокие личные качества Маркса и помогли ему в новых еще более сложных исторических условиях продолжить укоренившийся в немецкой классической философии великий интерес к теории, интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Именно высокие личные качества Маркса, помогли ему стать не пророком истины, а искателем, борцом, похитившим «социальную истину» для всего человечества у «земных и небесных богов», подобно Прометею³⁸, похитившему у богов огонь для людей.

В-третьих, прослеживается наличие у Маркса предпосылок для правильной установки на понимание сложности и важности проблемы соотношения между теорией и практикой, а также своего рода практическая хватка в решении реальных коллизий общественной жизни³⁹. С одной стороны, для Маркса характерна внутренняя потреб-

38 Ф.Меринг пишет, что Маркс признавал закованного Прометея «своим любимым святым и мучеником». Сорок лет переносил он печальную участь за то, что не покорился и не стал служить земным богам (42,с.34).

39 Маркс никогда не страдал теоретический высокомерием по отношению к простым людям, так же как В.И.Ленин. Читая книгу Г.В.Плеханова «Н.Г.Чернышевский», В.И.Ленин особо выделяет следующее место: «сознание» человека из «интеллигенции» более развито, нежели сознание человека из «массы». Но «бытие» человека из массы предписывает ему гораздо более определенный способ действия, нежели тот, который задается интеллигенту его общественным положением. Вот почему материалистический взгляд на историю позволяет лишь в известном и притом очень ограниченном смысле говорить об отсталости человека из «массы» сравнительно с человеком из интеллигенции: в известном смысле «простолудин», несомненно, отстаёт от «интеллигента», а в другом смысле он, несомненно, опережает его...» (76, с.549).

ность к занятиям абстрактной наукой (философией), потребность, впитавшая в себя лучшие традиции буржуазного просвещения, а также философски окрашенной духовной атмосферы Германии, но в то же время Маркс понимает, что *занятие абстрактной наукой может быть опасно для юноши*, не познавшего самого себя, не постигшего сложности жизни, не имеющего твердо сложившихся убеждений (а потому для него может быть предпочтительнее - особенно если посоветуют родители - занятие первоначально не теоретической, а практической деятельностью). Осознание Марксом важности первоначального занятия практической деятельностью. вторгающейся в самую жизнь, несет на себе отпечаток мудрых и дружеских бесед Маркса со своим отцом. Генрих Маркс, будучи юристом по профессии, понимал жизнь во всей ее сложности и беспощадной суровости, а потому беспокоился, что именно недостаточное знание практической, реальной жизни, при громадном критическом таланте его сына, может оказать пагубное влияние на карьеру последнего⁴⁰.

Коллизия между желаемым (стремлением Маркса заниматься абстрактной наукой) и должным (пониманием важности первоначального занятия практической профессией) намечается уже в указанном выше гимназическом сочинении, но особенно отчетливо проявляется в письме к отцу. «Я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии», пишет Маркс в начале своего письма, а в середине письма вновь возвращается к данной теме,- «Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед, Таким образом, я мог с чистой совестью снова кинуться в ее объятия» (22, с.10,13).

Немаловажное значение для того, чтобы «Карл стал Марксом», имела, на наш взгляд, и *определенная завершенность* интеллектуального развития Маркса к началу второго года его обучения в университете, создавшая предпосылки для творческого освоения наличного теоретического материала в формах своего собственного движения к осознанию действительности и путей ее преобразования

40 Н.Н.Лапин отмечает, что отец тонко руководил процессом духовного созревания своего сына: тактично, но настойчиво повлиял он на первоначальный выбор сыном профессии юриста и затем с полным пониманием отнесся к его исканиям в иной области. Именно отец в значительной степени помог Марксу выработать умение трезво учитывать реальные трудности» (см.141, с.33).

сообразно потребностям времени. Д.Земберг и К.Швед отмечают, что Маркс, приехав в Берлинский университет, наметил план большой юридической работы и при попытке ее осуществления ощутил настоятельную потребность в философском обосновании (125, с.69). Поскольку Маркс сочувствовал либерально–демократическому движению, пишет О.Корню, то «ему было необходимо в его начавшейся борьбе с внешним миром прежде всего ясно разобраться в самом себе и *выработать мировоззрение, которое отвечало бы его внутренним влечениям*⁴¹. В.А.Вазюлин, в свою очередь, обращает внимание на то, что сама закономерность развития взглядов на общество у индивидуума предполагает уже на первом этапе, *во-первых*, обстоятельное ознакомление с определенной общественной наукой (в данном случае с юриспруденцией), *во-вторых*, самостоятельное осмысление и разработку существующей методологии (см.113,с.45).

В берлинском университете в 1836-1837 уч. году Маркс слушал лекции двух выдающихся представителей различных направлений в правой науке: Савиньи (историческая школа права) и Ганса⁴² (гегелевская правовая школа). В то же время Маркс знакомится и с правовыми теориями, развивающими положительные моменты канто-фихтевской трактовки права (А.Фейербах, Тибо). Во взаимных столкновениях точек зрения представителей различных правовых воззрений в условиях начинавшегося в Германии оживления общественно-политического движения не могла не отражаться борьба сил реакции и прогресса, являвшая собой благодатную почву для выработки собственной точки зрения.

Примкнув к младогегельянкам, Маркс одновременно оказывается в центре не только философской, но и общественно-политической борьбы против монархического государства и освящающей его религии, ибо само младогегельянство в лице лучших его

41 О.Корню. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. «Жизнь и деятельность», И.,1959, т.1,с.105.

42 О.Корню отмечает, что Ганс оказал большое влияние на духовное развитие Маркса (137,с.104). В своих автобиографических очерках Ганс пишет о тех задачах, которые он стремился решать в лекциях: «В своих лекциях я всегда стремился поднять сознание молодых людей на более высокую ступень и, вводя юридическую науку в великий братский круг исторических и философских дисциплин, освободить ее от сковывающих ее цепей. Вывести науку права из вулгарного круга. Для этого нужно точно вникнуть в философию нашего времени и прислушаться к юридическим суждениям, которые нам сохраняет история всех времен» (цит. см.125, с.69).

представителей находилось на уровне современной теоретической мысли. В «Докторский клуб» младогегельянцев Маркс был принят, будучи еще студентом, в качестве равного с такими выдающимися его представителями как Б.Бауэр и Ф.Кеппен, но вскоре перерос и их. Так К.Ф.Кеппен, в письме К.Марксу от 3 июля 1841 г. называет Маркса «магазином мыслей», «фабрикой идей», ибо идеями Маркса пользовался не только Кеппен, но и глава младогегельянцев Б.Бауэр.

Поскольку исторически и логически в становлении современной культуры последовательно обретают зрелость искусство, философия и наука⁴³, постольку и в становлении интеллекта личности перечисленные выше ступени с соблюдением их последовательности и единства являются необходимым условием для овладения современным уровнем научного знания. Показывая сложность овладения современным уровнем мышления, Э.В.Ильенков отмечает, что здесь нужно освоить и действие (политику) и современную культуру (науку, философию, искусство) (см.132,с.147).

Занятие искусством в качестве первоначальной ступени в овладении современной культурой, с одной стороны, формирует богатство внутреннего мира индивида, развивая у него способность к творчеству, целостно-образное видение мира и своих чувств и мыслей, и окружающей действительности, с другой стороны, служит формой непосредственно-эмоционального, эстетического отношения к противоречиям социального развития. Отмечая связь искусства с общественным движением, молодой Маркс пишет: "лишь борьбою бесконечной формируется поэт" (31, с.347).

Теоретическое освоение действительности отличается от художественного ее освоения, освоение философское предполагает переход от постижения мира сообразно законам красоты к постижению мира сообразно законам истины, когда ухватываются и фиксируются всеобщие и универсальные закономерности действительности, формируется целостно-понятийное видение мира как системы и процесса. В «Немецкой идеологии» Маркс характеризует философию как «сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они

43 Г.Волков "Три лика культуры" (см. 118, с. 185-200).

могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слов» (40, с. 26).

Переход к конкретным общественным наукам - это переход от одностороннего, абстрактного постижения действительности, когда преобладает «дело логики», к использованию мировоззренческих и методологических возможностей передовой философии для углубленного изучения областей действительности через уяснение «логики дела» с последующим изложением полученных результатов методом восхождения от абстрактного к конкретному. Действительная положительная наука есть, по Марксу, «изображение практической деятельности, практического процесса развития людей», ибо трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению исторического материала, «когда принимаются за его действительное изображение» (40, с. 26). Если идея материализма в социологии, высказанная Марксом в 40-х годах XIX века, впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам, то именно фактическое изучение капиталистических производственных отношений и соответствующей им надстройки позволило Марксу в «Капитале» показать «всю капиталистическую общественную формацию как живую - с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями» (63, с.139).

К поэтическому творчеству молодой Маркс приобщился главным образом под влиянием немецкой классической литературы в лице ее виднейших представителей - Гете, Шиллера, Гейне, а также под влиянием немецких романтиков - Уланда, Шамиссо, Брентано. Во время учебы на первом курсе юридического факультета в Бонне Маркс вступил в кружок молодых поэтов, а в период учебы на втором курсе в Берлинском университете он намеревался издавать «Альманах муз». Особенно большое внимание Маркс уделял литературно-поэтическому творчеству в 1833-1837 годах⁴⁴, а первым печатным произведением

44 См. литературно-поэтические опыты молодого Маркса (1833-1837) - Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.40, с.533-586.

Маркса были «Неистовые песни» в 1841 г. В первые годы учебы на юридическом факультете у Маркса тесно переплетаются между собой занятия искусством, философией и наукой и в то же время просматривается последовательность перехода от увлечения искусством к увлечению философией и наукой. Это, в частности, видно из письма от 10.XI.1837 г., написанного Карлом Марксом в ответ на письмо его отца, Генриха Маркса от 20.U111.1837 г., в котором отец писал: «Мне будет приятно получить от тебя краткий набросок того, что ты проделал в этом году в области юриспруденции» (80,с.628). Для того состояния духа, в котором я тогда находился, пишет Карл Маркс о первом семестре 1836-1837 уч. г., «лирическая поэзия должна была стать первой темой, - по крайней мере самой приятной и близкой»⁴⁵ (22,с.9). «Но поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии», а «в конце семестра я снова обратился к пляскам муз и к музыке сатиров» (22,с.10,14). В отношении своего диалога «Клеант или об исходном пункте и необходимом развитии философии» Маркс прямо пишет, что «здесь в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся друг с другом» (22,с.15).

Философия оказывается в центре внимания Маркса в тот момент, когда он, с одной стороны, «прочел - без всякого критического отношения, по-ученически - Гейнекция, Тибо и источники» (пандекты), а с другой стороны, «пытался провести некоторую систему философии права через всю область права» (22,с.10). В качестве первой части системы философии права у Маркса шла метафизика права, т.е. «принципы, размышления, определения понятий, оторванные от всякого действительного права и всякой действительной формы права» (на манер фихтевских «Основ естественного права, согласно принципам науки»), в качестве второй части следовала философия права, т.е. «рассмотрение развития мысли в положительном римском праве» (на манер кантовских «Метафизических положений о праве» (22, с.10-11).

⁴⁵ Иронизируя по поводу «состояния духа» своего сына в это время, Г.Маркс пишет 12.U111.1837г. своему сыну: «но при малейшей буре всецело отдаваться во власть горя, при каждом страдании обнажать свое разбитое сердце и этим самым разбивать сердца любимых людей - это ты называешь поэзией?» (80,с.625).

В противовес исторической школе права, представителей которой Маркс слушал и в Боннском университете (Э.Пугге) и в Берлинском университете (Савиньи - глава школы), считавшей, что право является выражением «духа народа», а потому и не может быть реформировано с помощью законодательства, Маркс стремился соединить рациональные моменты канто-фихтевской трактовки права с рациональными моментами философии Руссо. Возвращаясь в напечатанной в августе 1842 г. статье «Философский манифест исторической школы права» к исходной для него проблеме противопоставления реакционной исторической школы права и философии Канта, Маркс пишет: если «*философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского ancien regime (старого порядка. Ред.)*» (3, с. 88).

Если в методологическом плане первая самостоятельная работа Маркса, имевшая целью «провести некоторую систему философии права через всю область права», - обнаруживала зависимость от канто-фихтевской философии, то, тем не менее, в отличие от Канта, не признававшего возможность борьбы за счастье людей, Маркс стремится уже из осмысления проблем права делать радикальные выводы. «В твоих взглядах на юриспруденцию есть доля истины, - писал ему отец от 28.XI. 1836 г., - но, будучи приведенными в систему, они способны вызвать бурю, а ты еще не знаешь, какими грозными могут быть бури в науке» (80, с. 616).

Выявив в ходе исследований ложность всей своей системы философии права и усматривая причины этого в том, что он исходил из присущей канто-фихтевскому идеализму противоположности между действительным и должным (точнее, в том, что он исходил не из диалектического, а из метафизического метода), Маркс вместе с тем убедился в огромной важности философии для осмысления общественной жизни. «Снова для меня стало ясно, - пишет он, - что без философии мне не пробиться вперед» (т.е. к пониманию правовых отношений и форм государства), и если ранее Марксу не нравилась «причудливая дикая мелодия» гегелевской философии, то сейчас он ее подвергает критической проверке с тем, чтобы убедиться, «что

духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная»⁴⁶(22,с.13,15).

Поставив перед собой задачу «философски-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история» и познакомившись для ее решения с естествознанием, Шеллингом и историей, Маркс в ходе работы, стоившей ему «огромных умственных усилий» пришел фактически к повторному открытию гегелевской логики («она, в сущности, должна быть новой логикой») (22,с.15). И только во время болезни, связанной, в частности, с тем, что «приходится сотворить себе кумира» из ненавистного воззрения, Маркс «ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников» (22,с.16). Сначала под влиянием собственных теоретических исследований, а затем и под влиянием споров в «Докторском клубе», обнаруживающих различные, прямо противоположные друг другу взгляды среди младогегельянцев, становились все крепче узы, связывающие Маркса с современной мировой философией, влияния которой он «думал избежать» (22,с.16).

Одной из причин непринятия ранее гегелевской философии был тот факт, что гегелевская философия, взятая в ее «первозданном виде», в качестве официальной философии прусского государства, не оставляла Марксу возможностей для борьбы за претворение в действительность абстрактного гуманистического идеала⁴⁷. Однако, сблизившись с младогегельянами, Маркс обнаружил, что младогегельянская интерпретация философии Гегеля, раскрывая противоречивость последней, позволяла не только признавать разумность действительности, но и видеть ее неразумие, не только признавать религию и прусское государство, но и обосновывать необходимость их уничтожения. Младогегельянская интерпретация философии Гегеля позволяла Марксу получить в свои руки теорию не только объясняющую то, что

⁴⁶ Маркс приписывает Гегелю следующее признание: «Я обучаю словам, перемешанным в яростном вихре. Каждый пусть их поймет, как ему любо понять» (31,с.486).

⁴⁷ Т.И.Ойзерман отмечает, что вначале Маркс исходил из представления о непреодолимой противоположности между должным и сущим, из убеждения о возможности подчинить социальную действительность моральному долженствованию (154, с.52-53).

есть, но и дающую теоретическое обоснование для революционно-демократического преобразования полуфеодальной прусской действительности. Отмечая революционный характер учения Гегеля, В.И. Ленин пишет, что «вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии о том, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития» (64, с.7).

В овладении индивидом теоретическим пониманием действительности можно выделить три основные ступени. *На первой* индивид противопоставляет свой сформировавшийся внутренний мир, свои идеалы самому действительному миру, полагая, что последний должен быть изменен согласно этим идеалам (теоретическим осмыслением и выражением данной точки зрения является философская концепция Канта-Фихте). *На второй* ступени индивид переходит как к уточнению и углублению своих первоначальных идеалов, так и к рассмотрению самой точки зрения должного как момента процесса развития современной духовной культуры (теоретическим осмыслением и выражением данной точки зрения является философия Гегеля). И только на *третьей* ступени индивид, применяя освоенную теоретическую точку зрения для преобразования действительности с позиций защиты общечеловеческих ценностей, вырабатывает подлинно научное знание, подлинно научные приемы преобразования действительности. Ибо овладение наличные теоретическим знанием выступает не более как предпосылка к подлинному пониманию жизни, теоретическому отражению действительного движения. И если Маркс в своем индивидуальном развитии первоначально осваивает и повторяет достижения Канта, Фихте и Гегеля, то третья ступень, ступень подлинно научного понимания действительности теоретически впервые осмысливается и выражается им именно в философии марксизма.

Формирование научного воззрения на общественную жизнь у индивида предполагает не только общее знакомство с состоянием

общественных наук или, по крайней мере, обстоятельное знакомство с некоторыми из них (для Маркса это юриспруденция и история), не только освоение и развитие самой передовой из существующих методологий (для Маркса это философия Гегеля), но и активное участие как в теоретической, так и в революционно-практической борьбе по преобразованию действительности (для Маркса это последовательный переход от философско-политического движения младогегельянцев и от политического радикализма к последовательному революционному демократизму, а от него к непосредственному участию в коммунистическом движении пролетариата, к его осмыслению и выражению с позиций материализма). Через освоение нравственных, политико-правовых, философских, политико-экономических и пр. представлений и идей индивид подключается к освоению наличных общественных отношений, к выполнению необходимых на данном этапе развития общественных функций.

Осваивая идеи господствующего класса, индивид буржуазного общества подключается в первую очередь к утилитаристской практике, направленной на поддержание его индивидуального существования, и в этом случае сознание индивида, как осознание условий своего собственного существования, не выходит за пределы иллюзорного отражения действительности. Включившись в практику революционной борьбы за уничтожение устаревших общественных отношений, индивид осваивает идеи, отражающие интересы революционного класса, получая тем самым социальную основу для перехода к научному пониманию действительности. Именно отказ от подчинения всей своей жизни удовлетворению утилитарных потребностей и включение первоначально в антифеодалное движение в Германии, а затем и в антибуржуазное движение в капиталистически развитых странах Европы позволяет Марксу встать на путь научного понимания общественной жизни. И если в 1837 г. Маркс еще мечтает о карьере юриста, а в 1841 г. по окончании университета, намеревается занять кафедру логики в Боннском университете, то, включившись в революционно-демократическую борьбу против прусского монархического государства в 1842-1843 гг. в

качестве журналиста, Маркс самой логикой последовательной классовой борьбы подводится к тому, чтобы стать профессиональным пролетарским революционером.

В условиях подготовки буржуазно-демократической революции в Германии немецкая классическая философия выступала в качестве важного средства борьбы за утверждение буржуазных общественных отношений. С 1835 г. до середины 1843 г., в тот период, когда Маркс примыкал к революционно-демократическому движению в Германии, он последовательно использовал и развивал рациональные моменты философии Канта и Фихте, Шеллинга и Гегеля, младогегельянцев и Фейербаха в качестве средства познания и преобразования общественных отношений. Причем, если с 1835 года по 1841 г. Маркс ограничивался преимущественно теоретическим осмыслением наличных общественных отношений и путей их радикального преобразования, то с начала 1842 г. до середины 1843 г. теоретическое осмысление действительности сочетается с непосредственным участием в революционно-демократической борьбе за уничтожение феодальных общественных отношений, а с середины 1843 г. Маркс переходит к активному участию в коммунистическом движении.

Уже в гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» - этом исходном пункте самостоятельного духовного развития молодого Маркса, - центральной оказывается проблема соотношения человеческой деятельности и наличных общественных отношений. С одной стороны, человеку предоставляется возможность «занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое дает ему наилучшую возможность возвысить себя в общество», с другой стороны, «наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие» (21,с.3,5). Поставленная в сочинении задача выбора профессии, открывающей «наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества» (21,с.6), конкретизируется в период учебы на

втором курсе университета как необходимость понять наличные общественные (правовые) отношения. При этом Маркс убеждается, что познание, а тем более преобразование общественных отношений невозможно без использования передовой философии.

В период влияния философии права Канта и Фихте молодой Маркс стремился понять «правовые отношения точно также как и формы государства» «из самих себя». Субъективные идеалисты движущую силу истории искали в деятельности великих людей, в различных общественных идеях и политических учреждениях. Наиболее последовательные из них приходили к выводу, противоречащему всем историческим наблюдениям, о том, будто бы общественные отношения строятся людьми сознательно. В период влияния на Маркса философии Гегеля и младогегельянцев, он стремился понять «правовые отношения точно также как и формы государства», «из так называемого общего развития человеческого духа». «Тот же самый дух, который строит железные дороги руками рабочих, - пишет Маркс в июле 1842 г., - строит философские системы в мозгу философов» (4,с.105).

Гегель впервые стал рассматривать общественную жизнь как необходимый процесс, имеющий свои собственные законы, когда из сознательных поступков отдельных людей необходимо вытекают непредвиденные ими последствия, касающиеся всей совокупности общественных отношений. «Во всемирной истории, — пишет Гегель, - благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают»; «они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» (87,с.27). Показав, что изменения общественных отношений, непредвидимые людьми, но являющиеся результатом их действий, совершаются по необходимым законам, Гегель поставил тем самым перед теоретической философией задачу открыть их. А раз теоретическая философия выполнит эту задачу, то она даст

совершенно новую, непоколебимую основу философии практической, ибо если известны законы общественно-исторического развития, то создается возможность для человека сознательно и целенаправленно воздействовать на наличные общественные отношения. Вместе с тем, философия продолжала рассматриваться Гегелем как наука наук, а потому его философия истории, права и религии состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала зачастую связь, измышленная самим философом. Рассматривая в качестве той основы, на которой держится природа общественных отношений, «понятие», абсолютную идею, Гегель олицетворил тем самым наш собственный логический процесс. При этом получалось, что воспроизводя в своем историческом развитии ход логического развития абсолютной идеи, человечество повинуетя чуждой ему, вне его стоящей силе.

Подобная точка зрения сковывала инициативу идеологов буржуазии накануне приближающейся буржуазно-демократической революции в Германии. Поэтому против господства гегелевской абсолютной идеи решительно восстали наиболее радикальные представители гегелевской школы, младогегельянцы. Г.В.Плеханов отмечает, что «восставая против абсолютной идеи, молодые гегельянцы восставали прежде всего во имя самостоятельности людей, во имя конечного человеческого разума»⁴⁸ (93,с.603). В тот период, когда Маркс примыкал к младогегельянкам, он рассматривал философию как направленную «против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством» (25, с.153-154).

В тот период времени, когда Маркс фактически решал задачу теоретического осмысления и выражения младогегельянского движения в связи с потребностями антирелигиозной борьбы в Германии,

48 «Разум не есть объективная, отвлеченная сила, - пишет Э.Бауэр, - по отношению к которой человек представлял бы собой лишь нечто субъективное, случайное, переходящее; нет, господствующая сила есть именно сам человек, его самосознание, а разум есть лишь сила этого самосознания. Следовательно, нет никакого абсолютного разума, а есть лишь разум, вечно видоизменяющийся с развитием самосознания: он вовсе не существует в окончательном виде, он вечно видоизменяется» (Цит. 93,с.603).

он ограничивался использованием главным образом рациональных элементов философии Гегеля. Переход к практической борьбе против прусской социально-политической действительности в период работы в «Рейнской газете», поставивший Маркса перед необходимостью теоретического осмысления и выражения революционно-демократического движения, заставил его использовать также и рациональные моменты антропологического материализма Фейербаха. Когда же антифеодальное движение в Германии, исчерпав возможности своего прогрессивного развития, стало распадаться на социалистическое и буржуазно-демократическое направления и перед Марксом встала задача теоретического осмысления и выражения коммунистического движения пролетариата, то он обнаружил, что решение этой задачи невозможно без последовательного распространения материализма на объяснение общественных явлений, то есть без создания принципиально новой философии.

Распространение материализма на объяснение общественной жизни требовало создания такого метода, которым пользуется не как готовым шаблоном, а как руководящей нитью при историческом исследовании. Последнее, в свою очередь, требовало преодоления не только идеалистических, но и метафизических тенденций в философии. Буржуазное философское мышление характеризуется борьбой между метафизической и антиметафизической тенденциями, которая получила в философии Гегеля и Фейербаха свое наиболее полное и законченное выражение. При этом метафизика выступает и как «наука» о сверхчувственных принципах и началах всякого бытия, развиваемая в противоположность положительному знанию, и как антидиалектический метод мышления. Во всех формах метафизики отражается назревшая в современном знании потребность в мировоззренческом синтезе в условиях сохранения противоположности между умственным и физическим трудом, в условиях разрыва между теорией и практикой⁴⁹. Буржуазная философская мысль, если и рассматривала проблему соотношения теории и практики, то

49 См. статью: Метафизика, - Философская энциклопедия, т. 3, с.402-408

главным образом в рамках умственного труда, как теорию и практику господствующего класса. Развитие материалистических и диалектических тенденций в буржуазной философии отражало развитие буржуазной практики, тот факт, что главным и определяющим элементом у представителей господствующего класса становится не религиозный, теологический интерес, а мирской, земной интерес. Буржуазное философское мышление не способно преодолеть полнотью метафизические тенденции⁵⁰, так как оно не может перейти к рассмотрению материальных отношений в качестве первичных и определяющих по сравнению с идеологическими. Развитие взглядов Маркса идет по пути постепенного перехода от теоретического осмысления революционно-практической деятельности буржуазии, через осмысление революционно-практической деятельности широких трудящихся масс к осмыслению революционно-практической и материально-производственной деятельности пролетариата.

Именно распространение материализма на объяснение общественных явлений на основе перехода на позиции пролетарского коммунизма подвело Маркса к мысли, что «правовые отношения, так же точно как и формы государства» «коренятся в материальных жизненных отношениях», что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» (18,с.6). В свою очередь переход к анализу политической экономии на основе материалистического метода познания общественных явлений, синтезировавшего в себе достижения немецкой классической философии с достижениями утопического социализма и коммунизма и английской политической экономии, подтвердил мысль Маркса о том, что объяснение политико-юридических форм нужно искать в материаль-

50 «Только в общественном состоянии, - пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», - субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм «утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение теоретических противоположностей само оказывается возможным только практическим путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительную жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что она видела в ней только теоретическую задачу»(34,с.123).

ных жизненных отношений и позволил ему сделать вывод о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (18,с.7). При этом Маркс опирался и на экономические исследования своего друга и соратника Энгельса, который «*первый* сказал, - пишет В.И.Ленин, - что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение» (64, с.9).

РАССМОТРЕНИЕ К. МАРКСОМ ПОЛИТИКИ В КАЧЕСТВЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В качестве революционного демократа К.Маркс использует рассмотрение общественной жизни через призму идеологических иллюзий для борьбы за счастье народа, за интересы широких трудящихся масс. Если в период написания докторской диссертации он еще рассматривает общественную жизнь главным образом с использованием философско-религиозных иллюзий, то в период работы в «Рейнской газете» для него характерно преимущественное рассмотрение общественной жизни через призму политико-правовых иллюзий. Важно постоянно иметь ввиду два обстоятельства: во-первых, до тех пор, пока антифеодальное движение в Германии развивалось по восходящей линии и сохраняло свой прогрессивный характер, использование идеологических иллюзий для его теоретического выражения и для борьбы против феодальной идеологии носило исторически оправданный характер; во-вторых, именно по мере того как К.Маркс все глубже входил в решение задач защиты интересов широких народных масс, отстаивая интересы уже не только политически обездоленной, но и социально обездоленной массы с позиций последовательного революционного демократизма, его идеалистическое по своей сущности воззрение на мир все более и более наполнялось реальным содержанием, являя собой в последних статьях в «Рейнской газете» уже «на голову поставленный материализм».

§ 1. Исходная теоретико-методологическая позиция К Маркса.

Исходная теоретико-методологическая позиция, приводящая, в конечной счете, к выделению политики в качестве определяющей сферы общественной жизни, изложена Марксом в его докторской

диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1839-1841 гг.), написанной в тот период, когда он интересовался в основном философскими и религиозными проблемами⁵¹. По своей социальной проблематике исходная позиция Маркса представляет собой идеологическое отражение формирующихся буржуазных производственных отношений в Германии и сопутствующего им процесса становления действительного либерализма, того политического движения, которое началось в Германии с 1840 г. Она очень тесно соприкасается с социальной проблематикой французских просветителей и материалистов, ибо в тот период времени немецкая буржуазия еще только приближалась к той ступени экономического и политического развития, на которой французская буржуазия находилась в 1789 г. (см.40,с.185). По своей идеологической форме исходная позиция Маркса представляет собой дальнейшее развитие философии Гегеля, взятой первоначально в ее младогегельянской интерпретации. Раскрытие исходной позиции Маркса предполагает рассмотрение специфики осмысления эпохи переворота через призму политико-правовых иллюзий у французских просветителей и материалистов, через призму философско-религиозных иллюзий у Гегеля и младогегельянцев, а также рассмотрения того, как Маркс использует в диссертации точку зрения философских иллюзий для осмысления как эпохи переворота в целом, так и своего места в борьбе за революционно преобразование действительности.

51 Маркс разделяет в этот период времени точку зрения буржуазной историографии либо совершенно игнорировавшей действительное производство жизни как действительную основу истории, либо рассматривающей ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. Действительное производство жизни представлялось при этом чем-то доисторическим, а историческое - чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром, а в результате из истории исключалось отношение людей к природе, чем создавалась противоположность между природой и историей. При таком подходе в истории могли видеть только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую, борьбу, и при изображении той или иной исторической эпохи разделяли иллюзии этой эпохи о том, что эта эпоха определяется «политическими» или «религиозными» мотивами (хотя и религия и политика суть только формы ее действительных мотивов). «Воображение», «представление» определенных конкретных людей эпохи переворота о своей действительной практике превращалось в единственную и определяющую активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее (см.40,с.38).

Когда французской буржуазии в ее борьбе против феодализма удается сбросить религиозную форму защиты своих интересов и она начинает вести борьбу в открыто политических формах, единственно соответствующих развитому самосознанию буржуазии, утверждается мнение, разделяемое как Гегелем в «Философии права», так и молодым Марксом в период работы в «Рейнской газете», что идеи есть, в конечном счете, причина исторических перемен, что гражданское общество, царство экономических отношений является определяемым элементом, а государство, политический порядок, - определяющим, что реальные отношения собственности зависят не от экономики, а от правовых идей. Именно близость молодого Маркса к подобной точке зрения и заставляла его делать вывод о том, что как отсутствие широких общенациональных интересов у немецкой буржуазии, так и стремление Рейнского ландтага приравнять сбор валежника к покраже леса, «есть непосредственный результат той теории», «что при обсуждении закона о лесе надо-де думать только о дереве и лесе и что вообще каждую отдельную материальную задачу следует решать *не политически*, т.е. решать вне связи со всем государственным разумом и с государственной нравственностью» (6.с.160).

Осмысление эпохи переворота через призму политико-правовых иллюзий в условиях Франции было связано как с известной зрелостью буржуазных производственных отношений, так и с наличием действительного политического либерализма. Первоначально классовая борьба буржуазии с феодализмом осуществляется преимущественно как борьба частных материальных интересов буржуа и феодалов (сфера утилитарно-практической деятельности), в ходе которой буржуазные производственные отношения вырастают в качестве подчиненного уклада общественного хозяйства. Выступая в качестве экономических форм капиталистических производительных сил, буржуазные производственные отношения обнаруживают себя в то же время в качестве содержания идеологических отношений соответствующей им общественной психологии и идеологии⁵². При

52 У Маркса, пишет Г.В.Плеханов о сформировавшемся марксизме, «экономика общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил и л» (93, с. 645.).

этом буржуазные правовые отношения, вырастая первоначально как стихийное оформление становящихся буржуазных производственных отношений в форме правовых обычаев, не только вызывают к жизни соответствующую правовую идеологию, но и требуют своего законодательного оформления. В аналогичной ситуации в условиях Германии Маркс усматривает цель установления разумного законодательства в том, чтобы бессознательные естественные законы свободы стали осознанными государственными законами. Законы, по мнению молодого Маркса, - «это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа» (2, с.63).

По мере развития буржуазных производственных отношений необходимость утверждения буржуазного права во Франции все более и более выступает как материально мотивированное выражение воли французской буржуазии. Поскольку буржуазное право могло выступить в качестве всеобщего и обязательного, т.е. как проявление воли государства, только при условии замены феодального государства буржуазным, постольку буржуазные правовые идеи получают свое концентрированное выражение в политических идеях и, соответственно, выявляется решающее значение политической борьбы для установления господства буржуазии. При этом классовая борьба буржуазии против феодализма выступает на поверхности общественной жизни как борьба оппозиции против правительства, в основе которой лежит, по мнению ее участников, борьба за политические принципы. Точно так же и Маркс в период борьбы против прусского монархического государства первоначально в качестве сотрудника, а затем и редактора «Рейнской газеты», полагал, что он отстаивает принцип нравственного государства против принципа прусского монархического государства. Господство политико-правовых иллюзий в буржуазном сознании эпохи переворота связано с тем обстоятельством, что политические и правовые отношения приобретают в этот период известную самостоятельность по отношению к производственным отношениям, а потому уже в обыденном сознании практических участников эпохи переворота политические и правовые

идеи рассматриваются как таинственные и самостоятельные силы. Теоретическое сознание буржуазных идеологов (политиков и юристов) придает этим общим представлениям обыденного сознания особое значение, правовые и политические понятия возводятся в культ и в них, а не в производственных отношениях усматривается истинная основа «всех реальных отношений собственности» (40,с.360).

Тот факт, что формирующиеся производственные отношения требовали коренного изменения отношений между людьми, а значит и замены феодальной природы человека буржуазной (поскольку сущность человека есть совокупность конкретных общественных отношений), будучи результатом, итогом всего предшествующего общественного развития, в сознании буржуазных идеологов был воспринят как исходный пункт. Отсюда противопоставление феодальной и буржуазной природы человека выступает в сознании французских просветителей и материалистов как абстрактное противопоставление неприродного (божественного) и природного (естественного) индивида. Абстрактное противопоставление природного и неприродного оказывается отправной точкой для признания «естественного» индивида нормальным индивидом, разум которого может быть мерилем существующего. Именно с позиций разума французские просветители и материалисты выступили с беспощадной критикой религии и феодального монархического государства, требуя установления «разумного общества» и «разумного государства». Аналогичной является и позиция молодого Маркса, видящего «свободный разум властелином мира» (4,с.109). Правда Маркс исходит не из индивидуального разума, а из общественного, считая, что новейшая философия, придерживаясь более глубоких и идеальных взглядов, исходит в своей конструкции государства из идеи целого, «Она рассматривает, - пишет, Маркс, - государство как великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин, повинуюсь законам государства, повинуеться только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума» (4, с.112).

В идеях эпохи переворота отражались как действительные интересы буржуазии как класса идущего к власти⁵³, так и мнимые, иллюзорные интересы широких народных масс. Говоря о революции 1789 г. во Франции, Маркс и Энгельс отмечают, что «для самой многочисленной части массы, части, отличной от буржуазии, принцип революции не был ее действительным интересом, не был ее *собственным* революционным принципом, а был *только «идеей»*, следовательно, только предметом временного *энтузиазма* и только кажущегося *подъема* (39,с.89). Поэтому в ходе буржуазно-демократической революций точка зрения революционного демократизма, как наиболее последовательного защитника политических и социальных свобод трудящихся масс, с неизбежностью должна была обнаружить свою ограниченность и иллюзорность. Однако, если в послереволюционный период во Франции, в связи с отсутствием крупной промышленности, неразвитостью общественных отношений и, соответственно, в связи с отсутствием достаточно развитых форм классовой борьбы пролетариата против буржуазии, эстафету борьбы за интересы народа, за интересы пролетариата принимает утопический социализм и коммунизм, то в условиях предреволюционной ситуации в Германии поражение революционного демократизма открывало путь к научному коммунизму.

Немецкую классическую философию сближает с философией французских просветителей и материалистов то, что обе они являются философией буржуазии, готовившейся совершить свой переворот. В «Философии истории» Гегель говорит о Великой Французской революции как об эпохе великолепного восхода солнца, который приветствовали все мыслящие существа. Ибо лишь в этот период «человек стал на голову, т.е. опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им», «человек признал, что мысль должна управлять духовной действительностью» (87,с.413-414). Лишь в этот период «мысли, понятию права, *сразу* было придано действительное значение, и ветхие подмостки, на которых держалась несправедливость, не могли устоять», «с мыслью о праве теперь была

53 Выступив в качестве представительницы всего народа, французская буржуазия поднимает знамя буржуазно-демократических свобод, обосновывая право народа на сопротивление угнетателям, идею народного суверенитета, и в то же время обосновывает право собственности, право на безопасность как защиту собственности, равенства всех перед законом как формально-юридическое равенство товаровладельцев

выработана конституция, и отныне все должно было основываться на ней» (87,с.413).

Еще в середине 1842 г. Маркс придерживается такого мнения, что прусское право берет свое начало от философской школы Вольфа, а французский кодекс Наполеона «от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции» (4, с.112), т.е. что «этот мир есть мир головы» (4,с.105). В период сближения с младогегельянцами молодой Маркс не только принимал восторженную оценку Гегелем французской революции, но и разделял с Гегелем его *иллюзии*, полагая, что идеологическая революция служит непосредственной причиной общественного переворота. Правда, в отличие от Гегеля младогегельянцы усматривали сущность идеологического переворота не в переходе от католицизма к протестантизму, а в преодолении религиозного сознания философским сознанием⁵⁴.

Теоретически осмысливая французскую революцию, обосновывая ее как наиболее яркое выражение необходимости исторического развития, Гегель высказывает также убеждение в том, что победа революции неизбежна, в конечном счете, и в самой Германии. «Я считаю, что мировой дух скомандовал времени вперед, - пишет Гегель в письме Нитхаммеру от 5 июля 1816 г. - Этой команде противятся, но целое движется, преодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути. Бесчисленные легко вооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая за и против, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью» (91,с.357). Уже в «Тетрадах по эпикурейской философии» молодой Маркс пишет, что «не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией» (24,с.109), а в период работы в «Рейнской газете» он прямо призывает бороться за свободу «не только копьями, но и топорами» (2,с.84).

Специфика немецкой классической философии обусловлена, главным образом, тем обстоятельством, что немцы размышляли над

54 «Заговорили идеалисты, возымевшие дерзкое желание сделать человека человеком», пишет Маркс об этом времени в мае 1843 года «Одно мгновение казалось, что старый порядок вещей поставлен на голову» (II,с.376).

тем, что другие народы делали. Французские просветители и материалисты, идеологически обслуживая действительный либерализм, теоретически осмысливали реальный общественный переворот, в то время как немецкая классическая философия ограничивалась теоретическим осмыслением идеологического процесса эпохи переворота. Так как немецкая философия имела дело с таким либерализмом, который являл собой не более как пустую мечтательность немецких бюргеров, то тем легче в таком случае, пишет Маркс, «целиком превратить его содержание в философию, в чистые определения понятий, в «познание разума» (40,с.185). Если во Франции конфликт философии (как и других идеологических форм) с устаревшими производственными отношениями отражал непосредственно конфликт между производительными силами и производственными отношениями, то в Германии конфликт философии с устаревшими производственными отношениями отражал непосредственно и главным образом конфликт между немецким национальным сознанием и практикой других народов (французов и англичан), т.е. между национальным и всеобщим сознанием немецкой нации (см.40,с.30).

В условиях философской революции в Германии сама задача «постановки мира на голову в смысле беспощадной критики всего существующего» распадается на ряд этапов. Представители классической немецкой философии от Канта до Гегеля решали эту задачу как чисто теоретическую, занимаясь фактически ее обоснованием в сфере философских абстракций, в то время как собственно философскую критику действительности впервые начинают младогегельянцы. Однако даже критика младогегельянцев была не столько критикой действительного мира, сколько критикой фраз об этом мире. Это обстоятельство связано как с методологической слабостью идеалистической философии Гегеля, пределы которой младогегельянцы не смогли превзойти, так и тем обстоятельством, что, как пишет Маркс в 1846 г., «только теперь, когда немецкая буржуазия испытывает действительную, вызванную экономическими отношениями потребность в политической власти и стремиться удовлетворить эту потребность, либерализм приобрел в Германии практическое

существование и тем самым шансы на некоторый успех» (40,с.97). И только наиболее последовательные революционные демократы сумели в этих условиях выйти за пределы «чистой критики», связать критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить «критику с *действительной* борьбой» (II,с.381). Собственно для Маркса этот этап начался уже в период работы в «Рейнской газете».

Немецкие философы, с одной стороны, делают шаг назад по сравнению с французскими просветителями и материалистами, ибо придерживаются не политической иллюзии, а «вращаются в сфере «чистого духа» и возводят религиозную иллюзию в движущую силу истории» (40,с.38). Вместе с тем Гегель делает шаг вперед в частности тем, что ставит задачу объяснения самих политических иллюзий, фиксируя в перевернутом и извращенном виде факт господства над людьми отчужденных общественных сил. Если французские материалисты разделяли точку зрения идеализма в понимании общественной жизни только потому, что не умели свести мотивы сознательной деятельности людей к их материальным причинам, то Гегель вполне сознательно считал, что нужно понятие духа положить в основу истории⁵⁵. Исторический процесс рассматривался Гегелем как движение всеобщего духа, совершаемое ступенями, причем каждая ступень имеет свой особый принцип, т.е. особый народный дух. «В свойствах народного духа конкретно выражаются все стороны народного сознания и народной воли, всей его действительности; они налагают свою печать на его религию, на его политический строй, на его нравственность, на его право, на его обычаи, а также на его науку, на его искусство и на его технику. Все эти частичные свойства объясняются общими свойствами народного духа, равно как и, наоборот, эти общие свойства могут быть выведены из изучаемых историей фактических частных особенностей народного быта (Цит.94, с.429)⁵⁶. На аналогичных позициях оказывается и молодой Маркс. «Я рассматриваю жизнь вообще», пишет он в 1837 г. , «как выраже-

55 «После того как «понятие духа» уже поднесено истории в качестве ее основы, - пишет Маркс в «Немецкой идеологии», - весьма легко, конечно, «показать», что оно всюду обнаруживается» (40,с.156).

56 Ср. Гегель Г. философия истории, - Соч.1935, т.УШ,с.61.

ние духовного деяния, проявляющего себя всесторонне - в науке, искусстве, частной жизни» (22,с.9).

В ходе теоретического анализа «постановки мира на голову» в условиях французской революции Гегель выделяет три основных момента: *тезис* - исходные принципы буржуазной критики феодальной действительности; *антитезис* - наличная феодальная действительность; *синтез* - буржуазная действительность, т.е. действительность преобразованная согласно требованиям разума. Сведя индивидуальный разум к общественному и рассматривая диалектику отрицательности в качестве движущего и порождающего принципа, Гегель обосновывает революцию как закон духа. Поскольку в «Феноменологии духа» Гегель фиксирует *отчуждение* человека, постольку в ней заложены в скрытом виде *все* элементы критики, отмечает Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». «Отделы о «несчастном сознании», о «честном сознании», о борьбе «благородного и низменного сознания» и т.д. и т.д. содержат в себе - хотя еще в отчужденной форме - *критические* элементы целых областей, таких, как, например, религия, государство, гражданская жизнь и т.д.» (34,с.158). Отчужденность гегелевской формы критики действительности объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, когда Гегель рассматривает богатство, государственную власть как сущности отчужденные от человеческой сущности, то он берет их только в их мысленной форме, не учитывая, что подобное отчуждение есть объективная реальность; во-вторых, Гегеля волнует не то, что человеческая сущность опредмечивается в современном обществе *бесчеловечным образом*, в противоположность самой себе, а то, что она *опредмечивается в отличие* от абстрактного мышления и в *противоположность* к нему» (34,с.157). Именно в таком подходе Гегеля, когда присвоение сущностных сил человека, ставших чуждыми предметами, есть такое присвоение, которое совершается только в сознании, в чистом мышлении, и заключен «в качестве зародыша, потенции, тайны, некритический позитивизм и столь же некритический идеализм позднейших гегелевских произведений, это философское разложение и восстановление наличной эмпирии» (34,с.157), Молодой Маркс в период сближения с младогегельянами

разделяет гегелевские иллюзии о том, что идеи, мысли управляли до сих пор историей, что история этих идей и мыслей и есть единственная, существовавшая до сих пор история, что история сознания людей о себе есть основа их действительной истории, и что «действительные отношения сообразовались с человеком *как таковым* и его идеальными отношениями, т.е. с логическими определениями» (40, с. 172).

Если для объективистской историографии характерно рассмотрение общественных отношений в отрыве от деятельности людей, то философская революция младогегельянцев против абсолютной идеи проводится во имя самодеятельности людей, во имя конечного человеческого разума. Философия самосознания, пишет лидер младогегельянцев Б.Бауэр «не хочет признавать никакого бога, никаких богов, как признавали их язычники», младогегельянцы «хотят только людей, только самосознания; все для них является их суетным самосознанием» (110, с. 61). Обосновывая философскую критику религии, молодой Маркс отмечает, что «доказательства существования бога представляют собой не что иное, как *доказательства бытия существенного человеческого самосознания, логические объяснения последнего*» (25, с. 232-333). При этом самосознание рассматривается не как эмпирическое и индивидуальное, а как конкретное, всеобщее, исторически формирующееся и развивающееся самосознание всего человечества, как такое самосознание, которое обнаруживает себя в природе, отнюдь не искажая ее, поскольку по своей сущности оно является конечным продуктом и самосознанием развития духовных сил, действующих в природе⁵⁷.

С точки зрения младогегельянцев Гегель виновен в двоякой непоследовательности: он фактически рассматривает философию как воплощение чистой сущности мира, как абсолютное знание, но не рассматривает философию как причину изменений; во-вторых, абсолютный дух у него только по видимости выступает как творец исторического процесса, а на самом деле он в лице философа осознает исторический процесс постфактум. Б.Бауэр

⁵⁷ «Когда мы признаем природу разумной, - пишет Маркс, - наша зависимость от нее прекращается». «Лишь тогда, когда природа признается вполне свободной от сознательного разума, рассматривается в самой себе как разум, она становится полным достоянием разума» (24, с. 139).

устраняет эту непоследовательность, рассматривая философию как непосредственную причину исторических перемен, а философов самосознания как активных участников (и даже творцов) исторического процесса. Молодой Маркс сближается с данной точкой зрения, отмечая, что «философы не вырастают как грибы из земли, они - продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях» (4,с.105). Своеобразие исходной теоретико-методологической позиции Маркса обусловлено тем, что для него не только философия Гегеля, но и философия самосознания - это только средство для того, чтобы «пробиться вперед», к пониманию общественных отношений и к активному участию в их преобразовании. Главная задача для Маркса в период написания диссертации заключается в том, чтобы понять современный мир как систему, как процесс становления нового и уничтожения старого. Исходя из эмпирически фиксируемого факта, что правовые идеи, прежде чем они будут развиты в правовые кодексы и получают свое воплощение в учреждениях государства, в его политике и отношениях, создаются вначале в своем абстрактном неразвитом виде в философских системах, исходя из того, что научное знание задает свои идеи обыденному сознанию, и рассматривая философию как на науку наук, Маркс приходит в качестве философа к рассмотрению философии как причины исторических перемен. К тому же именно в области философии Гегеля происходит в этот период общественно-политического подъема в Германии первый раунд наиболее активной борьбы нового со старым, ибо буржуазия не могла двинуться вперед, не победив здесь, не создав теоретическую основу для последовательного отрицания феодальной идеологии и ее сердцевины - религии. Именно в этот период философия являлась не только ключом к теоретическому осмыслению общественных проблем, но и полем битвы за общественный прогресс, а потому иллюзия первенства и определяющей роли философии в общественном развитии имела для определенного промежутка времени свое историческое оправдание.

В центре внимания Маркса проблема соотношения философии и действительности, философии Гегеля с послегегелевскими фило-

софскими системами, а также вопрос о роли современной философии в общественном перевороте⁵⁸. Развитие мира понимается Марксом как развитие духа (общественного сознания), осуществляемого в ходе и в результате взаимодействия философии (научное сознание) и действительности (обыденного сознания). Маркс рассматривает современный этап в развитии Германии как эпоху общественных потрясений, ибо она характеризуется тем, что период развития объективного содержания философии (философия Гегеля) сменяется периодом развития субъективных форм ее. Философия младогегельянцев призвана, по мысли Маркса, «поставить мир на голову» в смысле беспощадной критики всего существующего, а следовательно, в смысле радикального преобразования общественных отношений.

Для того, чтобы теоретически обосновать решающую роль философии самосознания в радикальном разрешении противоречий современного общественного развития, Маркс выделяет аналогичную ситуацию в древнем мире. Он рассматривает эпоху, для которой было характерно, *во-первых*, разложение завершенных форм философии (философии Аристотеля); *во-вторых*, господства философских школ, составляющих в своей совокупности все элементы философии самосознания (школ эпикурейцев, стоиков и скептиков) и возвращающихся к прежним философским школам; *в-третьих*, наличие общественных потрясений, а также переход философии от периода самопознания к активному участию в решении коренных общественных проблем.

В центре внимания Маркса как в подготовительных тетрадах («Тетради по эпикурейской философии»), так и в самой диссертации проблема использования Эпикуром натурфилософской концепции Демокрита для борьбы за свободу человеческого духа, против религии. В качестве принципа эпикурейской философии Марксом рассматривается «абсолютность и свобода самосознания, хотя это самосознание и понимается только в форме единичного» (25,с.196), так как духовное существование не обогатилось еще в то время до всеобщности, тогда как только свободный дух преодолевает всякие противоречия, не будучи вынужден «признавать никаких природных

58 См. В.А. Вазюлин «Становление метода научного исследования К.Маркса» стр.50.

условий как таковых» (24,с.58). По мысли Маркса, во времена Эпикура только в такой ограниченной и частичной форме могла быть реализована потребность борьбы против религии, ибо «если абстрактно-единичное самосознание полагается как абсолютный принцип, то всякая истинная и действительная наука постольку, конечно, уничтожается, поскольку в природе самих вещей не господствует единичность. Однако рушится и все то, что является трансцендентным по отношению к человеческому сознанию, что принадлежит, следовательно, воображающему рассудку» (25,с.196).

Обосновывая определяющее влияние философии на общественную жизнь, Маркс отмечает, в частности, что «кажущийся дуализм» философии Анаксагора оказывается «именно тем дуалистическим началом, которое уже начинает раскалывать сердцевину государства в эпоху Анаксагора» (24,с.54). В периоды общественных потрясений обнаруживается, по мысли Маркса, что абстрактные философские принципы превращаются в субъективных формах философии в «энергетический принцип». Так принцип атомизма Демокрита, казалось бы не имеющий никакого отношения к объяснению общественной жизни, приобретает в философии Эпикура специфическую форму, позволяющую использовать учение об атомах в борьбе за свободу, против религии. Обосновывая отклонение атома при падении от прямой линии, Эпикур рассматривает человека в качестве отдельного, самостоятельного, изолированного атома, обладающего способностью к отклонению от необходимости, а следовательно, свободой воли.

В историческом развитии философии и в ее взаимодействии с действительностью Маркс выделяет ряд повторяющихся циклов, каждый из которых включает в себя три этапа⁵⁹. Первые два характеризуются преимущественным развитием объективного содержания философии, третий - развитием субъективных форм, а также процессом «обмирщения» философии».

В период развития объективного содержания философия только внутренне, по своему содержанию вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени. В период

59 См. В.А. Вазюлин «Становление метода научного исследования К.Маркса», стр.54.

развития субъективных форм философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени, она перестает быть определенной системой, она становится философией вообще по отношению к миру, становится философией современного мира. Этому этапу соответствует эпоха общественных потрясений, ибо достигнутые ранее теоретические результаты используются для преобразования действительности. «Подобно тому, как в истории философии существуют узловые пункты, которые возвышают философию в самой себе до конкретности, объединяют абстрактные принципы в единое целое и таким образом прерывают прямолинейное движение, - так существуют и такие моменты, в которые философия обращает свой взор на внешний мир, уже не ради постижения; выступая как действующее лицо, она, так сказать, завязывает интриги с миром, выходит из прозрачного царства Аменты и бросается в объятия мирской сирене» (24, с.108-109).

Поскольку развитие идет по спирали, повторяя прошлое, но на более высокой ступени, постольку и современная философия самосознания призвана, по мысли Маркса, для обоснования свободы духа, всеобщего человеческого самосознания. В новых условиях, при сохранении актуальности просвещения и борьбы против религии, обоснование свободы личности дается современной философией не как обоснование свободы от бытия, свободы от общества, а как обоснование свободы в обществе и через общество в ходе борьбы за радикальное преобразование общественной жизни. Гарантией глубины и основательности общественных преобразований Маркс полагает тот факт, что современная философия, подлежащая «обмирщению», гораздо богаче. Она содержит идею целостного органического развития мира (духа) сообразно историческим закономерностям к осуществлению всеобщей свободы, обосновывает идеал разумного общественного устройства, позволяющего обеспечить подлинную свободу всеобщему человеческому самосознанию, а через него и свободу индивидуальному самосознанию, показывает религиозное сознание как преодоленное, снятое движений философской мысли.

«Обмирщение» философии осуществляется, по мысли К.Маркса, в ходе и в результате теоретической критики нефилософского сознания и соответствующей ему наличной философии. При этом определяется мера отдельного существования по его сущности и мера отдельной действительности по ее идее, ибо обнаружение элементов неразумия в действительности суть предпосылка их уничтожения. Это оказывается возможным потому, что хотя действительность, подвергаемая критике, и является результатом самоотчуждения духа, но на той ступени его развития, когда дух еще не приходит к целостному осознанию самого себя. Потому-то дух в качестве практического духа и вступает во взаимодействие с действительностью с целью ее преобразования соответственно своему новому состоянию через деятельность философов самосознания. «Обмирщение» философии рассматривается Марксом в качестве завершающего этапа в развитии очередного цикла философии.

Разложение гегелевской философии, как современной завершенной философии, проявляется первоначально во враждебном отношении между философией и миром (Д.Штраус), затем в расколе отдельного философского самосознания внутри себя (Б.Бауэр против Д.Штрауса) и, наконец, во внешнем раздвоении философии на две противоположные партии (либеральная и позитивная партии в философии). В качестве сторонника философии самосознания Маркс защищает «либеральную партию» в философии. В то же время для него характерно критическое отношение не только к философии Гегеля, но и к философии самосознания, ибо представители философии самосознания не знают, что, обращаясь против философии Гегеля «они осуществляют только ее отдельные моменты» (25,с.211).

Маркс видит, что выйти за пределы философии Гегеля можно только на путях и в процессе использования философии для изменения действительности, ибо только на этом пути создаются предпосылки для радикальной критики философии. «В той мере, в какой мир становится философским, - пишет Маркс, - философия становится мирской», «ее осуществление есть вместе с тем ее потеря», «то, против чего она борется вне себя, есть ее собственный внутренний недостаток», «именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против

которых она и борется» и «лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их» (25,с.210).

Таким образом, мир рассматривается Марксом как целостная саморазвивающаяся система, духовная в своей сущности. Развитие этой системы, будучи подчинено закону отрицания, заключает в себе единство как опредмечивания и отчуждения, так и распредмечивания и снятия отчуждения и направлено к реализации всеобщей свободы. Источником развития мира выступают внутренние противоречия народного духа, проявляющие себя в возникновении и разрешении противоречий между философией и действительностью, наукой и жизнью. При этом наиболее активной, ведущей стороной в противоречии между философией и действительностью рассматривается философия, «так как всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени (4,с.105) и именно в ней находят свое исчерпывающее теоретическое осмысление и выражение действительные потребности времени.

Если в мирные, спокойные периоды общественного развития массы, по мысли Маркса, подключаются к реализации потребностей времени через посредство интересов, то в периоды бурь и общественных потрясений они уже подключаются к реализации потребностей времени главным образом через посредство освоения идей, добытых предшествующим развитием теоретической мысли. В центре внимания Маркса в диссертации проблема соотношения эволюционного (период самоуглубления философии) и революционного (период завершенной в себе философии и сопутствующих ей субъективных форм ее развития) моментов в развитии философии. **Эволюционный период** в развитии философии - это «сама всемирная история любит устремлять свой взор в прошлое, она оглядывается на себя, а это часто придает ей видимость попятного движения и застоя; между тем она, словно откинувшись в кресле, призадумалась только, желая понять себя, духовно проникнуть в свое собственное деяние - деяние духа» (22,с.8). **Революционный период** в развитии философии - это период разложения целостной философии, за которым «наступает железная эпоха, - счастливая в том случае, если она ознаменована титанической борьбой, достойная сожаления, если она походит на века, ковы-

ляющие за великими эпохами в истории искусства» (24,с.110). Ведущая роль философии в общественном развитии (изменение идей - причина исторических перемен) определяет и ведущую роль теоретической критики (критика как способ разрешения противоречий общественного развития). «Если немец оглянется назад, на свою историю, - пишет Маркс в «Дебатах о свободе печати», - то *одну* из главных причин своего медленного политического развития, а также и жалкого состояния литературы до Лессинга, он увидит в «*компетентных писателях*» (2,с.80).

§ 2. Философская критика действительности К.Марксом.

Маркс видит, что феодальная действительность в Германии обнаруживает себя как такое отчуждение человеческой сущности, которое неизбежно должно быть снято. Поскольку теоретически проблема снятия отчуждения решена в основных своих чертах в философии Гегеля и налицо общественно-политическое движение по снятию отчуждения в самой действительности, постольку решающее значение приобретает философская критика религии, государства и гражданского общества. «Революция народа *целостна*; т.е. революция совершается по своему в каждой области», - говорит Маркс, но «разве революция уже с самого начала должна выступать в *материальной форме*? Разве она уже с самого начала бьет, а не говорит? Правительственная власть может материализовать духовную революцию; материальная революция должна прежде всего одухотворить правительственную власть» (2,с.42).

Философская критика действительности использует метод преимущественно как шаблон, накладываемый на факты действительности, которые критикуются за то, что они не соответствуют точке зрения современной теории. «До сих пор, - напишет Маркс в 1843 г., - философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки» (II,с.379). Однако, поскольку Маркс стоит на позициях «*беспощадной критики всего существую-*

щего», постольку по мере углубления философской критики действительности его исходная теоретико-методологическая позиция наполняется таким фактическим содержанием, которое взрывает, в конце концов, саму идеалистическую оболочку. Как гегелевская концепция свободы человеческого духа, так и фейербаховская концепция человека как высшего существа работают у Маркса в качестве теоретического оружия для философской критики действительности до тех пор, пока не обнаруживается иллюзорность положения о том, что будто бы полное и последовательное осуществление политико-правовых свобод способно радикально преобразовать общественные отношения не только в феодальной Германии, но и в современных буржуазных государствах.

Поскольку «средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию» (54,с.314), постольку в период подготовки буржуазно-демократической революции в Германии, критика религии выступает как «предпосылка всякой другой критики» (13,с.414). Приобщение к критике религии, которая с 1840 г. становится и критикой политики, имело для Маркса огромное значение: во-первых, атеизм всегда выступает как введение к материализму; во-вторых, через критику религии он подключился не только к теоретическому осмыслению злободневных общественных проблем, но и к непосредственному участию в борьбе против современного общественного строя. Хотя Маркс и не был в юные годы подвержен влиянию религии в столь сильной степени как Энгельс и уже в период обучения на первых курсах университета не соглашался с рассмотрением религии как нравственной санкции⁶⁰, тем не менее он не был и последовательным атеистом.

В ходе начавшегося с 1840 г. общественно-политического подъема антифеодального движения, идеологи немецкой буржуазии, не решаясь на первых порах открыто выступить в сфере политики, основное внимание обратили на философскую критику религии. В этих условиях Б.Бауэр, идя вслед за Л.Штраусом, обнаружил глубокие противоречия и прямые ошибки в евангелиях, показав, что этот важнейший документ христианства есть вымысел, фантастический продукт сознания заинтересованных в этом лиц. При этом младогегельянцы, в отличие от французских просветителей ХУШ века,

⁶⁰ См. Письмо Генриха Маркса Карлу Марксу от 18-29 ноября 1835 г. (80, с.601).

начали рассматривать религию не просто как результат заблуждений или сознательного обмана, но как необходимый этап в историческом развитии человечества, как принадлежащий прошлому вид сознания. Подняв знамя открытого атеизма младогегельянцы ставили перед собой задачу заменить религиозное сознание философским. При этом религия рассматривалась как сердцевина и оплот всего старого мира и считалось, что с падением религии зашатываются троны и падут феодальные государства. Младогегельцы, пишет Б.Бауэр в работе «Трубный глас страшного суда над Гегелем», написанной при некотором участии К.Маркса, «отбросили от себя всякие чувства религиозности и уважения, они решились ниспровергнуть все правительства, противоречащие их понятию. Их понятие всеобъемлюще, всеобщее, последовательно, разработано до последних мелочей; оно-то и дает им ужасную силу. Они даже не вступают в заговоры, они даже плохо знают друг друга, их вожаки могут друг с другом даже не состоять в наималейших личных отношениях. Они не держатся в подполье, дерзко и свободно выступают они и говорят о своих принципах перед лицом правительств» (110,с.88).

Отправляясь от гегелевской концепции о том, что христианство есть высший этап в развитии религии, и развивая атеистические моменты самой философии Гегеля⁶¹, Б.Бауэр обосновывает теоретически положение о том, что религия есть снятый движением философской мысли вид сознания. Начало, *первый* штрих в опровержение религии вносит, по Б.Бауэру, сам Гегель, ибо он отказывается от изображения бога таким, каков он есть в христианстве. Бог отец у Гегеля - это логика, бог сын - природа, бог дух святой - абсолютный дух. Сама философия религии выступает у Гегеля как прикладная логика, а развитие вынуждено подчиняться общим принципам развертывания логического. *Второй* покров с религиозных иллюзий снимает, по Бауэру, Д.Штраус, ибо он рассматривает религию как субстанциональное отношение и как диалектику, в которой

61 Атеистические моменты философии Гегеля просматриваются как в критике католической церкви с позиций антифеодального и протестантского миропонимания, так и в стремлении придать самой протестантской концепции рационалистический характер. В то же время, Гегель считал, что лютеранская реформация христианства вела самосознание человечества по тому пути, завершением которого была его философия абсолютного идеализма.

самосознание индивида приносит себя в жертву абсолютному духу. Рассматривая религию как результат творчества общины, как имманентное явление, Штраус пытается естественным путем объяснить факт возникновения религии, точнее библии как основного документа христианства. Развивая дальше данную точку зрения, Бауэр показывает, что библия (Новый завет) содержит в себе многочисленные искажения и вымыслы, а потому может быть результатом только сознательной и преднамеренной деятельности идеологов, то есть художников или мыслителей. Религия при этом рассматривается как порождение творческого принципа самосознания, которое порождает религию на той ступени своего развития, когда еще не находится «у себя». Когда же самосознание пришло «к себе» и осознано, что религия есть результат его отчужденного состояния, оно потребовало снятия религии как преодоленного философией вида сознания. «Реализованное самосознание, - пишет Бауэр, - похоже на фокус: «я», с одной стороны, как в зеркале удвоено, а затем (после того, как оно тысячелетия признавало свой зеркальный образ за бога) оно приходит к убеждению, что этот образ в зеркале есть оно само. Гнев, карающая справедливость бога, согласно этой точке зрения, похожи на то, что я сам сжимаю кулак и угрожаю самому себе в зеркале. Милость, милосердие бога - это я подаю руку своему зеркальному образу. Религия считает этот зеркальный образ за бога, философия упраздняет эту иллюзию. Она показывает человеку, что позади зеркала никого нет, что это только отражения «я»: с этим отражением «я» до сих пор имело дело, ему оно приносило жертвы, молилось, во имя его присягало» (110,с.126).

Поскольку критика религии составляет само содержание философии самосознаний, постольку вопросы критики религии оказываются в центре внимания Маркса уже в период работы над докторской диссертацией, а критика политики рассматривается в этот период времени как подчиненный момент критики религии. Если Гегель обожествляет «логическую идею», «закономерность, всеобщность» (76,с.164) - логика для Гегеля есть не что иное, как изображение бога в его вечной сущности, - то Маркс рассматривает вслед за младеггелянцами само понятие «бога» в философии Гегеля не более как

аллегория, за которой, правда, скрывается представление о могущественной силе, действующей в обществе⁶². «Разве не властвовал древний Молох?, - пишет Маркс, - Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков?» (25, с.232). В религиозных иллюзиях Маркс усматривает объективированные общественные представления, подчиняющие себе сознание каждого отдельного человека. «Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное, субъективное представление, если он верит в него, - то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных. Он, например, будет делать долги на основании своей фантазии, *он будет действовать так, как действовало все человечество, делая долги за счет своих богов*» (25,с,232).

Маркс не видит еще, что общественные представления суть отражения общественного бытия, а потому рассматривает идеологическую сферу как обладающую собственной логикой развития. Он рассматривает современное христианство как высший, а следовательно, и заключительный этап в развитии религиозного сознания от политеизма к монотеизму⁶³, проявляющий себя в то же время только в определенных конкретных общностях. «Приди со своими богами в страну, где признают других богов, - пишет Маркс, - и тебе докажут, что ты находишься во власти фантазий и абстракций» (25,с.232). Поскольку в теоретических истоках христианства обнаруживаются отдельные элементы философии самосознания, постольку, согласно диалектике отрицательности, именно современная философия самосознания призвана, по мысли Маркса, завершить снятие

62 Бога нет, пишет Э.В.Ильенков, но есть реальная власть коллективных сил людей над отдельным индивидом с его индивидуальным сознанием и эта власть так или иначе - адекватно или неадекватно - этим индивидом осознается, а будучи осознанной, делается важнейшим компонентом его субъективного мышления, регулятивной схемой его размышлений, его рассуждений. «Под псевдонимом «бог» в гегелевской логике как раз и обрисовывается эта реальная власть коллективных (общественных) сил (или деятельных способностей) человека, понимаемого не как изолированный индивид, а как индивид в сплетении социальных связей его с другими такими же индивидами, как «совокупность всех общественных отношений» (130,с.122

63 «Христианство, - пишет Маркс в 1843 г., - в качестве законченной религии, теоретически завершило самоотчуждение человека от себя самого и от природы» (12,с.412).

религиозной формы сознания философской⁶⁴. Если проявление самосознания в абстрактных и единичных формах с необходимостью приводит к утверждению в общественной жизни неразумия, зависимости людей от стихии природных сил, а следовательно, к господству религиозной формы сознания, то утверждение всеобщего самосознания есть утверждение атеизма. Вера в бога имеет место, по Марксу, в тех условиях, когда «природа плохо устроена», когда «существует неразумный мир», когда «мысль не существует». *«Для кого мир неразумен, - заключает Маркс, - кто поэтому сам неразумен, для того бог существует. Иными словами: неразумность есть наличное бытие бога»* (25, с. 233). В этот период времени Маркс не видит еще социальных и классовых корней религии, главное внимание он обращает на доказательство логической беспочвенности, внутренней неразумности, абсурдности религии.

Вопросы критики религии остаются в центре внимания Маркса еще некоторое время и после окончания университета⁶⁵. Получив в апреле 1841 года диплом доктора философии, К.Маркс переезжает в начале июня 1841 года в Бонн (остается здесь до первой половине октября), где в это время Б.Бауэр начал работать над первой частью «Трубного гласа страшного суда над Гегелем» (август-сентябрь 1841 г.). Маркс участвовал, по крайней мере, в предварительном обсуждении некоторых вопросов, а по окончании Бауэром первой части книги принял участие в качестве соавтора в работе над второй частью книги. В первой части книги Бауэр видел свою задачу в том, чтобы представить «Философию религии» Гегеля как систему атеизма, а самого Гегеля показать в качестве атеиста и революционера, готового призвать немцев повторить французскую буржуазную революцию конца

64 В основе религиозных представлений лежит самосознание. Самосознание выступает в качестве творческого принципа религиозных представлений только как вышедшее из себя, самому себя противоречащее, отрешенное от себя и отчужденное самосознание. Пришедшее в себя, само себя понимающее, постигающее свою сущность, самосознание властвует поэтому над созданиями своего самоотчуждения, напишет К. Маркс в «Святом семействе», критикуя точку зрения Б.Бауэра, к которой он был близок сам в период работы над докторской диссертацией (см. 39, с.44).

65 В конце 1841 г. - начале 1842 г. Маркс замечает в «Наброске нового предисловия к работе «Различия между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», что завершить общее изложение эпикурейской, стоической и скептической философии ему мешают «занятия политическими и философскими работами, представляющими более непосредственный интерес» (26, 234).

XVIII века. Замысел второй части книги был в том, чтобы «показать ненависть Гегеля против религии и христианского искусства и разрушение им всех положительных законов государства» (110,с.137). В соответствии с общим замыслом книги Маркс приступил к работе над статьей «О христианском искусстве», а также над статьей, посвященной критике гегелевской философии права. В конце января 1842 г. Бауэр отослал свою часть книги издателю, а Маркс не уложился в сроки, хотя можно предположить, что черновой вариант этих двух статей был закончен к концу ноября 1841 г.⁶⁶. Если 5 марта 1841 г. К.Маркс в письме к А.Руге обещает прислать «обе эти вещи», то в письме от 20 марта 1841 г. он уже заявляет о том, что *обе* эти статьи должны быть совершенно переделаны. «Ибо тон «Трубного гласа», которому я добросовестно следовал, - «*Твое слово* есть светоч моим стопам и свет на моем пути. Своей заповедью ты делаешь меня более мудрым, чем мои враги, ибо свидетельствует о тебе моя речь, и он, господь, будет вещать громовым голосом с Сиона» - этот тон «Трубного гласа», тяжеловестность и скованность гегелевской формой изложения, - пишет Маркс, - должны быть теперь заменены более свободной и более основательной формой изложения» (20,с.359).

Первоначально Маркс, по-видимому, был занят главным образом раскрытием положительных моментов «Философии права» Гегеля с тем, чтобы показать разрушение Гегелем «всех положительных законов государства». Однако вскоре Маркс сосредоточил основное внимание на *критике*, ибо в условиях подъема антифеодалного движения в Германии прусское правительство пыталось набросить «плащ либерализма» на устаревшие государственные учреждения, опираясь, в частности, на идею конституционной монархии, развитую Гегелем в «Философии права».

Переход к философской критике политики связан с дальнейшим подъемом антифеодалного движения в Германии, позволившим немецкой буржуазии сбросить религиозную форму защиты своих интересов и выражать их в открыто политических формах. В «Рейнской газете» 1842 г. , как отмечает Энгельс, философия младогегельянцев явилась уже непосредственным выражением интересов

66 В третьей главе мы попытались обосновать эту точку зрения применительно к критике Марксом гегелевской философии права.

радикальной немецкой буржуазии, а «философский плащ служил ей лишь для отвода глаз цензуре» (54,с.280). В качестве *философской* критика политики выступает в условиях Германии потому, что именно в сфере абстрактных философских рассуждений оказываются развиты основные идеи законосообразности общественной жизни, принципы критики ее наличного состояния, а также даны ближайшие идеалы ее разумного преобразования. В то же время содержательное богатство гегелевской философии проявляется и в том, что если в период философской критики религии Маркс акцентирует внимание на объективных общественных представлениях, то с переходом к критике политики, а затем и социальной действительности в центре внимания оказываются соответственно организации и учреждения, а затем и объективные общественные (идеологические) отношения.

Маркс стремится понять общественную жизнь как объективный исторический процесс, а современное ее состояние как переход от периода несвободы к периоду всеобщей свободы. При этом общество рассматривается Марксом как целостность: государство рассматривается по аналогии с биологическим организмом как социальный организм, имеющий душу и тело⁶⁷ (политический дух и соответствующие ему учреждения). В период несвободы политический дух, по мысли Маркса, оказывается раздробленным сословными перегородками, господствующим в общественной жизни выступает частный, эгоистический интерес, а потому свобода существует только как привилегия отдельных лиц, получающая свое правовое оформление в праве привилегий. И только с переходом от периода несвободы к периоду свободы, когда уничтожаются сословные перегородки, сковывающие развитие политического духа и в качестве господствующего в общественной жизни выступает всеобщий интерес, утверждается всеобщая свобода, получающая свое правовое закрепление в равном праве. Современный этап общественно-го развития Германии характеризуется, по мнению Маркса, тем, что созданы, говоря современным языком, объективные предпосылки

67 «Понятие и его существование суть две стороны, отличные друг от друга и единые, как душа и тело, - пишет Гегель. - Тело представляет собой ту же жизнь, что и душа, и однако их можно назвать раздельными. Душа без тела не была бы чем-то живым, и точно также и наоборот. Таким образом, наличное бытие понятия есть его тело и, подобно последнему, послушно душе, произведшей его» (86,с. 23).

для достижения всеобщей свободы, ибо необходимость свободы выступает как стихийный естественноисторический процесс, долженствующий получить форму сознательно установленного государством закона. В статье «Дебаты о свободе печати» Маркс рассматривает в качестве *подлинно исторического* воззрения следующую точку зрения. «Каждый раз, когда неудержимый поступательный ход времени вызывает к жизни новый важный интерес или выдвигает новую потребность, для которых в существующем законодательстве не имеется соответствующих установлений, - необходимы новые законы для регулирования этого нового состояния общества. Такой именно случай теперь перед нами» (2,с.81).

В то же время Маркс не ограничивается признанием факта закономерного развития общественного организма, он понимает, что необходимость прогрессивного развития не реализуется автоматически, а требует полного напряжения, отдачи всех сил и даже жертв во имя дела свободы. Старое, отжившее не хочет уходить добровольно и на стороне его не только устаревшие объективированные общественные представления, являющиеся уже сами по себе «демонической силой», но и отжившие свой век учреждения, «а ведь учреждения более могущественны, чем люди» (1,с.27), Если период несвободы характеризовался утверждением религиозных и политико-правовых иллюзий (имеются ввиду воззрения феодального общества) и данные проявления духовной жизни общества породили соответствующие им организация и учреждения (бюрократию, сословные собрания и вообще сословное деление), то сейчас уже сами эти отжившие объективные общественные представления и соответствующие им организации и учреждения штампуют людей по своему образцу и подобию. Маркс требует, *во-первых*, так рассматривать общественную жизнь, как естествоиспытатель рассматривает природные процессы, *во-вторых*, он требует вести борьбу не против отдельных людей, а против организаций и общественных отношений. «Тот, кто оказывается от этой объективной точки зрения, - пишет Маркс в 1343 г., - тот, впадая в односторонность, отдается во власть недобрых чувств к отдельным лицам, в образе которых против него выступает вся жестокость современных отношений» (9,с.212).

Как мы отмечали, выше, революция рассматривается Марксом как закон духа, который осуществляется в ходе борьбы сторонников исторического разума против тех, кто остается на позициях неразумия. После того как идеи свободы одержали победу в сфере современного научного знания, они, по мысли Маркса, неизбежно должны одержать победу в сфере обыденного сознания. При этом просвещение масс рассматривается не только как одна из предпосылок, но и как причина революции масс, способной обеспечить наибольшую глубину и последовательность общественных преобразований. Главная борьба в условиях подготовки революции масс разворачивается как борьба за политические принципы, которая проходит, главным образом, между **утилитарной интеллигентностью**, борющейся за свой домашний очаг, и **свободной интеллигентностью**, защищающей в ущерб своему очагу правое дело⁶⁸. Консервативной печати Маркс противопоставляет свободную печать, являющую собой «могучий рычаг культуры и духовного образования народа» (29,с.275). Свободную печать Маркс рассматривает как зоркое око народного духа, как откровенную исповедь народа перед самим собой. «Она идеальный мир, который непрерывно бьет ключей из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком» (2,с.66). С одной стороны, Маркс защищает свободу вообще, рассматривая ее как родовой признак, а свободу промысла, совести, печати и пр. как видовой признак, с другой стороны, он рассматривает именно свободу печати как сущность свободы вообще. Ибо, «человеческий дух должен свободно развиваться *сообразно присущим ему законам* и обладать правом сообщать другим то, что им достигнуто, иначе прозрачный живительный поток превратится в зловонное болото» (2,с.82).

Маркс трезво смотрит на вещи и он понимает, что утверждению в Германии дела свободы вообще и дела свободы печати могут предшествовать значительные трудности. На чем же основывается убеждение Маркса в неизбежности, в конечном счете, победы

68 «Философия достаточно знает жизнь, чтобы понимать, что ее выводы не потворствуют жажде наслаждений и эгоизму - ни небесного, ни земного мира. Но публика, любящая истину и познание ради них самих, сумеет помериться своей умственной и моральной силой с умственной и моральной силой невежественных, рабелепных, непоследовательных и продажных писак» (4,с.107).

революции в Германии? **Во-первых**, на достижениях философии Гегеля, утверждающего, что «всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы» (87,с.422), что нравственное государство есть наличное бытие понятия. **Во-вторых**, на анализе роли свободной печати в деле победы революции в других странах. Маркс пишет, что «бельгийская революция *проявилась* вначале как *духовная революция*, как революция печати» (2,с.42), что английской печати приходилось «выдерживать жесткую и подчас варварскую борьбу, чтобы добыть английскому народу его исторические основы» (2,с.40), что «во Франции не свобода печати, а цензура подготовила почву для революции» (2,с.42). При этом Маркс отмечает, что «французская печать отнюдь не слишком свободна, - она недостаточно свободна» (2,с.68), что только в Северной Америке имеется свобода печати в ее «наиболее чистой и естественной форме» (2,с.68). Маркс убежден, что именно в Германии имеют место такие непосредственные, исторические основы свободы печати и свободы вообще, как высокий уровень литературы и органически связанного с ней умственного образования народа (см.2,с.68).

Маркс совершенно отчетливо фиксирует своеобразие ситуации в Германии, когда прусское правительство, вынужденное считаться с потребностями времени, заявляет о своей готовности «уже теперь освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам» (1, с.3)⁶⁹. В своей первой статье («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», январь-февраль 1842 г.) Маркс, выступая от лица «ума и доброй воли общества» (см.1,с.26), разоблачает *мнимый* либерализм прусской цензурной инструкции. Опираясь, в первую очередь, на гегелевское учение о нравственном государстве, он анализирует цензурную политику прусского правительства начиная с 1818 г. «*Цензурная тенденция и тенденция цензуры - таков дар, преподнесенный новой либеральной инструкцией*» (1,с.18), такой вывод делает Маркс из анализа цензурной инструкции. Вместе с тем, Маркс убедительно доказывает, что «действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее *уничтожение*»(1,с.27), что прусское монархическое государство по

69 Новая цензурная инструкция прусского правительства была опубликована 24 декабря 1841 г.

самой своей природе не способно проводить либеральную политику, ибо «если бы *деспотическое государство* захотело быть лояльным, то оно уничтожило бы само себя» (1,с.26). По мысли Маркса, нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они вступают в оппозицию против органа государства, против правительства, нравственное государство предоставляет возможность всякого контроля над такими учреждениями, которые существуют как некоторый класс индивидов. О современной ему Германии Маркс говорит как о таком обществе, в котором «какой-либо *один орган* мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности», где правительство «принципиально противопоставляет себя народу и поэтому считает *свой антигосударственный образ мыслей* всеобщим, нормальным образом мыслей».

Если в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс отождествляет принцип критики с интересами всего народа в целом, то в «Дебатах о свободе печати» (апрель-август 1842 г.) он конкретизирует вопрос о том, какие же общественные слои являются действительными носителями исторического разума. Рассматривая борьбу по вопросу свободы печати в Рейнском ландтаге, Маркс анализирует позицию представителей различных сословий, отмечая, что «здесь полемизируют *не отдельные лица, а сословия*» (2, с. 36), что «нигде специфически-сословный дух не выразился яснее, определеннее и полнее, чем в дебатах о печати» (2, с. 36). Маркс показывает, что наиболее последовательными и непримиримыми противниками свободы печати, как и свободы вообще, выступают представители княжеского и дворянского сословий, считающие, что «всеобщий разум и всеобщая свобода относятся к разряду *вредных идей* и фантазмагорий «*логически построенных систем*» (2,с.51). Маркс объясняет этот факт как неразумием, ибо сознание современных рыцарей «не может понять того, что само по себе непонятно» (2,с.51), так и тем, что «*действительное* положение этих господ в современном государстве далеко не соответствует тому представлению, которое они имеют о своем положении», а потому они, «неудовлетворительные практикой, по необходимости

прибегают к теории, но к *теории потустороннего мира, к религии*» (2,с.52). Переходя к рассмотрению позиции защитников свободы печати, Маркс отмечает, что *«либеральная оппозиция* показывает нам уровень политического собрания, как вообще оппозиция служит показателем уровня развития данного общества» (2,с.36). При этом Маркс рассматривает как позицию не гражданина, а буржуа такую точку зрения, когда свобода печати защищается как свобода промысла. Положительные моменты этой позиции Маркс видит в том, что великая идея демонстрируется с такой точки зрения, которая взята из суровой, реальной, непосредственно окружающей действительности, а потому позволяет *«сроднить немца с его идеями, чтобы показать ему, что речь идет не о недостижимых далях, а о его ближайших интересах, чтобы перевести язык богов на человеческий язык»* (2,с.74). Недостаток позиции буржуазных защитников свободы печати Маркс видит в том, что *«они никогда не знали свободу печати как насущную потребность»* (2, с.35), ибо, *«разве верна своему характеру, разве действует соответственно благородству своей природы, разве свободна та печать, которая опускается до уровня промысла?»* (2,с.76). Причины заблуждений буржуазных защитников свободы печати Маркс видит в том, что они руководствуются такой теорией, которая требует ограничиться единичным, особенным (удовлетворением частного, эгоистического интереса), ибо не подозревает существование *«тех невидимых нервных нитей, которые связывают это особое с всеобщим, которые в государстве, как и повсюду, превращают материальные части в одушевленные члены одухотворенного целого»* (2,с.34).

Только точка зрения референта и нескольких членов из *крестьянского сословия* совпадают с позицией Маркса по вопросу свободы печати. Так референт, высказавший *«подлинно историческое воззрение»*, замечает, что *«цензура отжила свой век»* и *«ее считают ненавистными путями, мешающими писать то, о чем говорят открыто»* (2,с.81). Представитель крестьянского сословия отметил, что *«невозможность беспрепятственно передавать другим свои мысли и чувства очень напоминает северо-американскую систему одиночного заключения, которая своей крайней суровостью часто приводит*

заключенных к сумасшествию» (2,с.82).

Мы видим, что поскольку Маркс не просто догматически прикладывает точку зрения современной теории как шаблон для критики фактов, не соответствующих теории, а фактически стремится творчески осмыслить то реальное общественно-политическое движение, в которое он оказался втянут, постольку в развитии его воззрения начинают просматриваться разумные противоречия, создающие предпосылки для выхода за пределы самой догматической теории. *С одной стороны*, Маркс не только теоретически обосновывает неизбежность победы революции в Германии, но и всячески пропагандирует ее, *с другой стороны*, анализ конкретного соотношения общественных сил (сословий) подводит его к мысли о том, что буржуазная революция в Германии победить не может. Подводя итог рассмотрению вопроса о свободе печати в Рейнском ландтаге, Маркс констатирует «почти полное отсутствие общих и широких точек зрения». При этом Маркс замечает, что он не может подавить в себе «тоскливое и тягостное чувство, которое вызывает собрание представителей *Рейнской* провинции, колеблющихся между намеренной закостенелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма» (2,с.82). Выступая как представитель критики от лица всего нерасчлененного антифеодального движения в целом, Маркс проводит мысль о том, что и управители и управляемые одинаково нуждаются в третьем элементе, в свободной печати. В то же время анализ действительности показывает Марксу, что развитием народного духа потребность в свободной печати вырабатывается только лишь у крестьянского сословия и у представителей свободной интеллигентности, т.е. у честных, мужественных и свободолюбивых людей. Таким образом, сама логика последовательной классовой борьбы подводит Маркса к защите интересов широких трудящихся масс, и в качестве редактора «Рейнской газеты», а также непосредственно в своих последних статьях в этой газете, Маркс переходит от защиты политических свобод всего народа в целом, к защите социальных свобод трудящихся. На этом пути Маркса ожидают новые противоречия: *с одной стороны*, исходя из принципа первенства политического

государства по отношению к гражданскому обществу он полагает, что «само существование бедного класса остается до сих пор не более как обычаем гражданского общества, не нашедшим еще надлежащего места в кругу сознательно расчлененного государства» (6,с.130); **с другой стороны**, Маркс видит, что в буржуазных странах «в настоящее время сословие, которое не владеет ничем, требует доли в богатстве средних классов, стоящих теперь у кормила правления» (5,с.115). Маркс признает сложность и актуальность такого явления как коммунизм, а также необходимость его тщательного теоретического осмысления⁷⁰, но с точки зрения своих исходных теоретических воззрений он «не признает даже теоретической реальности за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их практического осуществления или хотя бы считать его возможным» (5,с.117).

Критика Марксом социальной действительности проводится им с позиций последовательного революционного демократизма и наиболее отчетливо просматривается в «Дебатах о краже леса» (октябрь 1842 г.) и в «Оправдании мозельского корреспондента» (январь 1843 г.). Здесь мы видим Маркса как страстного народного трибуна, которому приходится непосредственно слышать суровый голос нужды, царящей среди окружающего населения, и который считает своим политическим долгом говорить публично «тем народным языком нужды, забыть который ему не дают условия жизни на родине» (5,с.187). И если ранее Маркс ставил своей основной целью показать, что факты действительности не соответствуют современным теоретическим представлениям, то сейчас он сосредотачивает основное внимание на уяснении тех связей, которые присущи самой действительности. «Мы хотим строить все наше изложение на одних фактах, - заявляет Маркс, - и стараемся только, по мере сил выразить эти факты в обобщенной форме» (9,с.199).

70 В «Предисловии «К критике политической экономии» Маркс пишет, что в своей статье «Коммунизм» «Всеобщая Аугсбургская газета», опубликованной 16 октября 1842 г., он «откровенно признался», что его тогдашние знания не позволяли ему отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений» (18,с.6). В период с октября 1842 г. до начала 1843 г. К.Маркс приступает к изучению произведений французских социалистов-утопистов – Ш.Фурье, Э.Кабе, Т.Дезами, П.Леру, В.Консидерана, а также П.Ж.Прудона.

Маркс видит свою задачу в том, чтобы показать, что падение нравственности, разорение и массовое обнищание трудящихся масс является следствием наличной системы объективных общественных отношений. «При исследовании явления *государственной жизни*, - пишет Маркс, - слишком легко поддаются искушению *упускать из виду объективную природу отношений и все объяснять волей действующих лиц*. Существуют, однако, *отношения*, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания» (9, с.192). В качестве чуждой человеческой сущности объективной природы отношений Марксом рассматривается представительная система привилегированных сословий, бюрократическая организация управления, «общее состояние прусской ежедневной прессы и общественного мнения и, наконец, господствующий политический дух и его система» (5, с.212). Мы видим, что Маркс, анализируя идеологические общественные отношения, остается на позициях первенства государства по отношению к гражданскому обществу, не преодолевает еще точку зрения гегелевской философии.

По Гегелю, гражданское общество это - общность людей, вступающих в отношения друг с другом для удовлетворения своих материальных потребностей. В его основе лежит разделение труда и частная собственность, а потому оно является полем борьбы индивидуальных частных интересов, «борьбы всех против всех», сосредоточением богатства на одном полюсе и нищеты - на другом. Гражданское общество объединяет людей таким образом, что для всякого другие выступают только как средство для удовлетворения его целей. Государство нового времени, по Гегелю, в отличие от средневекового, не сковывает гражданское общество, не лишает его свободы частной инициативы. Оно так воздействует на это общество, что, не уничтожая его, уподобляет себе и, преодолевая эгоизм, заставляет служить общечеловеческим интересам.

Однако, как мы показали выше, действительное, а не фиктивное единство общества может быть осуществлено, по мнению Маркса, не бюрократией (как это считал Гегель), а свободной печатью, являющейся подлинной выразительницей общего дела всего народа.

В то же время Маркс уже движется к тому, чтобы рассматривать в качестве выразителя всеобщего интереса передовой общественный класс. А пока что Маркс использует для защиты интересов беднейших крестьян положение Гегеля о современном государстве как выразителя всеобщего интереса, ибо государство, по Гегелю, «должно защищать объективную истину и основоположения нравственной жизни»... (86, с.288).

В центре внимания Маркса в статье «О краже леса» конфликт между материальным интересом беднейших крестьян, совпадающим, по мысли Маркса, со всеобщим, т.е. государственным интересом, и материальным интересом лесовладельцев, отстаивающих частный, эгоистический интерес. Причину коллизии Маркс видит в том, что частный интерес лесовладельцев, будучи не в силах подняться до общегосударственного уровня, стремиться свести его к своему уровню. Возможность правильного, т.е. в интересах крестьян решения конфликта Маркс видит в том, что восторжествует идея вечного и бессмертного права, ибо только в этом случае государство сохранит свои духовные владения против бревен, «не оставит солнечного пути справедливости» (6,с.155). Если бы государство, подчинившись произволу лесовладельца, захотело бы сделать преступника временным крепостным лесовладельца, то оно, по мысли Маркса, «принесло бы бессмертие права в жертву» «ограниченному частному интересу» (6,с.155). В соответствии со своей исходной теоретической позицией Маркс считает, что если обнаружится, что частный интерес стремится низвести и низводит государство до роли средства частного интереса, то «всякое современное государство, как бы мало оно не соответствовало своему понятию», «вынуждено будет заявить во всеуслышание: твои пути - не мои пути, и твои мысли - не мои мысли» (6,с.138). Едва ли нужно добавлять, замечает Маркс, что «побеждают деревянные идолы, а приносятся в жертву люди!» (6,с.121).

Проблема преступления против частной собственности рассматривается Марксом в статье «О краже леса» с позиций революционного демократа, требующего правовой защиты со стороны государства любого гражданина вне зависимости от размеров получаемого им дохода. В частности, Маркс защищает прогрессив-

ное буржуазное требование ограничения произвола частных собственников в определении меры и способа наказания при нарушении частной собственности. Выступая против необузданных аппетитов лесовладельцев, требующих рассматривать сбор валежника крестьянами как покражу леса, Маркс подходит к выводу о неправомерности самой частной собственности. «Если всякое нарушение собственности, - замечает Маркс, - без различия, без более конкретного определения, есть кража, то не является ли в таком случае всякая частная собственность кражей? Разве, владея своей частной собственностью, я не исключаю из владения этой собственностью всякого другого? Разве я не нарушаю тем самым его права собственности?» (2,с.123).

Не признавая еще в этот период времени определяющего значения частной собственности в общественной жизни, Маркс рассматривает частную собственность в качестве одной из *многих* нервных нитей, связывающих гражданина государства с общественным целым. Столкнувшись непосредственно с проблемой нищеты, Маркс считает, что злоупотребления и неравенство идут от духовного животного царства, от периода несвободы (феодализма), когда незаконные привилегии богатых были закреплены в законах, а в современном обществе они должны быть устранены. Поскольку буржуазное законодательство обосновывает право собственности только как право богатых, Маркс требует для бедноты *обычного права*, «которое присуще бедноте во всех странах» (6,с.125), наряду с частным правом владельца он требует частного права невладельца, реализуемого в процессе личного труда бедняков. И когда Маркс видит, что в действительности закон называет кражей такое действие, которое едва ли можно назвать нарушением лесных правил, он открыто бросает вызов существующему законодательству, заявляя, что такой «закон лжет, и бедняк приносится в жертву узаконенной лжи» (6,с.122). Защищая обычное право бедноты против обычного права богачей, которое, несмотря на то, что оно противоречит разумному праву, отражено в действующем законодательстве, Маркс делает вывод о том, что существующее законодательство продиктовано частным интересом. Причины несоответствия между должным и сущим

Маркс видит как в сохранении остатков феодализма в Пруссии, так и в том, что в современных буржуазных государствах не проведена еще последовательно и до конца точка зрения разума, т.е. не осуществлены идеалы политико-правовых и социальных свобод, провозглашенные передовыми идеологами периода буржуазно-демократических революций.

Если в «Дебатах по поводу закона о краже леса» Маркс критикует порядки, когда «только голод и бездомность вынуждают людей нарушать лесные правила» (6,с.156), то в «Оправдании мозельского корреспондента» он подвергает критике такое положение вещей, при котором «гибель более бедных виноделов рассматривается как своего рода стихийное явление, перед которым человек заранее смиряется, пытаясь только смягчить его неизбежные последствия» (9,с.198).

При рассмотрении бедственного положения примозельского края Маркс требует различать в нем две стороны: сторону частную и сторону государственную, ибо «*взаимоотношение* этих двух сторон и образует *действительное положение* примозельского края» (9,с.193). Причины бедственного положения жителей примозельского края Маркс усматривает как в противоречии между действительностью и принципами управления, так и в противоречивости самой бюрократической системы, т.е. в бедственном положении самой системы управления. Маркс обращает внимание на тот факт, что в то время как частные лица наблюдают действительную нищету, видят как она подкрадывается к ним самим и осознают при этом свой частный интерес как всеобщий, бюрократия оказывается неспособной трезво оценить реальное положение, вещей, ибо не понимает, что не страна существует для управления, а управление для страны.

Бюрократия противопоставляет свои корыстные намерения, свой рассудок разуму гражданина, руководствуясь представлением, что начальство «все *лучше* знает», а потому она тем менее оказывается способной поставить вопрос о том «хороши ли вообще самые принципы управления и самые учреждения» (9, с.201). В том, что начальство способно видеть реальную действительность только через призму бюрократической действительности, Маркс усматривает также проявление закона бюрократической иерархии и теории, согласно кото-

рой граждане государства делятся «на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют» (9, с.202). *Согласно закону бюрократической иерархии индивиды, попавшие в систему бюрократии, вместо реальной действительности видят только бюрократическую действительность.* Это связано с тем, что распоряжения высшего из бюрократической иерархии - безусловный закон для низших, в то время как само руководство бюрократической иерархии оценивает результаты своих руководящих указаний в основном по отчетам своих подчиненных. Единственным радикальным средством для подрыва всеислия бюрократии и для разрешения реальных трудностей Маркс считает свободную печать. «В области печати правители и управляемые, - пишет Маркс,- имеют одинаковую возможность взаимно критиковать свои принципы и требования, но не в рамках отношений субординации, а на равных правах, как *граждане государства* - уже не как *индивидуальные личности*, а как *интеллектуальные силы*, как выразители разумных воззрений» (9,206).

В данной главе мы постарались рассмотреть тот период в развитии взглядов Маркса на общество, когда он пытался понять «правовые отношения также точно как и формы государства» уже не «из самих себя», а «из так называемого общего развития человеческого духа». Собственно теоретическое обоснование данной точки зрения начинается Марксом в докторской диссертации, продолжается в процессе философской критики религии (критика политики при этом рассматривается как подчиненный момент критики религии) и завершается написанием чернового варианта статьи с критикой гегелевской философии права. Именно благодаря тому, что Маркс уже в ходе критики гегелевской философии права пришел к выводу о том, что политика является определяющей сферой общественной жизни, поворот немецкого буржуазного сознания от критики религии к критике политики не застал его врасплох. Маркс включился в практическую политическую борьбу против прусского монархического государства своей первой статьей («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции»), а в своих последних статьях в «Рейнской газете» он использовал свою исходную теоретико-

методологическую точку зрения для теоретического осмысления и выражения антифеодального движения в Германии с позиций последовательного революционного демократизма. При этом революция рассматривалась Марксом как закон духа, а в качестве важнейшей сферы его проявления выделялись правовая и политическая сферы. Необходимость утверждения нового общественного строя Маркс усматривал как в современном состоянии науки - появление прогрессивных правовых и политических систем, так и в самой жизни - появление разумных в своей сущности правовых обычаев, обострение борьбы народа против прусского монархического государства. Успешное завершение революции Маркс связывал, *во-первых*, с утверждением новых правовых и политических идей не только в области теории, но и в сознании масс, *во-вторых*, с уничтожением государства, основанного на старых правовых и политических идеях, в ходе революции масс, *в третьих*, с утверждением республики, способной создать законодательную систему, соответствующую потребностям времени, и придать форму закона обычным правам бедноты. В процессе борьбы за достижение политико-правовых и социальных свобод в качестве редактора «Рейнской газеты» Маркс убедился как в чудовищном разрыве между требованиями немецкой теоретической мысли и теми ответами, которые давала на них немецкая действительность, так и в том, что этому разладу не соответствует разлад гражданского общества с государством и с самим собой. Столкнувшись с проблемой материальных интересов, а также с проблемой коммунизма, Маркс убедился в ограниченности своей исходной теоретико-методологической позиции, в ограниченности идеалистического подхода к пониманию общественной жизни. «При помощи унаследованного от Гегеля теоретического вооружения, - напишет Маркс в «Немецкой идеологии», - эмпирическое, материальное поведение этих людей, конечно нельзя даже и понять» (40,с.224).

**ПЕРЕХОД К.МАРКСА
К РАССМОТРЕНИЮ ЭКОНОМИКИ
В КАЧЕСТВЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И**

Первый этап работы, предпринятой К.Марксом «для разрешения обуревавших его сомнений», включает в себя период от написания рукописи «К критике гегелевской философии права» до «Экономическо-философских рукописей 1844 года» включительно и заканчивается собственно началом рассмотрения экономики в качестве определяющей сферы общественной жизни. Именно в этот период времени совершается переход не только от идеализма в объяснении общественных явлений к материализму, но и от революционного демократизма к коммунизму. И если в докторской диссертации К.Маркс борется против «небесного экстракта земного образа» наличных материальных отношений, а в статьях «Рейнской газеты» против тех «земных иллюзий», какие питают о материальных отношениях люди, «на практике ушедшие с головой в современный мир», то в статьях «Немецко-французского ежегодника» и в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он впервые вступает в борьбу против материальных отношений «в их действительном виде»(40, с.224).

**§ 1. Критическое переосмысление К.Марксом
идеалистических основ гегелевской философии права**

Поражение свободной печати в Германии, бессилие политической (и религиозной) критики в борьбе за уничтожение прусского монархического государства и христианской религии поставило Маркса перед необходимостью углубления своей теоретической (и общественно-политической) позиции. Тем более, что опытом всей предшествующей теоретической и практической борьбы Маркс подводился к пониманию того, что в борьбе за преобразование

действительности нужно опираться не просто на заранее принятую теоретическую позицию, но главным образом на изучение действительности, на осмысление «упрямых фактов» самой жизни. Именно в этот период времени Маркс все более осознает необходимость подойти к изучению общественной жизни без предвзятых идеалистических выдумок, которые не соответствуют фактам, взятым в их собственной внутренней связи, т.е. перед Марксом встает задача открыть те общие законы движения, которые в качестве господствующих действуют в человеческой истории. В своем стремлении распространить материализм на объяснение общественной жизни Маркс опирается на достижения предшествующего материализма, главным образом, на материализм Фейербаха. «Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма, - пишет В.И. Ленин, - привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию» (74, с.55).

Собственно материалистическому «переворачиванию» гегелевской философии, в ходе которого Маркс вырабатывает материалистическое воззрение на общество (рукопись «К критике гегелевской философии права», статьи «Немецко-французского ежегодника»), предшествовало такое «переворачивание» гегелевской философии права (конец 1841 года), в ходе которого Маркс утверждает на позициях общеполитического материализма и совершает переход от точки зрения религиозно-философских иллюзий к точке зрения политико-правовых иллюзий.

После ознакомления с «Сущностью христианства» (июль 1841г.) Маркс принимает положение Фейербаха о том, что природа существует независимо от какой бы то ни было философии, что она есть та основа, на которой выросли люди, сами продукты природы, что вне природы и человека нет ничего, а высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, есть не что иное, как отражение нашей собственной сущности. Маркс принимает также критику Фейербахом гегелевской идеалистической диалектики как саморазвития понятия, совершающегося неизвестно где и совершенно независимо от всякого человеческого мозга. «Философия не витает вне мира, - пишет Маркс

в июле 1842 г., - как и мозг не находится вне человека, хотя он и не лежит в желудке» (4,с.105).

Ограниченность общеполитического материализма Фейербаха, которую в этот период времени разделяет и Маркс, проявляется в том, что Фейербах, рассматривая человека преимущественно как природное существо и используя достижения физиологии и психологии, безусловно доказывает, что мысль в любых ее проявлениях есть функция мозга, но он не может объяснить природу сознания как общественного явления. Опираясь на анализ психологических основ религии и ее гносеологических корней, Фейербах показывает в «Сущности христианства», что в религии (как в идеалистической философии) родовая сущность человека отчуждена от индивида и воплощена в боге («абсолютная идея» в философии Гегеля).

В своих первых публицистических статьях Маркс идет дальше Фейербаха, ибо причину того, что родовая сущность человека отчуждена от индивида он видит в извращенности политической реальности, в частности, в том, что политическое (всеобщее) качество отчуждено от индивида и передано монарху. Соглашаясь с Фейербахом в том, что философия должна спуститься с небес спекуляции в глубины человеческой нужды, что в центре внимания философии должен быть человек, точнее - отношение человека к человеку, Маркс в то же время стремится сразу же перейти к рассмотрению человека как существа общественного, ибо для Маркса человек - это в первую очередь в своей сущности совокупность общественных (первоначально идеологических) отношений. И если Фейербах «разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира», то именно Маркс (совместно с Энгельсом) перешел непосредственно к решению вопроса: «как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии?» Этот вопрос, пишет Маркс, проложил для немецких теоретиков «путь к материалистическому воззрению на мир» (40,с.224).

Логично предположить, что именно «Сущность христианства» дала Марксу основные методологические предпосылки для начала материалистического «переворачивания» гегелевской философии права, предполагающего дополнить материалистическое учение о природе материалистическим учением об обществе. Мы считаем, что высказывание Маркса о «Предварительных тезисах к реформе философии»

Фейербаха (март 1843 г.) в общих чертах соответствует уже периоду первого знакомства Маркса с «Сущностью христианства». «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, - пишет Маркс, - что он слишком много напирает на природу и слишком мало - на политику. Между тем, это - единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истинной. Но выйдет, пожалуй, так, как это было в ХУІ столетии, когда наряду с энтузиастами природы существовали и энтузиасты государства» (20, 374-375).

Начавшаяся с января 1842 г. публицистическая деятельность Маркса показывает, что он уже в то время оценивал «возможные к развитию зародыши» философии Фейербаха глубже самого Фейербаха и ему не понадобились позднейшие разъяснения Фейербаха к «Сущности христианства» о том, что его философия в корне противоположна гегелевской идеалистической философии. И если в августе и сентябре 1841 года Маркс принимает некоторое участие в работе Б.Бауэра над первой частью «Трубного гласа страшного суда над Гегелем», а затем работает над своим разделом для его второй части, то приблизительно в одно и то же время с критикой религии Маркс начинает заниматься вопросами критики политики. «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», обнаруживающие решительный поворот Маркса к политике, показывают, что Маркс не только видит недостатки Фейербаха в том, что последний «слишком много напирает на природу и слишком мало на политику», но также и то, что Маркс уже в этой статье вступает в некоторую коллизию с Фейербахом, касающуюся не принципа религии, а его понимания. Ибо, хотя Маркс и принимает точку зрения Фейербаха о том, что «противоположность между божественным и человеческим - только иллюзия, что она объясняется противоположностью человеческой сущности человеческому индивиду и что, следовательно, объект и содержание христианской религии есть нечто вполне человеческое» (104, с.43), Маркс уже в это время видит, что «религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теоретическим выражением* которой она является, она гибнет сама собой» (20, с.370).

Представляет определенный интерес рассмотрение первых разделов рукописи Маркса «К критике гегелевской философии права» с точки зрения обнаружения как специфики влияния на Маркса «Сущности христианства», так и с точки зрения выявления тех положений, которые были осмыслены и развиты Марксом (хотя и в абстрактном, неразвитом виде) еще в первом варианте критики гегелевской философии права, а затем были практически использованы в первых публицистических статьях Маркса в 1842 г

Существует безусловно некоторая аналогия между афористической манерой изложения точки зрения материалистического «переворачивания» субъект-предикативных связей в «Предварительных тезисах к реформе философии» Фейербаха и в рукописи «К критике гегелевской философии права» Маркса. «Важно то, что Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле, как, например, «политическое умонастроение», превращает в предикат, - пишет Маркс. - На самом же деле развитие совершается всегда на стороне предиката» (10, с.228). «Метод преобразующий критики спекулятивной философии в целом ничем не отличается от метода, который уже был применен в философии религии, - пишет Фейербах. - Достаточно повсюду поставить предикат на место субъекта, а субъект на место объекта и принципа, то есть перевернуть спекулятивную философию, и мы получим истину в ее неприкрытом, чистом, явном виде» (102, с.115). Однако эта же точка зрения просматривается уже в «Сущности христианства», где Фейербах отмечает, что в религиозных утверждениях о боге как разумном, волящем и любящем начале воплощено в перевернутом виде представление о божественности Любви, Разума, Воли как выражение сущности человека, создаваемой им. «Но если бог как субъект является *определяемым*, а свойство, предикат - *определяющим*, - пишет Фейербах, - то на самом деле подобает не субъект, а предикат называть первичным существом» (104, с.51).

Опираясь на фейербаховский принцип материалистического «переворачивания» гегелевской спекулятивной философии, Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» критикует Гегеля за то, что последний видит свою задачу в «Философии права»

«не в том, чтобы развить данную, определенную идею политического строя, а в том, чтобы политический строй поставить в отношении к абстрактной идее, сделать его звеном в цепи развития идеи» (10,с.232). И если, по Гегелю, государство должно различать и определять свою деятельность согласно природе логического понятия (которое является мистифицирующей движущей силой, присущей абстрактной мысли), то, по Марксу, государство должно различать и определять свою деятельность соответственно своей специфической природе. И Маркс критикует Гегеля за то, что разум государственного строя усматривается последним в абстрактной логике, а не в понятии государства, за то, что у Гегеля не мысль соотнобразуется с природой понятия, а государство соотнобразуется с готовой мыслью. «В центре интереса стоит здесь не философия права, - пишет Маркс, - а логика. Работа философа заключается здесь не в том, чтобы мышление воплощалось в политических определениях, а в том, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли. Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики. Не логика служит для обоснования государства, а государство - для обоснования логики» (10,с.236). В отличие от Гегеля, принимающего фактически в качестве субъекта общественного развития непосредственно всеобщие формы человеческой деятельности, воплощенные в категориях и законах логики, и стремящегося использовать саму наличную политическую эмпирию для иллюстрации «дела логики», Маркс видит свою задачу в том, чтобы выявить специфику проявления всеобщих категорий и законов логики в конкретных и особых законах развития политической жизни общества.

Именно с этих позиций исходит Маркс уже в своих первых публицистических статьях в «Рейнской газете», ставя перед собой задачу исследования и воспроизведения не логического духа, а политического духа в его конкретных и многообразных проявлениях в современной ему Германии. Отход от идеалистических мистификаций проявляется у Маркса не только в том, что у Гегеля политический дух есть предикат логического, а у Маркса наоборот, но и в том, что Маркс уже с первых своих статей, по примеру фейербаховской «Сущно-

сти христианства», начинает основывать свои выводы все более и более не на априорных суждениях, а на исторических фактах. Усиление внимания к политическим (и социальным) фактам, в свою очередь, заставляло Маркса акцентировать свое внимание не столько на идеологии, сколько на идеологических отношениях и соответствующих им организациях и учреждениях.

Мы полагаем, что те проблемы, которые рассматриваются Марксом в первой половине рукописи «К критике гегелевской философии права», в абстрактном, неразвитом виде составляли содержание уже первого варианта критики гегелевской философии права, проведенной Марксом в 1841 г. Речь идет именно о тех проблемах, которые нашли свое практическое осмысление и применение в первых статьях «Рейнской газеты»: требование исходить не из логического духа, а из политического; критика монархии с позиций республики; утверждение суверенитета народа против суверенитета монарха; критика бюрократии. Отличие подхода к критике гегелевской философии права во втором варианте (в первой части рукописи) в том, что, *во-первых*, Маркс обогатился опытом социально-политической борьбы; *во-вторых*, философия права Гегеля критикуется не только за непоследовательность в защите и обосновании буржуазных политико-правовых свобод, но и как наиболее последовательная и полная теория современного буржуазного общества; *в-третьих*, утверждение первенства политической идеи перед логической перерастает в утверждение первенства гражданского общества перед политическим государством.

Анализируя рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права», Т.И.Ойзерман отмечает, что «рукопись была написана частью в 1842 г., частью в 1843 г.» (154, с.195). Принимая это утверждение, мы выдвигаем, опираясь на рассмотренное выше, предположение о том, что первый вариант первой половины рукописи был уже завершен к моменту начала работы Маркса над статьей «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (январь 1842 г.), точнее к началу декабря 1841 г. Это предположение подтверждается как тем, что основные положения первой части рукописи «К критике гегелевской философии права» просматриваются уже в первых публицистических

статьях Маркса, так и письмами самого Маркса. В письме к А.Руге от 5 марта 1842 г. К.Маркс сообщает, что статья с критикой гегелевской философии права в основном готова и нуждается только «в переписке начисто, а местами - в исправлениях». Эта статья, пишет Маркс, «представляет собой критику гегелевского естественного права, поскольку дело касается *внутреннего государственного строя*. Основное в ней - борьба против *конституционной монархии*, этого убудка, который от начала и до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает» (20,с.356-357). Здесь же Маркс пишет, что его будущий тесть, г-н фон Вестфален, «пролежал на смертном одре три месяца и позавчера скончался», а потому ему (Марксу) «за это время невозможно было сделать что-нибудь путное». Еще ранее, в письме от 10 февраля 1841 г., Маркс сообщал, что рукопись будет «прислана через несколько дней», так как занятый работой над статьей («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции»), он «не смог сделать необходимых исправлений» (20,с.355-356).

Принципиально новым моментом в критике Марксом гегелевской философии права летом 1843 г. по сравнению с периодом 1841-1842 гг. является, *во-первых*, обращение Маркса к обстоятельному изучению обширного исторического материала («Крейцнахские тетради») ⁷¹, *во-вторых*, начало утверждения собственно материалистического понимания истории. В рукописи «К критике гегелевской философии права», а также в примыкающих к ней статьях («К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение») отчетливо просматривается переход от позиции революционного демократизма, от целостного рассмотрения общества с присущими ему общечеловеческими интересами, когда классовая борьба рассматривается как не затрагивающая все общество в целом, к точке зрения пролетарского коммунизма, к рассмотрению истории общества как полностью определяемой классовой борьбой, когда сам общечеловеческий интерес просматривается как проявляющий себя через классовый интерес пролетариата,

В рукописи «К критике гегелевской Философии права» Маркс, *во-первых*, обнаруживает гносеологические истоки утверждения Гегелем определяющей роли государства по отношению

71 См. Н.Н.Лапин. Молодой Маркс, с.202-208.

к гражданскому обществу в идеализме гегелевской правовой концепции, *во-вторых*, отмечает, что Гегель, создавая самую содержательную теорию современного буржуазного общества, в то же время «непоследователен с точки зрения своей собственной концепции, а такая непоследовательность есть *приспособление*» (10, с.330). Маркс показывает, что в «Философии права» Гегеля имеет место двоякая история: эзотерическая и экзотерическая. При этом содержание лежит в экзотерической части, а интерес эзотерической части направлен на то, «чтобы находить в государстве повторение истории логического понятия» (10, с.225). И если в действительности государство вырастает из семьи и гражданского общества как из своей природной основы, выступая тем самым в качестве определяемого момента, то, по Гегелю, действительная идея, дух делит себя на две идеальные сферы своего понятия, на семью и гражданское общество, как на сферы своей конечности, с тем, чтобы, пройдя через их идеальность, стать для себя бесконечным действительным духом в государстве, т.е. утверждается определяющая роль государства по отношению к гражданскому обществу. В то время как Гегель ограничивается указанием на то, что *самосознание народа, развиваясь, может приходить в противоречие с устаревшими государственными формами*, Маркс, отправляясь от убеждения, что *человек должен стать принципом государственного строя*, выдвигает требование такого государственного строя, который «заключает в себе самом, в качестве определяющего начала и принципа, способность прогрессировать вместе с развитием сознания, прогрессировать вместе с действительным человеком» (10, с.240). И если Гегель рассматривает семью, гражданское общество и государство как определения идеи, определения субстанции как субъекта, получающие свою эмпирическую действительность в массе, то Маркс рассматривает семью, гражданское общество, государство как такие социальные формы существования человека, в которых имеет место осуществление сущности человека, ее объективирование.

Причину непоследовательности и приспособленчества Гегеля Маркс усматривает не столько в том, что «философия *«существенно»* зависима от правительственной кассы» (10, с.332), сколько в том, что как гегелевская правовая концепция, так и существующее положение

вещей в современном государстве «имеют своей предпосылкой отрыв действительной жизни от государственной жизни» (10,с.354). Не ограничиваясь указанием на непоследовательность Гегеля в качестве буржуазного мыслителя, склоняющегося в некоторых своих выводах к защите феодализма (противоречие «Философии права» Гегеля между учением об абстрактном праве и учением о государственном праве), Маркс в то же время подчеркивает ограниченность буржуазных воззрений Гегеля в рассмотрении перспектив общественного развития. Обращает Маркс внимание и на непоследовательность Гегеля в использовании диалектического метода для анализа общественной жизни (противоречие между диалектической концепцией в «Логике» Гегеля и его «Философией права»).

Особое внимание Маркса в «Философии права» привлекает гегелевское учение о противоречиях, проникнутое стремлением избежать общественных конфликтов, а главную ошибку Гегеля Маркс видит в том, что он «*противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее*, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно - *существенное противоречие*» (10,с.324). Достоинство Гегеля как диалектика Маркс усматривает, в частности, в том, что в своем учении о праве Гегель «*везде начинает с противоположности определений* (в том их виде, в каком они существуют в наших государствах) и на ней делает ударение» (10,с.281). Особое внимание Маркса привлекает фиксируемая Гегелем раздельность гражданского общества и политического государства, а также вытекающее из этой раздельности противоречие между законодательной властью и государственным строем, которое обусловлено, по мысли Маркса, идущей в современном мире борьбой между капитализмом и феодализмом. Не ограничиваясь фиксированием реальных противоречий современных государственных форм, Маркс стремится постигнуть их специфическую логику, раскрыв их генезис. «Подлинно философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, - пишет Маркс, - но и *объясняет* их; она постигает их генезис, их необходимость. Она их постигает в их *специфическом* значении» (10,с.325).

Маркс, в частности, ставит перед собой задачу понять генезис

присущего современному общественному устройству основного противоречия, противоречия между политическим государством и гражданским обществом, исследуя историческое развитие политических и неполитических форм с тем, чтобы постигнуть современное буржуазное устройство и как результат, итог всего предшествующего развития, и как очередную ступень, своего рода подготовительный этап к установлению нового общественного устройства. Особое внимание Маркса привлекает механизм перехода от феодального общественного строя к буржуазному, рассматриваемый им через уяснение борьбы между законодательной и исполнительной властью в условиях Франции, страны наиболее развитых политических форм. Подходя к рассмотрению проблемы собственности как важнейшей социальной проблемы современности, Маркс акцентирует внимание на рассмотрении противоречивости перехода в условиях Германии от феодальной формы собственности («майорат») к буржуазной форме собственности («имущество»), рассматривая саму проблему собственности как выражение противоречия между политическим строем и гражданским обществом.

Выделяя в историческом развитии последовательно этапы рабовладельческого, феодального и буржуазного общественного устройства, Маркс рассматривает формирование противоречия между развитым хозяйственным организмом и специфической формой выражения всеобщих интересов в современных политических государствах.

Рабовладельческое общество рассматривается Марксом как такое общество, в котором народ это - только рабовладельцы, ибо гражданское общество выступает здесь рабом политического государства. Единственным содержанием жизни гражданина выступает в рабовладельческом обществе политическая жизнь, ибо от свободного человека отчуждена его предметная сущность, а частная жизнь гражданина - это и есть политическая жизнь.

Отличие феодального общества от рабовладельческого Маркс видит в том, что здесь налицо слияние гражданского общества и политического государства, когда, с одной стороны, степень политического влияния определяется размерами землевладения, с

другой стороны, все члены общества оказываются включенными в отношения собственности. В то же время в условиях феодального общественного устройства само гражданское общество настолько не самостоятельно, что нуждается в политических и правовых скрепах, а у отдельных индивидов этого общества формируется не общечеловеческая сущность, а сословная сущность.

Буржуазное общество преодолевает противоречие между индивидом и его всеобщей сущностью, но только формально, и в то же время отчуждает от человека как нечто только внешнее ему его предметную сущность.

И только в условиях демократии (социальной) снимается, по мысли Маркса, губительная для индивида противоречивость предшествующего общественного развития, ибо, *с одной стороны*, каждый отдельный индивид получает возможность вобрать в себя всеобщую родовую сущность в процессе воспитания и образования, *с другой стороны*, имеет потребность и необходимость утверждать и творчески развивать саму всеобщую родовую сущность в процессе своей предметной и всеобщей деятельности.

Как мы видим, Маркс рассматривает историю формирования современного политического государства, точнее историю формирования развитого противоречия между политическим государством и гражданским обществом, обращая основное внимание на изменение соотношения политических и неполитических сфер в зависимости от исторических эпох.

Прогресс общественного развития Маркс усматривает в том, что политическое государство отделилось от гражданского общества и приобрело самостоятельный характер, то есть в том, что государственный строй развился до степени особой действительности. В этих условиях политическое государство обнаруживает себя в качестве такой формы материального государства (гражданского общества), которая призвана выражать всеобщий интерес, ибо появляется возможность замены сословных интересов общечеловеческим интересом. Однако в современном буржуазном обществе возможность реализации общечеловеческих интересов осуществляется только формально.

Гражданское общество не нуждается уже в политических скрепах

и начинает функционировать по своим собственным законам, однако его цельность это есть цельность содержания, еще только обособившегося от своей формы, когда наиболее зрелое выражение получает противоположность частного интереса всеобщему интересу, на очереди дня еще только стоит задача не формального, а фактического снятия противоречия между частным и всеобщим в условиях социальной демократии. «Из различных моментов народной жизни, - отмечает Маркс, - с наибольшим трудом совершилось формирование политического государства, государственного строя. Он развивался по отношению к другим сферам как всеобщий разум, как нечто потустороннее по отношению к ним. Исторической задачей стало затем - вернуть политическое государство в реальный мир, но особые сферы не сознают при этом, что с упразднением потусторонней сущности государственного строя, или политического государства, упраздняется и их частная сущность, что потустороннее существование политического государства есть не что иное, как утверждение их собственного отчуждения» (10,с.254).

Будучи свободен от либеральных иллюзий, Маркс не видит принципиального различия между монархией и республикой, ибо спор между ними он рассматривает как спор в пределах абстрактного государства. «Собственность и т.д., - отмечает Маркс, - словом, все содержание права и государства в Северной Америке, с немногими изменениями, те же самые, что и в Пруссии. Там, следовательно, *республика*, является просто государственной *формой*, как здесь монархия. Содержание государства лежит вне рамок этих форм государственного строя» (10,с.254). В то же время в переходе от монархии к республике Маркс видит большой шаг вперед именно в том отношении, что представительный строй по сравнению с сословным в большей мере является откровенным, непосредственным выражением современного государственного состояния как неприкрытого противоречия.

Современный государственный строй Маркс рассматривает как соглашение между политическим и неполитическим государством, как договор в себе самом между существенно разнородными силами. В качестве противостоящих сил Маркс рассматривает правительство (бюрократию) и тех, кто его поддерживает, с одной стороны, и

народ - с другой. Законодательную власть в ее борьбе против исполнительной власти Маркс рассматривает как выступающую в качестве представительницы народа, в качестве родовой воли, которая борется не против государственного строя вообще, а против особого, устаревшего государственного строя, Именно законодательная власть, выступая в своей особенности как господствующее начало, совершила, по мысли Маркса, французскую революцию.

Глубоко анализируя специфику буржуазных политических отношений, Маркс вскрывает присущие им противоречия, проявляющиеся, в частности, в том, что непосредственно государственный строй лежит вне законодательной власти, но косвенно законодательная власть изменяет государственный строй. Законодательная власть достигает окольным путем тех результатов, каких она не может и не вправе достигнуть прямым путем. Она рвет государственный строй по частям, так как не может изменить его в целом, делая в силу природы вещей то, что по смыслу государственного строя она не должна делать. «Для того чтобы государственному строю изменения не были только навязаны, - пишет Маркс, - для того чтобы эта иллюзорная видимость не была, в конце концов, насильственно разбита, для того чтобы человек делал сознательно то, что он обычно делает бессознательно, принуждаемый природой вещей, - необходимо, чтобы движение государственного строя, его *прогрессивное движение*, стало *принципом государственного строя*, следовательно, чтобы принципом государственного строя стал действительный носитель государственного строя - народ. Самый прогресс и есть тогда государственный строй» (10,с.284).

Из раздельности гражданского общества и политического государства Маркс выводит и характерное для буржуазного общества отделение политического гражданина государства от гражданского общества. Переходя к анализу противоречивости самого гражданского общества, Маркс видит присущую ему атомистику в том, что оно есть «последовательно проведенный принцип *индивидуализма*, индивидуальное существование есть последняя цель; деятельность, труд, содержание и т.д. суть *только средства*» (10,с.312).

Разрешение противоречий современного буржуазного строя Маркс

связывает, *с одной стороны*, с введением всеобщего избирательного права, когда «объектом представительства является не особый интерес, а человек и его качество гражданина государства, всеобщий интерес» (10, с. 367) и, соответственно, уничтожается дуализм политического государства и гражданского общества, точнее те крайности и недостатки, которые они вносят в организацию общественной жизни, *с другой стороны*, с упразднением бюрократии, при которой «осознанная, истинная действительность всеобщего дела является только формальной, или только формальное является действительным всеобщим делом» (10, с. 291). Упразднение бюрократии возможно, по мысли Маркса, «лишь при том условии, что *особый* интерес становится в действительности *всеобщим*» (10, с. 273). Маркс, как мы видим, движется к тому, чтобы особый интерес борющегося пролетариата осознать как в действительности всеобщий.

К вопросу уничтожения бюрократии Маркс подходит исторически, через рассмотрение причин ее появления и через доказательство ненужности ее в современных условиях. Маркс показывает, что в феодальный период общественного развития политический дух выступает только как корпоративный дух, проявляя себя, в первую очередь, в качестве предпосылок в корпорациях феодального общества, и, во вторую очередь, в качестве следствия - в бюрократии. В период абсолютных монархий окрепшая бюрократия начинает бороться против корпоративности гражданского общества как всякое следствие начинает со временем бороться против своих предпосылок. С появлением в политическом духе нового принципа, проявляющего себя в стремлении гражданского общества освободиться от корпоративности в любых ее проявлениях и создавшего тем самым угрозу для существования самой бюрократии, бюрократия начинает бороться за сохранение корпоративности гражданского общества. Подвергая критике бюрократию, Маркс фиксирует противоречие такого строя, в котором сохраняются политические отношения, т.е. имеет место противоречие между политиками по профессии, выполняющими всеобщие общественные функции (и выполняющими их формально), и людьми, занятыми выполнением отдельных, частичных и специфических общественных функций⁷². Воспроизводство индивида как сущности, вобравшей в себя

72 Именно благодаря «противоречию между частным и общим интересом

всю совокупность общественных отношений, предполагает, по мысли Маркса, приобщение индивида к всеобщей родовой деятельности не формально, а фактически, т. е. превращение всеобщих (политических) функций в обычную, рядовую социальную функцию, не отличающуюся принципиально от той социальной функции, которую выполняет сапожник.

Важное место в рукописи Маркса занимает рассмотрение вопроса о собственности, точнее противоречия между буржуазной и феодальной формами собственности. Непоследовательность Гегеля в защите и обосновании буржуазной собственности обнаруживается Марксом с позиции последовательного развития того рационального содержания, которое заложено в гегелевской трактовке абстрактного права. В то время как в отделе о *частном праве*, пишет Маркс, «Гегель изображает *отчуждаемость* частной собственности и ее зависимость от *общей* воли как ее *истинную идеальность*, - он в *государственном праве* прославляет, наоборот, мнимое величие независимой собственности в противоположность «необеспеченности промысла, погоне за барышом и изменчивости владения, зависимости от государственного имущества» (10,с.337).

Частная собственность рассматривается Марксом во всех случаях как частный произвол. Однако, если буржуазная форма собственности - это есть такой произвол собственника по отношению к вещи, в котором проявляется произвол социальной воли, то феодальная форма собственности - это есть произвол вещи (земли), за которым просматривается произвол воли монарха, правительства. В первом случае, по мнению Маркса, собственник вещи выступает как субъект воли, во втором случае частная собственность выступает как субъект воли, а воля становится простым предикатом частной собственности. Так, в случае майората, пишет Маркс, «частная собственность не является уже здесь *определенным* объектом произвола, а произвол является *определенным* предикатом частной собственности» (10,с.336). В то же время воля самого монарха, правительства рассматривается Марксом как обусловленная, в свою очередь, вещными отношениями

последний, в виде государства, принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных - как отдельных, так и совместных - интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности», напишет Маркс в «Немецкой идеологии» (40 с.32).

(отношениями к земле), отражающими потребность феодального гражданского общества в сохранении его привилегий. Именно при рассмотрении феодальных отношений собственности с позиций защиты и утверждения буржуазной формы собственности Марксу удается установить факт определяющего влияния частной собственности на политическое государство, усмотреть в майорате отражение власти *«абстрактной частной собственности над политическим государством»* (10, с. 335). В чем проявляется власть политического государства над частной собственностью в институте майората? – вопрошает Маркс. «В том, - что политическое государство *обособляет* частную собственность от семьи и от общества, что оно доводит ее до *абстрактной самостоятельности*. К чему сводится власть политического государства над частной собственностью? К *собственной власти частной собственности*, к ее сущности, которая доведена до существования. Что остается политическому государству в противоположность этой сущности? Остается иллюзия, будто оно является определяющим, в то время как оно является определяемым» (10, с. 335).

Собственность рассматривается Марксом как тот специфический механизм, который определяет специфику как самого гражданского общества, так и специфику воздействия последнего на политическое государство. Однако преимущественное внимание обращается Марксом на рассмотрение отношений собственности в их юридическом выражении как волевых актов, ибо он не видит еще в собственности таких экономических форм, при которых люди производят, потребляют и совершают обмен. В этот период времени Маркс еще не усматривает достаточно отчетливо того факта, что буржуазная частная собственность утверждает полное и завершенное господство вещных отношений, создавая в то же время иллюзию полной свободы индивида (собственника) по отношению к буржуазной форме собственности. Противопоставляя буржуазную форму собственности феодальной, Маркс сосредотачивает внимание на подчеркивании прогрессивности первой по отношению ко второй. «В сравнении с *грубой бессмысленностью* независимой частной собственности, - пишет Маркс, - необеспеченность промысла элегична. Одним словом, во всех этих качествах мы сквозь

частную собственность слышим *биение человеческого сердца*: это - зависимость человека от человека. Какова бы ни была сама по себе природа этой зависимости, она *человечна* в сравнении с таким рабом, который воображает себя свободным лишь на том основании, что ограничивающей его сферой является не общество, а *земля*» (10,с.338). Некоторая противоречивость в трактовке собственности у Маркса просматривается в том, что он, с одной стороны, рассматривает феодальную частную собственность (майорат) как такую форму собственности, которая не достигла еще формы имущества (не выступает еще как обусловленная социальной волей), с другой стороны, землевладение (майорат) рассматривается Марксом как частная собственность «*в подлинном смысле этого слова*» (10, с.333), как частная собственность «в ее наиболее самостоятельном и крайнем развитии» (10,с.335). В то время как, по Гегелю, майорат есть «цепи, налагаемые на свободу частного права», по мнению Маркса, майорат представляет собой «свободу частного права, освободившегося от всех социальных и нравственных связей» (10,с.335).

Приняв в качестве главной задачи рассмотрение преимуществ буржуазной формы собственности перед феодальной, уделяя преимущественное внимание исследованию не экономических, а политико-правовых отношений, Маркс еще не мог на этом пути вскрыть как экономическую природу отношений собственности, так и их специфическую и законченную форму выражения в качестве буржуазных отношений собственности. Маркс еще не проводит достаточно последовательно мысль о том, что гарантией политического государственного строя частная собственность является не только при наличии системы майората, но и в условиях развитого буржуазного строя.

И все же первый и самый решительный шаг к выделению экономических отношений в качестве определяющей сферы общественной жизни был сделан Марксом именно в рукописи «К критике гегелевской философии права». «Возьмите определенное гражданское общество, - напишет Маркс позже, резюмируя сделанные в рукописи выводы, - и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского

общества» (20,с.402). И если убеждение в первенстве гражданского общества по отношению к политическому государству выступает в рукописи еще только как вывод, то на повестке дня стоит задача, **во-первых**, превращения данной точки зрения в принцип рассмотрения всей общественной жизни, **во-вторых**, выяснения вопроса о том, что же определяет само гражданское общество. «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, - напишет Маркс, получив для себя ответ на данный вопрос, - и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, - словом, определенное гражданское общество» (20,с.402).

Однако, опосредствующим звеном в переходе от первого шага ко второму в развитии материалистического понимания истории встает перед Марксом задача уяснения той общественной силы, которая по своему положению в реальной действительности способна и призвана разрешить противоречия современного буржуазного общества, Ибо только с позиции пролетариата, с позиций признания его активной и преобразующей роли могла быть решена задача как выработки научного метода познания общественной жизни, так и теоретически последовательного осмысления противоречий буржуазного этапа общественного развития.

§ 2. Применение К. Марксом положения о первенстве гражданского общества для критики ограниченности политической эмансипации.

Выйдя из редакции «Рейнской газеты» в середине марта 1843 г. в связи с принятием прусским правительством решения о запрещении «Рейнской газеты», а также в силу существующих цензурных условий, Маркс, по его собственному признанию, «удалился с общественной арены в учебную комнату» (18,с.6). В рукописи «К критике гегелевской философии права» он фактически переосмысливает свою исходную теоретико-методологическую позицию, стремясь через критику гегелевской философии права уяснить сущность современного государства и права. В рукописи и в примыкающих к ней статьях («К еврейскому вопросу»,

«К критике гегелевской философии права. Введение») просматривается переход Маркса от идеализма в понимании общественных явлений к материализму. В свою очередь, вывод о том, что не правовые и государственные формы, а материальные жизненные отношения составляют фундамент общества, выступил в качестве теоретической основы для перехода Маркса от революционного демократизма к коммунизму. Но поскольку Маркс не был чистым теоретиком⁷³, то параллельно с уяснением теоретических проблем для себя он еще с большей энергией по выезду из Германии включился в общественно-политическую борьбу. В марте-сентябре К.Маркс ведет переговоры с А.Руге об издании за границей «Немецко-французского ежегодника», к участию в котором он стремится привлечь передовых представителей немецкой и французской демократии. Собственно, эти переговоры и нашли свое отражение в трех письмах К.Маркса к А.Руге, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». В двух первых письмах, написанных в марте и мае, т.е. до работы над рукописью «К критике гегелевской философии права», Маркс выступает в качестве последовательного революционного демократа, обобщающего опыт предшествующей политической борьбы в Германии, а в третьем письме, написанном в сентябре 1843 г., то есть уже после написания рукописи, он формулирует новые задачи теоретической критики уже собственно с позиций пролетарского коммунизма.

В первых двух письмах Маркс рассматривает историю «неудачной попытки уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почве» (II,с.377). Общественно-политический подъем в Германии начала 40-х годов и последовавший далее спад Маркс связывает с конфликтом между либеральными речами и сердечными излияниями молодого короля Фридриха-Вильгельма IУ, пытавшегося вдохнуть новую жизнь в устаревший варварский порядок, и намерениями идеалистов, «которые хотят одного - осуществления у нас завоеваний французской революции, что в последнем

⁷³ В связи с предстоящим запрещением газеты К.Маркс пишет в письме А.Руге от 25 января 1843г.: «противно быть под ярмом - даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспобляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу» (20,с. 372).

счете означает осуществление республики, порядка свободных людей вместо порядка мертвых вещей» (II,с.376). Основной реакционной силой в Германии, господами этого мира Маркс считает филистеров (мелких буржуа), не желающих быть настоящими людьми, то есть мыслящими и свободными существами. Филистерский мир - это мир *политических животных*, пишет Маркс. «Века варварства породили и сформировали этот порядок, и вот он стоит теперь перед нами в виде последовательной системы, принцип которой - *обесчеловеченный мир*» (II,с.373).

Из глубокой убежденности в прогрессирующем развитии человечества Маркс заключает, что «раз мы опустились до уровня политических животных, то еще более глубокая реакция уже невозможна, и всякое движение вперед может заключаться только в том, что будет оставлена позади основа этого мира и будет осуществлен переход к человеческому миру демократии» (II,с.376). Временные успехи сил реакции Маркс рассматривает как предвестник скорой революции, ибо борьба заставляет мыслящих осознать свое положение, а страдающих сплотиться и уже сегодня они «достигли взаимопонимания, - а для этого раньше не было возможности» (II,с.377).

В то же время уверенность Маркса в неизбежности победы революции опирается и на учет реальных процессов, ибо уже быстрое размножение населения грозит взорвать мир филистеров, а быстрый рост промышленности и торговли, системы частной собственности и эксплуатации ведет к еще большему расколу людей внутри общества, порождая такие общественные противоречия, с которыми нельзя справиться без коренных общественных преобразований. В этих условиях *задача критической философии* состоит, по Марксу, в том, чтобы «разоблачать старый мир и совершать положительную работу для образования нового мира» (II,с.376).

Важно отметить определенную схематичность рассмотрения общественных проблем в первых двух письмах по сравнению со стилем мышления Маркса в написанных им статьях, тем более в последних статьях в «Рейнской газете». Это обстоятельство может быть связано как с тем, что Маркс в письмах к А. Руге вынужден был в какой-то

мере вести полемику в русле поставленных Руге проблем⁷⁴, а также с тем, что именно Руге под близким ему углом зрения отредактировал для печати первые два письма Маркса. Но в то же время несомненно и существенное различие первых двух писем и третьего письма, ибо в первом случае Маркс выступает еще как революционный демократ, идеалистически рассматривающий общественную жизнь, а во второй случае как коммунист, утверждающийся на позициях материализма.

В центре внимания Маркса в третьем письме вопрос о том, «каково должно быть будущее» (II,с.379), и Маркс рассматривает его с позиций последовательного защитника интересов пролетариата. Ставя перед собой **задачу понять действительные потребности общественного развития**, Маркс убежден в том, что «мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, - я говорю о *беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах; эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрержащими» (II,с.379). При этом Маркс полагает, что критик может «взять за исходную точку всякую форму теоретического и практического сознания и из *собственных* форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должностное и конечную цель» (II,с.380). Именно этим принципом Маркс руководствуется как при анализе наличных форм коммунистического мировоззрения, так и при анализе наличных форм религиозного, политического и экономического сознания. При этом теоретическое разрешение противоречий наличного сознания рассматривается Марксом в качестве предпосылки для разрешения противоречий самой действительности, ибо **люди могут изменить мир, только осознав необходимость** его изменения «Преимущество нового направления как раз в том и заключается, - пишет Маркс, - что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир» (II,с.379).

В качестве сторонника коммунизма Маркс при решении вопроса о том, «каково должно быть будущее», берет за исходную точку

⁷⁴ Теперь я покончил с нашей общей задачей (курсив наш Ж.К.) - я рассмотрел филистера и его государство», пишет Маркс в конце второго письма к А.Руге. «Меня радует, что Вы приняли твердое решение и, *оторвав свой взор от прошлого* (курсив наш Ж.К.), обращаетесь мыслью вперед, к новому предприятию», пишет Маркс в начале третьего письма (II,с.377-378).

наличное коммунистическое мировоззрение в той форме, в какой его проповедают Кабе, Дезами, Вейтлинг и т.д., а также собственно утопический социализм Фурье, Прудона и т.д. Именно в этих теоретически незрелых формах и проводилась, по мысли Маркса, до сих пор положительная работа по образованию нового мира и сводилась она к *конструированию будущего, к провозглашению готовых решений для всех времен и народов*. При этом предполагалось, что новые принципы устройства общественной жизни, будучи приняты практическим сознанием, смогли бы сами по себе способствовать кардинальному преобразованию действительности.

Основной недостаток догматического коммунизма Маркс видит в том, что это направление непоследовательно в отрицании принципа частной собственности, так как акцентирует свое внимание на проблеме справедливого и равного распределения, обедняя потребности человека, а потому являет собой только особое выражение гуманистического принципа, «не освободившееся еще от влияния своей противоположности - частного бытия» (11,с.379). *Недостаток социалистического принципа*, по Марксу, в том, что этот принцип представляет собой «только одну сторону, касающуюся *реального бытия* истинной человеческой сущности» (11,с.379). На теоретическое же существование человека (религию, науку и пр.) социалистический принцип не обращает должного внимания, недооценивая тот факт, что коллизии ложного сознания (религия) и истинного сознания (наука) идеально отражают коллизии самой жизни, и что поэтому ***практическое решение общественных проблем невозможно без предварительного теоретического их решения.***

Именно с этим обстоятельством Маркс связывает тот факт, что сторонники социализма не осознают достаточно отчетливо, за что они борются, не имеют истинных лозунгов борьбы. Недостаток существующих направлений догматического коммунизма и социализма Маркс видит не только в пренебрежении к теоретическим проблемам, но и в недооценке роли и значения активной политической борьбы для практической реализации потребности в уничтожении частной собственности.

Социалисты оказываются неспособными связать критику с определенной партийной позицией с тем, чтобы отождествить критику с действительной борьбой, ибо, по мнению завязанного социалиста, участие в политической борьбе обязательно уводит в сторону от борьбы за утверждение социалистического принципа. Ошибочность отказа от активного участия в политической борьбе Маркс разъясняет на примере такого специального политического вопроса как различие между сословной и представительной системами, в котором он усматривает лишь выраженное политическим языком различие между господством человека и господством частной собственности. «Возводя представительную систему из ее политической формы во всеобщую форму и выявляя истинное значение, лежащее в основе этой системы, - пишет Маркс, - критик вместе с тем заставляет эту партию выйти из своих рамок, так как ее победа есть в то же время и ее конец» (II,с.380-381).

Преимущество нового направления в коммунистическом движении Маркс видит и в том, что оно желает «влиять на своих современников, и притом - на современных нам немцев» (II,с.380). Поскольку в Германии преимущественный интерес вызывали религия и политика, постольку Маркс и предлагает подвергнуть их критике в первую очередь. «При этом окажется, - пишет Маркс, - что мир уже давно грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его. Окажется, что речь идет не о том, чтобы мысленно провести большую разграничительную черту между прошедшим и будущим, а о том, чтобы *осуществить* мысли прошедшего. И, наконец, обнаружится, что человечество не начинает *новой* работы, а сознательно осуществляет свою старую работу» (II,с.381). В статьях “К еврейскому вопросу”, “К критике гегелевской философии права. Введение” Маркс и показывает образцы того, как посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, взятого в его религиозных и политических формах, можно из наличных форм существующего теоретического и практического сознания и из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должествование и конечную цель, т.е. коммунизм.

Критика Марксом ограниченности политической эмансипации - это и критика собственно буржуазных воззрений на природу буржуазного общества и буржуазно-демократических революций, и в определенной мере самокритика по отношению к тем взглядам, которых Маркс придерживался до написания рукописи «К критике гегелевской философии права».

Как отмечалось во второй главе, Маркс в период работы в «Рейнской газете» боролся против религиозного, политического и социального отчуждения человека, отпавляясь от рассмотрения политики в качестве определяющей сферы общественной жизни. Политическая эмансипация рассматривалась Марксом как завершенная форма человеческой эмансипации, а сохранение религии в современных государствах - как ложь по отношению к государственно-гражданской жизни. Точнее, положение в современном государстве рассматривалось не как завершение политической эмансипации, а как только определенная ступень ее. При этом Маркс, отпавляясь от признания определяющей роли государства по отношению к гражданскому обществу, полагал, что завершение идеализма политического государства, то есть придание завершенности формам политической эмансипации, приведет к подчинению частного интереса всеобщему интересу. В результате превращения всеобщего дела в дело каждого отдельного гражданина будет преодолен конфликт между индивидуальной и родовой жизнью человека, исчезнет гражданское общество как сфера нужды и рассудка и будут созданы подлинно человеческие условия жизни для всех людей.

Полученные Марксом выводы в результате критики гегелевской философии права, убеждение в том, что не правовые отношения и государственные формы, а материальные жизненные отношения составляют фундамент общества, послужили для Маркса теоретической основой критики ограниченности политической эмансипации. Сама эта критика осуществляется Марксом в статьях «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение» в процессе перехода от абстрактного гуманизма и революционного демократизма к пролетарскому гуманизму и коммунизму. «Критика религии завершается учением, пишет Маркс, - что человек - высшее

существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом» (13,с.422).

Точка зрения *абстрактного гуманизма и революционного демократизма* просматривается в том, что Маркс выступает за эмансипацию человека вообще, то есть и купца, и поденщика, и земледельца (см.12, с.391). Переход к *пролетарскому гуманизму и коммунизму* просматривается, *во-первых*, в фиксации Марксом того факта, что пролетариат, зарождающийся в результате начавшего прокладывать себе путь промышленного развития, являет собой сферу универсальных страданий, *во-вторых*, в убеждении Маркса в том, что именно борьба пролетариата за свое освобождение есть единственный реальный путь утверждения гуманизма в общественных отношениях.

Принципиально новая теоретико-методологическая и общественно-политическая позиция Маркса позволяет ему уяснить действительную роль политической эмансипации в историческом развитии человечества. Политическая эмансипация, «правда, не является, - пишет Маркс, - последней формой человеческой эмансипации вообще, но она является последней формой человеческой эмансипации в *пределах* существовавшего до сих пор миропорядка» (12,с.392). Ограниченность политической эмансипации усматривается Марксом в том, что «даже в стране с завершённой политической эмансипацией религия не только *существует*, но проявляет *жизнеспособность и силу*» (12,с.387). Политическая эмансипация не обеспечивает, по мнению Маркса, свободу человека, ибо право человека на свободу в завершённом государстве основано не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно - *право* этого обособления, право *ограниченного*, замкнутого в себе индивида. «Практическое применение права человека на свободу есть право человеку на *частную собственность*» (12,с.400).

В условиях завершённого политического государства не преодолевается также конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием, ибо реальный человек

признан лишь в образе *эгоистического* индивида, *истинный* человек - лишь в образе *абстрактного гражданина* (см.12,с.405). Характеризуя *сущность политической эмансипации*, Маркс отмечает, что она разлагает то старое, феодальное общество, на которое опирается ставший чуждым народу государственный строй, и ниспровергает деспотическую власть. Политическая революция разбивает гражданское общество на его простые составные части: *с одной стороны*, на эгоистических индивидов, *с другой* - на материальные и духовные элементу (собственность, религия, образование и пр.), образующее жизненное содержание этих индивидов, их гражданское положение. В этих условиях человек не освобождается от религии, но получает свободу религии, не освобождается от собственности, а получает свободу собственности, не освобождается от эгоизма промысла, а получает свободу промысла. Складывается зависимость человека от мира вещей, от стихии торгашества, что находит свое субъективное выражение в наличии у человека эгоистических потребностей. В свою очередь, при господстве эгоистических потребностей человек «может практически действовать, практически создавать предметы, лишь подчиняя эти свои продукты, как и свою деятельность, власти чуждой сущности и придавая им значение чуждой сущности - денег» (12,с.412).

Подчеркивая зависимость государства от гражданского общества, Маркс отмечает, что даже в моменты еще юношеского энтузиазма политическая жизнь объявляет себя простым средством. «*Политическая революция* разлагает гражданскую жизнь на ее составные части, не *революционизируя* самих этих составных частей и не подвергая их критике. Она относится к гражданскому обществу, к миру потребностей, труда, частных интересов, частного права, как к *основе своего существования*, как к последней, не подлежащей дальнейшему обоснованию, предпосылке, и потому - как к своему *естественному базису*» (12,с.405).

В условиях выявления сущности политической эмансипации углубляется и марксова критика религии, ибо проблема отношения политической эмансипации к религии перерастает в проблему отношения политической эмансипации к *человеческой эмансипации*. Маркс объясняет религиозные пути граждан их мирскими путями,

отмечая, что граждане государства покончат со своей религиозной ограниченностью только тогда, когда уничтожат господство стихии торгашества и денег. Подчеркивая тот факт, что при переходе от незавершенного государства к завершенному государству религия лишь перемещается из сферы публичного права в сферу частного права, Маркс отмечает, что даже в условиях демократического государства «религия остается идеальным, немирским сознанием его членов, так как она - идеальная форма *той ступени человеческого развития*, которая осуществляется в этом государстве» (12,с.396-397).

Члены политического государства религиозны, по мнению Маркса, *во-первых*, в силу дуализма между индивидуальной и родовой жизнью, между жизнью гражданского общества и политической жизнью, *во-вторых*, потому, что человек относится к государственной жизни, находящейся по ту сторону его действительной индивидуальности, как к своей действительной жизни, *в-третьих*, в связи с тем, что религия есть дух гражданского общества, выражение отрыва и отделения человека от человека. Религиозное убожество рассматривается Марксом и как выражение действительного убожества, и как протест против этого действительного убожества. «Религия, - пишет Маркс, - есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но человек - не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они - *превратный мир*» (13,с.414).

Отметив в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», что для Германии критика религий по существу окончена, что критика религии, будучи предпосылкой всякой другой критики, освобождает человека от иллюзий с тем, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, ставший разумным человек, Маркс требует переходить от критики неба к критике земли, от критики религии к критике права, от критики теологии к критике политики. «*Задача истории*, следовательно, - с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира*, - утвердить *правду постороннего мира*. Ближайшая задача фи-

лософии, находящейся на службе истории, состоит - после того как разоблачен *священный образ* человеческого самоотчуждения - в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его *несвященных образах* (13,с.415). По мысли Маркса, «самоотчуждение в его *несвященных образах*» представлено как существующими в Германии порядками и их абстрактным продолжением в «Философии права» Гегеля, так и практикой современных государственных порядков во Франции и Северной Америке. Однако, *в то время как для современных государств актуальной является уже проблема не политической, а общечеловеческой эмансипации, Германия не подошла еще вплотную даже к решению задачи политической эмансипации.* Своеобразие положения Маркс видит в том, что, **во-первых**, в Германии сочетаются цивилизованные недостатки современного государственного мира с варварскими недостатками старого порядка, **во-вторых**, отсутствуют силы, способные осуществить политическую эмансипацию. В этих условиях Маркс делает вывод о том, что будущее немецкого народа «не может *ограничиться* ни непосредственным отрицанием его реальных государственно-правовых порядков, ни непосредственным осуществлением тех его государственно-правовых порядков, которые существуют в идее, ибо в этих своих идеальных порядках немецкий народ имеет непосредственное отрицание своих реальных порядков, а непосредственное осуществление своих идеальных порядков он почти уже *пережил*, наблюдая жизнь соседних народов» (13,с.420).

В этих условиях Маркс связывает будущее Германии не с политической эмансипацией, осуществляемой буржуазией, а с общечеловеческой эмансипацией, осуществляемой пролетариатом. В качестве непосредственных предпосылок для осуществления общечеловеческой эмансипации в Германии Маркс рассматривает, **во-первых**, переход передовой философии к теоретическому осмыслению коммунистического движения пролетариата, **во-вторых**, развитие и усиление пролетариата, осознающего необходимость уничтожения буржуазного общества, системы угнетения. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие,

- пишет Маркс, - так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, совершится эмансипация *немца в человека*» (13,с.428).

§ 3. Переход К. Маркса к поискам «анатомии гражданского общества» в политической экономии

Переход Маркса к исследованию экономических отношений буржуазного общества был обусловлен потребностями современной революционно-практической борьбы пролетариата. Разумеется, что борьба пролетариата в разных странах сопровождалась попытками ее теоретического осмысления и независимо от Маркса. «Следует признать, - пишет Маркс в «Критических заметках к статье «Пруссака» (июль 1844 г.), - что немецкий пролетариат является *теоретиком* европейского пролетариата, подобно тому как английский является его *экономистом*, а французский - его *политиком*» (14,с.444).

Однако при этом оставалась нерешенной проблема теоретически последовательного выражения действительных интересов пролетарского движения на путях синтезирования достигнутых результатов и критического анализа соответствующих теоретических и практических истоков.⁷⁵ «Вполне понятно, - пишет Маркс, - в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», - что уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей* силой: в Германии это - *самосознание*, во Франции это - *равенство*, так как там преобладает политика, а в Англии это - действительная, материальная, измерявшая себя только самой собой *практическая* потребность» (34,с.135).

В статьях «Немецко-французского ежегодника» Маркс, взяв за исходную точку зрения философскую и политическую формы теоретического и практического сознания, развивает из собственных форм существующей действительности коммунизм как

⁷⁵ Мы не останавливаемся подробно на рассмотрении вопроса о том, что фактически эта задача решалась совместными усилиями К.Маркса и Ф.Энгельса, начиная с августа 1844 года.

их долженствование и конечную цель, оставляя при этом в стороне политэкономическое сознание. Если в рукописи «К критике гегелевской философии права» Маркс еще намеревается дать критику учения Гегеля о гражданском обществе (см.10,с.313), то начало систематического изучения буржуазной политической экономии с конца 1843 г. заставило Маркса отказаться от этой мысли и перейти к поискам «анатомии гражданского общества» в политической экономии.

В отличие от Маркса, принимающего очередную точку зрения только после ее обстоятельного теоретического обоснования, Энгельс, оказавшись по приезду в Англию (с ноября 1842 г.) в центре ожесточенной классовой борьбы - как между буржуазией и феодалами, так и между пролетариатом и буржуазией, - впервые сумел с позиций последовательного коммунистического мировоззрения приступить к критике буржуазной политической экономии. В статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (ноябрь 1843 г.) Энгельс пишет, что «радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоящей и неотвратимой необходимостью», что «коммунизм - не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации» (45,с.525). Особое внимание Маркса привлекла статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (получена Марксом в январе 1844 г.),⁷⁶ в которой Энгельс в ходе критического анализа буржуазной политической экономии делает вывод о том, что «чисто естественный закон, а не закон духа» порождает революцию (речь идет о законе конкуренции), что этот естественный закон покоится на том, что «участники здесь действуют бессознательно». «Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, - пишет Энгельс,- и вы избавитесь от всех искусственных и несостоятельных противоположностей» (45,с.561).

В предисловии к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» (которые являются, по-видимому, первоначальным наброском

⁷⁶ «Конспект статьи Фридриха Энгельса “Наброски к критике политической экономии» написан Марксом в первой половине 1844 г. (см.32).

работы «Критика политики и политической экономии») Маркс пишет о своем намерении дать критику экономики, права, политики, морали и т.д., рассмотреть их взаимосвязь и взаимообусловленность, а также «подвергнуть критике спекулятивную обработку всего этого материала» (34,с.43). Непосредственно в самой рукописи Маркс главное внимание обращает на критику эмпирического материала и теоретических выводов буржуазной политической экономии, находит новые аргументы для обоснования теоретической несостоятельности утопического социализма и коммунизма, дает углубленную критику гегелевской диалектики.

Переход к рассмотрению экономики в качестве определяющей сферы общественной жизни потребовал от Маркса материалистического «переворачивания» гегелевской идеалистической диалектики. У Гегеля диалектика рассматривается как саморазвитие понятия, в то время как обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие признается только в качестве отпечатка самодвижения этого понятия (см.54,с.301). При этом идеалистическая диалектика Гегеля оправдывает метафизический способ мышления буржуазной политической экономии. Это связано с тем, что в качестве субстанции общественной жизни Гегель рассматривает целенаправленную разумную волю, односторонне и абстрактно проявляющую себя в экономической сфере и получающую адекватную своей природе форму только в государстве. В результате, сфера экономической жизнедеятельности людей у Гегеля, пишет Э.В. Ильенков, «и не есть поэтому *конкретная* система взаимодействия людей и вещей, возникающая и развивающаяся *независимо от воли и сознания индивидов*» (127,с.133).

Еще в рукописи «К критике гегелевской философии права» Маркс обосновал принцип первенства гражданского общества по отношению к государству. Сейчас же требовалось дать диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии, вопроса о соотношении материального и идеального, а значит и выделить материальное в самих общественных отношениях. Проблема материалистического «переворачивания» гегелевской диалектики встала перед Марксом в виде вопроса: «в каких же взаимоотноше-

ниях мы находимся с гегелевской *диалектикой?*» (34,с.152).

В критике гегелевской диалектики Маркс опирается как на свой предшествующий опыт материалистического переворачивания гегелевской философии, обогащенный результатами критического анализа буржуазной политической экономии, так и на достижения Фейербаха, который в своих «Тезисах к реформе философии» и подробнее в «Философии будущего» «прокинул в корне старую диалектику и философию» (34,с.153).

Серьезное, критическое отношение к гегелевской диалектике Маркс усматривает у Фейербаха в связи с доказательством того, что гегелевская философия «есть не что иное, как выраженная в мыслях и логически систематизированная религия, не что иное, как другая форма, другой способ существования отчуждения человеческой сущности, и что, следовательно, она также подлежит осуждению» (34,с.154).

Принимая данную точку зрения, Маркс вместе с тем рассматривает философию как наиболее абстрактное выражение всех форм отчуждения, господствующих в буржуазном обществе. Критически анализируя «Феноменологию духа» и «Логику» Гегеля, Маркс показывает самого философа идеалиста как *абстрактный образ отчужденного человека, делающего себя масштабом отчужденного мира*. Мир этого философа - идеалистическая философия - это, *во-первых*, мир логических абстракций, *во-вторых*, предметный мир как отчуждение (и опредмечивание) логических абстракций, но в пределах самого мышления *и, наконец*, единство того и другого - абсолютное знание⁷⁷. По мысли Маркса, Гегель, изобразив историю производства абстрактного, логического, спекулятивного мышления, в то же время отождествил способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное, с процессом возникновения реального.

Преодолевая Фейербаха, Маркс видит причину идеализма в объяснении общественной жизни в том, что, двигаясь в рамках

⁷⁷ При этом человечность природы и природы, созданной историей, продуктов человека, обнаруживается у Гегеля, по мнению Маркса, в том, что «они являются продуктами абстрактного духа и постольку, стало быть, духовными моментами, мысленными сущностями» (34,с.158).

отчуждения, люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность не в истории промышленности и в сложившемся предметном бытии промышленности, а «только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т.д.» (34,с.123).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года, как, впрочем, и в статьях «Немецко-французского ежегодника», отчетливо просматривается мысль о том, что после того как религия и идеалистическая философия сведены к своей земной основе, эта земная основа «должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована» (40,с.2). Заслугу Фейербаха Маркс видит «в основании *истинного материализма и реальной науки*, поскольку общественное отношение «человека к человеку» Фейербах также делает основным принципом теории» (34, с.154). В процессе критики религии и философского идеализма с позиций общеполитического материализма Фейербах утверждает актуальность проблемы человека, проблемы общественных отношений. К подобной точке зрения подводила Маркса уже его теоретико-практическая деятельность в качестве революционного демократа, заставляющая изучать людей в их исторических действиях.

Переход на позиции материализма и пролетарского коммунизма поставил перед Марксом в качестве вполне осознанной задачу заменить «культ абстрактного человека» Фейербаха «наукой о действительных людях и их историческом развитии» (54,с.299). При этом проблема познания общественных отношений выступает для Маркса не просто как теоретическая, но, главным образом, как практическая проблема. Еще в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс замечает, что «как решительный противник прежней формы *немецкого* политического сознания, критика спекулятивной философии права погружается не в себя самое, а в такие *задачи*, для разрешения которых имеется одно только средство - практика» (13,с.422).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс рассматривает производственные отношения буржуазного общества

с позиций пролетарского движения, направленного на их преобразование. «Когда мы спрашиваем, - пишет Маркс, - какова сущность трудовых отношения, то мы спрашиваем об отношении *рабочего* к производству» (34,с.90). Именно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс впервые показывает, что только экономическое развитие может быть объяснено при помощи своей собственной логики⁷⁸, в то время как тенденция духовной эволюции находит себе объяснение при помощи экономики. Движение материальной, непосредственно *чувственной* частной собственности «производство и потребление, - пишет Маркс, - есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т.е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону» (34,с.117). Уже здесь отчетливо просматривается утверждение Марксом материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу, принципа первенства материального к идеальному⁷⁹, четко сформулированного в письме П.В. Анненкову от 26.XI.1846 г. «Общественная история людей, - пишет Маркс, - есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений» (20,с.402-403). «Люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи*, и *категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений» (20,0.408-409).

Объективная необходимость развития материального производства, представляющего из себя исторически развивающееся единство человека и природы, человека и человека, обуславливается, таким образом, не просто тем, что людям нужно есть, пить, иметь жилище и т.д. Материальное производство рассматривается Марксом,

78 Из действительного хода развития, напишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», «с необходимостью вытекает победа капиталиста, т.е. развитой частной собственности над неразвитой, половинчатой частной собственностью, т.е. над земельным собственником, подобно тому как уже и вообще движение должно одержать победу над неподвижностью...»(34,106).

79 См. статью Э.В. Ильенкова «Проблема идеального» Вопросы философии № 6, № 7 1979 г.

как основа функционирования и развития всех сторон жизни общества, определяющая собой, в конечном счете, не только духовное производство, но и всю многогранность человеческой жизни. Ведущая роль материального производства в жизни общества, в свою очередь, обуславливает определяющую роль трудящихся масс, пролетариата уже в периоды эволюционного развития общества. Когда же возникает объективная необходимость уничтожения отживших общественных отношений, то революционной борьбе пролетариата, к которой его толкает его жизненное положение, принадлежит и здесь ведущая роль.

Заслугу Фейербаха Маркс видит в том, что «отрицанию отрицания, утверждающему, что оно есть абсолютно положительное, он противопоставляет покоящееся на самом себе и основывающееся положительно на самом себе положительное» (34,с.154). Маркс признает правомерность требования Фейербаха исходить из положительного, из чувственно-достоверного, то есть из фактов. «Мы хотим строить все наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме», - писал Маркс в «Оправдании мозельского корреспондента» (9,с.199). «Мы берем отправным пунктом *современный экономический факт*», - пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» (34,с.87).

Маркс исходит из фактов, изучает эти факты с тем, чтобы вскрыть закономерность, просматриваемую во взаимосвязи фактов, выявить тенденцию их изменения и развития⁸⁰. Более глубоко, чем Фейербах, Маркс видит недостатки гегелевской трактовки отрицания отрицания, усматривая их, в частности, в том, что у Гегеля отрицание отрицания «не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании» («4,с.167). Вместе с тем, Маркс подчеркивает величие гегелевской «Феноменологии духа» и ее конечного результата - диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа, - усматривая его в том, что Гегель рассматривает «самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчужде-

⁸⁰ Уже к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» в значительной мере подходит характеристика диалектико-материалистического метода, использованного Марксом в «Капитале» (см.19, с.20-21).

ние и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*» (34,с.158-159)⁸¹. Материалистическое переосмысление гегелевской концепции отчуждения позволяет Марксу рассматривать атеизм как становление теоретического гуманизма через снятие бога, а коммунизм как становление практического гуманизма, как утверждение действительной человеческой жизни через снятие частной собственности.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» система экономического взаимодействия людей рассматривается Марксом как исторически возникшая и исторически развивающаяся система, складывающаяся самостоятельно и независимо от воли и сознания индивидов, хотя и при активнейшем участии и воли, и сознания. Из анализа развития буржуазной экономической системы Маркс выводит необходимость как революционной борьбы пролетариата, так и соответствующей ей революционной теории. «Нетрудно усмотреть необходимость того, - пишет Маркс, - что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике» (34,с.117),

Диалектико-материалистический в своих основных чертах метод, позиция пролетарского коммунизма позволяют Марксу выделить в ходе критического анализа буржуазной политической экономии следующие ее моменты: **во-первых**, классовый характер буржуазной политической экономии как выразительницы интересов капиталистов и, соответственно, ее антигуманный характер; **во-вторых**, метафизичность и идеализм используемого ею метода.

Буржуазная политическая экономия, как и буржуазная наука в целом, говорит об обществе вообще, о человеке вообще, имея фактически в виду буржуазное общество и соответствующего ему эгоистического индивида и рассматривая последнего только как капиталиста или рабочего. «*Общество*, - каким, оно выступает для политэконома, - пишет Маркс, - есть *буржуазное общество*, где каждый индивид представляет собой некоторый замкнутый комплекс

⁸¹ В труде Гегель увидел способ, каким человек «образует» свой предметный мир, себя самого (см..85, с.105).

потребностей и существует для другого лишь постольку, - а другой существует для него лишь постольку, - поскольку они обоюдно становятся друг для друга средством» (34,с.140).

Антигуманный, классовый характер буржуазной политической экономии Маркс усматривает в том, что в пролетарии она не видит человека, а «видит в рабочем лишь рабочее животное, скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям» (34,с.55), в том, что она не рассматривает пролетария в безработное для него время, предоставляя это «уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими» (34,с.54). **Метафизический характер** буржуазной политической экономии Маркс видит *как* в том, что она не рассматривает экономические отношения в их возникновении и развитии: политическая экономия исходит из факта частной собственности, но «объяснения ее она нам не дает» (34,с.86), *так* и в непонимании взаимосвязи изучаемого ею движения: учение о конкуренции политическая экономия противопоставляет учению о монополии, учение о свободе промысла - учению о корпорации, при этом монополия и корпорация представляются как естественные и необходимые, а свобода промысла и конкуренция как «случайные, преднамеренные, насильственные» (34,с.87). **Идеализм** буржуазной политической экономии Маркс усматривает в том, что, решая вопрос о том, чем же определяются колебания между заработной платой и прибылью на капитал, она ищет в интересе капиталистов последнюю причину, и в том, что единственным маховыми колесами, которые пускает в ход политэконом при объяснении законов, управлявших экономическими отношениями, «являются *корыстолюбие и война между корыстолюбцами - конкуренция*» (34,с.87).

Своим анализом буржуазной политической экономии Маркс показывает, что если даже исходить из предпосылок самой политической экономии и принять ее язык и законы, то можно доказать, что рабочий низведен до положения товара, что необходимым результатом конкуренции является монополия, что «общество неизбежно распадается на два класса - *собственников* и лишенных собственности *рабочих*» (34,с.86). Маркс видит свою задачу в том,

чтобы, поднявшись над уровнем политической экономии, ответить на два вопроса. 1) *Какой смысл* в ходе развития человечества имеет сведение большей части человечества, пролетариев к абстрактному труду? 2) *Какие ошибки* совершают реформаторы по мелочам, которые хотят либо *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочих, либо «усматривают цель социальной революции в *уравнивании* заработной платы?» (34,с.54). В свою очередь, ответ на эти вопросы можно получить, по мысли Маркса, *во-первых*, при рассмотрении экономических отношений буржуазного общества как исторически возникших, а, следовательно, и преходящих, то есть при объяснении происхождения частной собственности, *во-вторых*, при выявлении взаимосвязи всех экономических категорий.

В качестве отправного пункта при исследовании экономических отношений Маркс принимает *современный экономический факт*: «рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции» (34,с.87). Отправляясь от материалистически осмысленной концепции отчуждения, Маркс анализирует экономические факты, формулирует понятие отчужденного труда и из анализа понятия отчужденного труда выводит понятие частной собственности. В свою очередь, имея в качестве исходных понятия частной собственности и отчужденного труда, можно, по мысли Маркса, «развить все экономические *категории*» (34,с.98).

Анализируя современный экономический факт, Маркс показывает, что «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя» (34,с.88). Поскольку Маркс, в отличие от Гегеля, не отождествляет опредмечивание с отчуждением, постольку сущность труда он усматривает в опредмечивании. От сущности труда вообще Маркс отличает превращенную форму труда, характерную лишь для мира частной собственности. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, замечает Маркс, осуществление труда выступает как выключение рабочего из действительности, «опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*, освоение предмета - как *отчуждение*» (34,с.88).

Отправляясь от Фейербаха, Маркс рассматривает, в отличие от Гегеля, человека не только как духовное, но и как природное существо, преодолевая Фейербаха, Маркс показывает человека как включенного в отчужденную форму социального общения. «От человека не зависит, быть или не быть этой общественной связи, - пишет Маркс в «Конспекте книги Милля «Основы политической экономии» (первая половина 1844 г.) ; - но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*» (33,с.24). При этом классовый характер буржуазной политической экономии Маркс усматривает и в том, что она замалчивает отчуждение в самом существе труда, «*не подвергает рассмотрению непосредственное отношение между рабочим (трудом) и производимым им продуктом*» (34,с.90).

Сам Маркс причину отчуждения предмета труда от рабочего усматривает в отчужденном характере труда. Отчуждение труда заключается, по Марксу, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности. В свою очередь, отчуждение труда приводит, по мысли Маркса, к отчуждению от рабочего родовой сущности человека, то есть его природного и духовного достояния, когда «сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *производственная жизнь* оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования» (34,с.93). Следствием отчуждения от человека продукта его труда, его жизнедеятельности, его родовой сущности является, по Марксу, «*отчуждение человека от человека*» (34,с.94).

Показав, что посредством отчужденного труда рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда, то есть капиталиста, Маркс делает вывод: «стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе» (34,с.97).

Опираясь на полученные результаты, Маркс анализирует коллизии, не разрешенные политической экономией. **Во-первых**, если политиче-

ская экономия исходит из труда как подлинной души производства и в то же время труду не дает ничего, а частной собственности все, то здесь просматривается противоречие *отчужденного труда* с самим собой, ибо «политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда» (34,с.97). **Во-вторых**, если заработная плата есть следствие отчужденного труда, а отчужденный труд - причина частной собственности, то нужно бороться не за повышение заработной платы, а за уничтожение частной собственности и соответствующего ей отчужденного характера труда. **В-третьих**, именно анализ взаимоотношения отчужденного труда и частной собственности показывает, что эмансипация общества от частной собственности возможна только как эмансипация рабочих, ибо «кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения» (34,с.98).

Как бы ни было частично восстание промышленных рабочих, пишет Маркс в статье «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», используя результаты «Экономическо-философских рукописей 1844 года», «оно заключает в себе *универсальную* душу, тогда как самое универсальное *политическое* восстание под самой грандиозной формой скрывает дух некоторой *эгоистической ограниченности*» (14,с.447).

Характеризуя всеобщую сущность частной собственности, Маркс показывает, что отношение частной собственности содержит в себе в скрытом виде отношение частной собственности как труда, отношение частной собственности как капитала и отнесение обоих этих выражений друг к другу: «отношение *частной собственности* - это труд, капитал и их взаимоотношение» (34,с.106). Показав из анализа самих экономических отношений буржуазного общества преходящий характер частной собственности, Маркс, опираясь на основные положения диалектической логики, выделяет основные этапы движения частной собственности. Это, **во-первых**, непосредственное или опосредствованное единство труда и капитала, **во-вторых**, противоречие обоих по отношению друг к другу; **в-третьих**, противоречие каждого по отношению к самому себе, перерастающее во враждебное взаимное противоречие. Частная собственность как развитая до степени противоречия форма

противоположности между трудом (как субъективной сущностью частной собственности, исключаяющей собственность) и капиталом (как объективированным исключаяющим труд) обнаруживает себя, по мысли Маркса, «как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия» (34, с. 113).

В отличие от буржуазных экономистов и от Гегеля Маркс видит не только положительную, но и отрицательную сторону труда⁸², в отличие от представителей утопического социализма и коммунизма Маркс фиксирует положительную сторону частной собственности. *С одной стороны*, Маркс видит в частной собственности самоотчуждение человека, *с другой стороны*, в развитой частной собственности Маркс видит материальные и духовные предпосылки для перехода к снятию отчуждения, к уничтожению самой частной собственности. Историческая необходимость частной собственности состоит, по Марксу, в том, что в результате достижения известной зрелости в развитии частной собственности как раз и создается как материал труда, так и человек как субъект, то есть создаются предпосылки для положительного упразднения частной собственности. То обстоятельство, что разделение труда и обмен суть формы частной собственности, является, по мысли Маркса, доказательством как того, «что человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности», так и того, «что теперь она нуждается в упразднении частной собственности» (34, с. 144).

Характеризуя этапы самоотчуждения и их отражение в буржуазной политической экономии, Маркс, вместе с тем, отмечает, что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (34, с. 113). Вначале частная собственность рассматривается *либо* со своей объективной стороны, когда именно капитал берется в качестве стороны, подлежащей уничтожению, *либо* со своей субъективной стороны, когда особый характер труда мыслится как источник

82 «Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит унижение рабочего. Он, создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих», замечает Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» (34, 90).

пагубности частной собственности. Коммунизм, как положительное выражение упразднения частной собственности, мыслится как возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения, но в своих первичных, незрелых проявлениях он не уяснил еще положительной сущности частной собственности и не постиг еще *человеческой* природы потребностей, а потому он «еще находится в плену у частной собственности и заражен ею» (34,с.116). В качестве подлинного выразителя интересов всего человечества, интересов пролетариата Маркс рассматривает коммунизм как такое положительное упразднение частной собственности, в ходе которого происходит сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития возвращение человека к самому себе как человеку общественному.

Все движение истории Маркс рассматривает, с одной стороны, как действительный акт порождения этого коммунизма, с другой стороны, как постигаемое и познаваемое в мыслящем сознании движение его становления, «История, - отмечает Маркс, - принесет с собой это коммунистическое действие, и то движение, которое мы в *мыслях* уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс. Но мы должны считать действительным шагом вперед уже то, что мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического движения, и превзошли его в своем сознании» (34,с.136).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года», теоретически обосновывая коммунистическое движение как необходимый вывод, заложенный в общих условиях цивилизации, Маркс сделал новый и значительный шаг в обосновании определяющей роли экономики: он стал рассматривать материальное производство как определяющее все другие виды производства. Тем самым был подготовлен переход к исследованию производственных отношении, к изучению условий жизни больших масс людей, к выявлению решающей роли классовой борьбы в общественном развитии, а значит и к научному обоснованию «зависимости хода идей от хода вещей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята попытка рассмотрения не исследованной еще специально проблемы перехода молодого Маркса от использования политико-правовых иллюзий к выделению экономики в качестве определяющего фактора при анализе общественных явлений⁸³.

В качестве предпосылок, долженствующих учитываться на современном этапе исследования процесса формирования историко-материалистического воззрения Маркса, обращается внимание на следующее. Конечной целью исследования должно быть теоретическое воссоздание действительного движения мысли Маркса способом восхождения от абстрактного к конкретному. Полученное на этом пути рассмотрение развития взглядов Маркса в качестве особой формы становления научного воззрения у общества в целом позволит глубже раскрыть закономерность движения мысли индивида от уровня обыденного сознания к научному воззрению. В этих условиях во всей полноте встанет проблема «обмирщения» данной философской проблематики и будет решена поставленная ещё Гегелем перед философией задача «доказать нашему обыденному сознанию, что существует *потребность в собственно философском способе познания* или даже пробудить такую потребность» (83, с.88). Именно пробуждение потребности в философском способе познания заставило в свое время написать молодого Маркса в письме к отцу: «Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед» (22, с. 13).

Сложность заключается в том, чтобы уже сегодня вести исследования процесса формирования взглядов Маркса с учетом требований современной практики. Задача заключается, прежде всего в том, чтобы при исследовании тех социальных и гносеологических противоречий через осмысление и разрешение которых молодой Маркс двигался к созданию историко-материалистического воззрения, необходимо

⁸³ Значительную поддержку в осмыслении предложенного в данной работе подхода к рассмотрению развития взглядов молодого Маркса оказал автору Э. В. Ильенков. По рекомендации Эвальда Васильевича и при его непосредственном участии данная работа обсуждалась на секторе истории марксистско-ленинской философии Института философии АН СССР 14 июня 1977 года (см. Приложение-Заключение Института философии АН СССР на диссертационную работу).

как бы перекидывать мостик к тем социальным и гносеологическим противоречиям, с которыми сталкиваются представители различных социальных слоев в наше время в процессе овладения научным пониманием общественной жизни.

Важность акцентирования внимания на тех моментах в эволюции взглядов Маркса, которые общезначимы и сегодня, можно проиллюстрировать на следующих примерах. Если Маркс, опираясь на атеизм и материализм Фейербаха, основное внимание в процессе разработки историко-материалистического воззрения сосредотачивает на материалистическом объяснении человеческой деятельности, то и современные молодые люди, воспитанные в традициях атеизма и общеполитического материализма, нуждаются, главным образом, в материалистическом осмыслении как деятельности отдельного индивида так и деятельности всего общества. Как и во времена Маркса переход к рассмотрению экономики в качестве определяющего фактора при анализе общественных явлений это и результат, итог теоретического осмысления того общественно-политического движения, в которое включен данный индивид, и одновременно начало, исходный пункт подлинно научного понимания общественной жизни.

Развитие взглядов Маркса на общество рассматривается при этом в качестве особой формы становления научного воззрения у общества в целом на пути перехода от буржуазной к коммунистической системе мышления. При этом буржуазная (и мелкобуржуазная) философия рассматривается как преодоленная, снятая современным уровнем научного познания (и мировоззрения), а следовательно, обосновывается невозможность научного характера современной буржуазной философии. Исходная теоретико-методологическая позиция Маркса показывается как близкая по социальной проблематике французским просветителям и материалистам, а по идеологической форме - немецкой классической философии. Использование и развитие Марксом своей исходной позиции для осмысления действительности и для борьбы за её революционное преобразование проявляет себя, в конечном счете, как теоретическое осмысление и выражение антифеодального движения в Германии с позиций последовательного революционного демократизма. Обнаружение слабости исход-

ной теоретико-методологической позиции, а также ограниченности революционного демократизма подводит Маркса к необходимости распространения материализма на объяснение общественной жизни для решения проблемы теоретического осмысления и выражения революционного движения пролетариата.

Данный подход требует выявления логики движения мысли Маркса, не просто совпадающей с определенной хронологической последовательностью его отдельных печатных высказываний, а вытекающей из определенного уровня его духовного развития. Ибо, во-первых, Маркс не всегда имел возможность высказаться в печати по тому или иному вопросу именно в тот период времени, когда у него появилась данная идея, во-вторых, отдельные положения Маркс первоначально схватывал и интуитивно применял, а затем уже осознавал и при случае в печати (или в письмах) формулировал. Так, например, положение о том, что нужно исходить в исследовании общественной жизни не из логического духа, а из политического, что необходимо связать критику с критикой политики, были фактически использованы уже в первых статьях, а сформулированы в печатных изданиях значительно позже. Мы полагаем, что воссоздание основных этапов духовной эволюции молодого Маркса, требующее раскрытие логики движения его мысли как бы изнутри, не может быть выполнено без реставрации его утерянных работ, в частности, без реставрации первой статьи Маркса с критикой гегелевской философии права. Основные положения этой статьи могут быть воссозданы как на путях сопоставления первой половины рукописи Маркса «К критике гегелевской философии права» с его первыми статьями, посвященными критике прусской монархии, так и при сопоставлении логики перехода мысли Маркса от критики религии к критике политики с логикой развития прогрессивной общественно-политической мысли, отражающей период антифеодального развития движения в Германии. Черновой вариант первой статьи Маркса с критикой гегелевской философии права, над которой он работал одновременно со статьей «О христианском искусстве», был завершён приблизительно к началу декабря 1841 г. Эта статья, написанная после ознакомления Маркса с «Сущностью христианства» Фейербаха,

представляет собой, главным образом, критику гегелевского естественного права и включает в себя, по нашему мнению, теоретическое обоснование следующих положений: необходимости исходить при рассмотрении развития общественной жизни не из логического духа, а из политического духа, утверждение суверенитета народа против суверенитета монарха, критику бюрократии и пр.

В данном исследовании предпринята попытка показать, что за конкретным индивидуальным процессом интеллектуального и нравственного развития молодого Маркса, эволюции движения его сознания к выработке научного мировоззрения наиболее полно и разносторонне проступают те общие закономерности формирования научного мировоззрения, которые имеют силу и сегодня, в условиях ориентации на теоретическое осмысление действительности с позиций общегуманистических ценностей. Практическая значимость исследования заключается, по нашему мнению, в том, что добытые в ней выводы могут придать большую эффективность процессу формирования философского мировоззрения и соответствующего ему диалектико-материалистического метода, ориентирующегося на торжество в современном мире «правды нового мира» против «правды старого мира». Включение в процесс преподавания философии анализа формирования научного мировоззрения у Маркса с раскрытием не только объективных условий этого процесса, но и субъективных интеллектуальных усилий и высокой нравственной позиции молодого Маркса может существенно помочь решению данной задачи.

Гениальность Маркса как мыслителя среди культурных людей не вызывает сомнения. Вместе с тем, некоторые из них, ухватившись за какую-то деталь в некоторых случаях торопятся заявить, что «Маркс мол ошибался». Однако, в большинстве случаев это, мягко говоря, не соответствует действительности. С того момента, когда Маркс увидел свою задачу в том, чтобы осмысливать факты, опираясь на теорию, и, соответственно, уточнять свою теоретическую позицию на основе появления принципиально новых фактов, он оказывается на позициях прогрессирующего развития истины. Раздумья Маркса, касающиеся гуманистических перспектив развития человечества в целом не

опровергаются развитием истории (они, в частности подтверждены работами Э.Фромма («Иметь или быть», «Революция надежды»)) и А.Печчеи («Человеческие качества»⁸⁴).

Выводы К.Маркса касающиеся роли рабочего класса как в сфере материальной жизни общества (в том числе и проблема оплаты труда рабочих), так и в сфере социальных преобразований касаются в основном периода развития индустриального общества и, разумеется, должны корректироваться и углубляться в условиях постиндустриального общества. Однако критика К. Марксом ограниченности мира капиталистической частной собственности остается актуальной и наше время. «Если человек современной эпохи, - пишет Э.Фромм («Избавление от иллюзий»), - утрачивает частную собственность, в социальном плане он – никто». *Но много ли в нашем обществе частных собственников, если иметь в виду не личную собственность, а собственность на средства производства?*

Те сверхсложные задачи, что стоят перед современным мировым сообществом, невозможно успешно и своевременно решать без овладения культурой мышления, впервые в совершенстве освоенной именно молодым Марксом. Потому и освоение современной культуры мышления и действия невозможно без приобщения к философскому наследию К.Маркса и Ф.Энгельса, В.Ленина, а также Э.Ильенкова и Э.Фромма.

84 «Измениться или исчезнуть» (169, с.211-216)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд., т. I, с.3-27.
2. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания. - Маркс К., Энгельс Ф.2-е изд.т.1,с.30-84.
3. Маркс К. Философский манифест исторической школы права. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд., т.1,с.85-92.
4. Маркс К. Передовица в № 179 «Kotnische Zeitung» - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд.,т.1,с.93-113.
5. Маркс К. Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд.,т.1,с.114-118.
6. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд.,т.1,с.115-160.
7. Маркс К. Проект закона о разводе. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.2-е изд., т.1, с.161-164.
8. Маркс К. Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung» - Маркс К., Энгельс Ф., Соч.2е изд.,т.1,с.165-168.
9. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента. - Маркс К.,Энгельс Ф. Соч.2-е изд., т.1, с.187-217.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1,с.219-368.
11. Маркс К. Письма из «Deutsch-Franzosishe Jahrbucher» - Маркс К.,Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,т.1,с.371-381.
12. Маркс К. К еврейскому вопросу. - Маркс К., Энгельс S. Соч.2-е изд., т.1,с.382-413.
13. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,т.1,с.414-429.
14. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». - Маркс К. , Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1,с.430-448.
15. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд., т.3,с.1-4.
16. Маркс К. Ницета философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.,т.4, с.128-146.
17. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.8, с. 115-217.

18. Маркс К. «К критике политической экономии». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.13, 496 с.
19. Маркс К., Капитал. - Маркс К., Энгельс ф. Соч. 2-е изд., т.23, с.5-22, 263.
20. Маркс К. Из писем 1842-1844 годов. - Маркс К. , Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.27, с. 355-363.
21. Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.3-7.
22. Маркс К. Письмо к отцу. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с. 8-18.
23. Маркс К. Неистовые песни. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.19-20.
24. Маркс К. Тетради по эпикурейской Философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.21-140.
25. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. - Маркс К., Энгельс Ф. , Соч. 2-е изд., т.40, с.147-233.
26. Маркс К. «Набросок нового предисловия к работе «Различие между натурфилософией Эпикура и натурфилософией Демокрита». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.234.
27. Маркс К. Кабинетский указ относительно периодической печати. Маркс К. , Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.259-260.
28. Маркс К. Отношение Гервега и Руге к «Свободным». - Маркс К.Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.269.
29. Маркс К. О сословных комиссиях в Пруссии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.275-291.
30. Маркс К. . Из книги «Мемуары Р. Левассера (Де Ла Сарта)».Париж, 1829, том 1-4. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.315-330.
31. Литературно-поэтические опыты молодого Маркса (1833-1837).-Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40, с.333-586.
32. Маркс К. Конспект статьи Фридриха Энгельса «Наброски к критике политической экономии». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.42, с.3-4.
33. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии», - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.42, с.5-40.
34. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.42, с.41-174.

35. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. - Маркс К.Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.46, ч.1, с.36-45, 99-117, 461-518.
36. Маркс К. Выписки о фетишизме (1842 г.). - В кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс об атеизме, религии и церкви. М., 1971, с.458-469.
37. Маркс К. Выписки из «общественного договора» Жан-Жака Руссо. - В кн.: Жан-Жак Руссо. Трактаты, М. 1968, с.471-484.
38. Маркс К. 4-я Крейцнахская тетрадь. - В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977, с.446-508.
39. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. - Соч. 2-е изд., т.2, с.3-230.
40. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч. 2-е изд., т. 3, с.7-544.
41. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического понимания истории.
42. «Из литературного наследия К.Маркса, Ф. Энгельса и Ф.Лассаля (под редакцией Ф.Меринга)». - Одесса, 1908, т.1, с.3-476.
43. Энгельс Ф. Фридрих-Вильгельм IУ, король прусский. - Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.487-495.
44. Энгельс Ф. Внутренние кризисы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.498-503.
45. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.525-541.
46. Энгельс Ф. - наброски к критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.544-571.
47. Энгельс Ф.- Положение Англии. Томас Карлейль «Прошлое и настоящее». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1.
48. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т1, с.598-617.
49. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т.2, с.231-517.
50. Энгельс Ф. Карл Маркс «К критике политической экономии». - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т.13, с.489- 499.
51. Энгельс Ф. Карл Маркс - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.19, с.105-115
52. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т.13, с.185-230.
53. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т.13, с.489-

499.

54. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т.21, с.263-317.
55. Энгельс Ф. Предисловие к немецкому изданию «Манифест коммунистической партии» 1890 года. - Маркс К., Энгельс Ф., - Соч. 2-е изд., т.22, с.56-63.
56. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.22, с.294-320.
57. Энгельс Ф. Письмо П.Блоху. 21-22 сентября 1890 г. - Письмо К.Шмидту, 27 октября 1890 г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.37, с.393-397, 414-422.
58. Энгельс Ф. Письмо Ф.Мерингу, 11 июля 1893 г. - Маркс К., Энгельс Ф.. Соч. 2-е изд., т.39, с.82-86.
59. Энгельс Ф. Эрнст Мориц Арнанд. - Маркс К., Энгельс Ф., 2-е изд., т. 41, с. 163-170.55.
60. Энгельс Ф. Шеллинг о Гегеле. - Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т.41, с.163-170.
61. Энгельс Ф. Шеллинг и откровение. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.42, с.173-226.
62. Энгельс Ф. К критике прусских законов о печати. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.42, с.276-283.
63. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? - Полн. собр. соч., т.1, с.129-203.
64. Ленин В.И. Фридрих Энгельс. - Полн. собр. соч., т.2, с.1-14.
65. Ленин В.И. Что делать? – Полн. собр. соч., т.6, с.6-88.
66. Ленин В.И. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Полн. собр. соч., т.12, с.39-48.
67. Ленин В.И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. - Полн. собр. соч., т.20, с.34-89.
68. Ленин В.И. Заметки. Полн. собр. соч. т.20, с.147-156.
69. Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. - Полн. собр. соч., т.20, с.171-180.
70. Ленин В.И. Гайндман о Марксе. - Полн. собр. соч., т.20, с.389-395.
71. Ленин В.И. Исторические судьбы учения Карла Маркса. – Полн. собр. соч., т.23, с.1-4.

72. Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма.- Полн. собр. соч., т.23, с.40-48.
73. Ленин В.И. Переписка Маркса с Энгельсом. - Полн. собр. соч., - т. 24, с. 262-273.
74. Ленин В.И. Карл Маркс. - Полн. собр. соч., т. 26,- с.46-93.
75. Ленин В.И. Честный голос французского социалиста. – Полн. собр. соч., т.27, с.5-13.
76. Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т.29, с.3-571.
77. Ленин Б.И. Очередные задачи советской власти. - Полн. собр. соч., т.36, с.165-208.
78. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. - Полн. собр. соч., т.41, с.298-318.
79. Ленин В.П. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг.Троцкого и Бухарина.- Полн. собр. соч., т.42, с.264-304.
80. Маркс Генрих. Из писем Карлу Марксу 1835-1837 гг. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.40 (приложение), с.600-642.
81. «Карл Маркс. Биография» / Под. общ. ред. Н.Н.Федосеева и др. - М.: Политиздат, 1968. - 746 с.
82. «Фридрих Энгельс. Биография» / Под общ. ред. Л.Ф.Ильичева и др. - 2-е изд. - М.: .Политиздат, 1977. - 610 с.
83. Гегель Г. Наука логики: Энциклопедия философских наук. - М.: Мысль, 1974, т.1, с.5-452.
84. Гегель Г. Философия духа: Энциклопедия философских наук. - М.: Мысль, 1977, т. 3, с.6-472.
85. Гегель Г. Феноменология духа. - Соч. М.: Социально-экономическая литература, 1959, т. 1У, с.1-440.
86. Гегель Г. Философия права. - Соч. М.-Л.: Соцэкгиздат, 1934, т.У11, с.3-376.
87. Гегель Г. Философия истории.- Соч. М.-Л.: Соцэкгиздат, 1935, т.У111, с.3-574.
88. Гегель Г. Философия религии: В 2 т. М.: Мысль, 1976, т.1, с.35-532.
89. Гегель Г, Философия религии: В 2 т. М.: Мысль, 1977, т.2, с.5-573.
90. Гегель Г. Политические произведения. - И.: Наука, 1978. - 437 с.
91. Гегель Г. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1972, т.2, с. 7-630.
92. Кант И. Метафизика нравов (в двух частях). - Соч.: В 6 т. М.: Мысль, т.4, ч.2, с.107-438.

93. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Избр. философские произведения: В 5 т, М., 1956, т.1, с.507-730.
94. Плеханов Г.В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. - Избр. философские произведения: В 5 т. М., 1956, т.1, с.422-456.
95. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма. - Избр. философские произведения: В 5 т. X., 1956, т.2, с.33-194.
96. Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории. - Избр. философские произведения: В 5 т.М., 1956, т.2, с.634-668.
97. Плеханов Г.В. Карл Маркс. - Избр. философские произведения в 5 т. М., 1956, т.2, с.717-724.
98. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. - Избр. философские произведения: В 5 т. М., 1957, т.3, с.124-198.
99. Плеханов Г.В. Французский утопический социализм XIX века. - Избр. философские произведения: В 5 т. №., 1957, с.521-613.
100. Плеханов Г.В. От идеализма к материализму. - Избр. философские произведения: В 5 т. М., 1957, т. 3, с.639-686.
101. Фейербах Л. К критике философии Гегеля. - Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1955, т.1, с.53-96.
102. Фейербах Л. Предварительные тезисы к реформе философии. - Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1955, т.1.
103. Фейербах Л. Основные положения философии будущего. - Избр. философские произведения: В 2 т. Н., 1955, т.1, с.134-204.
104. Фейербах Л. Сущность христианства. - Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1955, т.2, с.7-405.
105. Фихте И. О назначении ученого. - М.: Соцэкгиз, 1935. - 140 с.
106. Арсеньев А.С. Наука и человек (философский аспект). -В кн.: Наука и нравственность / А.С.Арсеньев, Э.Ю.Соловьев, Э.В.Ильенков и др. М., 1971, с.114-158.
107. Багатурян Г.А. Структура и содержание первой главы «Немецкой идеологии» КМаркса и Ф.Энгельса. - Вопросы философии, 1965, №10, с.108.
108. Багатурян Г.А. Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории. - В кн.: Маркс - историк / Под общей ред. З.А.Желубовской и др. - М., 1968, с.107-179.

109. Багатурия Г.А., Выгодский В.С. Экономическое наследие Карла Маркса. - М.: Мысль, 1976, с.5-222.
110. Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. - М.: Соцэкгиз, 1933. - 141 с.
111. Безчеревных Э.В. Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. - М.: Высшая школа, 1972. - 143 с.
112. Безчеревных Э.В. Проблема преодоления иллюзий и заблуждений на пути к научному знанию и ее решение в «Капитале» Маркса. – В кн.: «Капитал» Маркса. Философия и современность. М., 1976, с.265-283.
113. Бережной А.Ф. К.Маркс и Ф.Энгельс о печати. - Л.: ЛГУ, 1968, С.15-52.
114. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» Маркса. -, М.: МГУ, 1969. - 295 с.
115. Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К.Маркса. - М.: МГУ, 1975.- 222 с.
116. Волгин В.П. Французский утопический социализм. - М.: Наука, 1979. - 336 с.
117. Волков Г. Рождение гения. - М.: Молодая гвардия, 1968. - 174 с.
118. Волков Г. Три лика культуры. - Новый мир, 1972, № 6, с.185-200.
119. Волков Г. Сова Минервы. - М.: Молодая, гвардия, 1973. -355 с.
120. Гулиан К.И. Метод и система Гегеля; В 3 т. М.: Иностранная литература, 1962, т.1, с.3-443.
121. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. - М.: Высшая школа, 1966. - 132 с.
122. Деборин А.Н. Социально-экономические учения нового времени: В 3 т. М.: 1967, т.2, с.3-404.
123. Желтова В.П. Философия и буржуазное правосознание. – М.: Наука, 1977, с.3-34.
124. Забаров М.А., Хасина К. К предьстории Марксовой концепции пролетариата («Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30-40 годов XIX в.). - В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977, с.347-385.
125. Замберг Д., Швеиц К. О статье Кёппена «Берлинские историки». - Историк-марксист, 1940, кн.8, с.68-71.
126. «Из литературного наследия К.Маркса, Ф.Энгельса и Ф. Лассаля (под ред. Ф.Меринга)» - Одесса, 1908, т.1 с.3-476.
127. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. - К.: АН СССР, 1960. - 265 с.

128. Ильенков Э.В. Идеальное. - В кн.: ФЭ, 1962, т.2, с.219-227.
129. Ильенков Э.В. Вопросы о тождестве мышления и бытия в до-марксистской философии. - В кн.: Историко-философские очерки.
130. Ильенков Э.В. Гегель и проблема предмета логики. - В кн.: - Философия Гегеля и современность / Под общей ред. Л.Н.Суворова и др. - м., 1973, с.120-143.
131. Ильенков Э.В. Проблема идеального. - Вопросы философии, 1979, № 6-7, с.125-140, 145-158.
132. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. - М.: Политиздат, 1963. - 319 с.
133. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. - М. : Политиздат, 1974. - 271 с.
134. История марксистской диалектики / М.М.Розенталь, Г.С.Батищев, Э.В.Ильенков и др. - М.: Мысль, 1971. - 506 с.
135. Келле В., Ковальзон М. Идеология. - В кн.: ФЭ, 1962, т.2, с.229-233.
136. Кёппен К. Берлинские историки. - Историк-марксист, 1940, кн. 8 , с. 72-84.
137. Корню С. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. - 2-е изд., доп. - М.: Прогресс, 1976, т.1, с.3-590.
138. Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. - М.: Иностранная литература, 1961, т.2, с.3-427.
139. Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Жизнь и деятельность. - М.: Прогресс, 1968, т.3, с.3-472.
140. Лапин Н.И. О времени работы Маркса над рукописью «К критике гегелевской философии права». - Вопросы философии, 1960, №9, с.155
141. Лапин Н.Н. Молодой Маркс. - М.: Политиздат. - 2-е изд., перераб. и доп. - К.: Политиздат, 1976. - 415 с.
142. Леонов О.Л. Путь К.Маркса к научному взгляду на религию. - М.: Политиздат, 1961, с.11-24.
143. Литературное наследие К.Маркса и Ф.Энгельса (история публикаций в СССР). - К., 1969, с.28-59.
144. Лифшиц М. Карл Маркс, искусство и общественный идеал. - М.: Художественная литература, 1972, с.11-263.
145. Менде Г. Путь молодого Маркса от революционного демократа к коммунизму. - М.: Иностранной литературы, 1957. - 107 с.
146. Лурье Э. Младогегельянцы и Фейербах. - Под знаменем марксизма. 1929, № 3, с.72-99.
147. Макаров А.К. К вопросу философской эволюции Маркса. – Под знаменем

- марксизма, 1931, № 7-8, с.157-180
148. Мареев О.Н. Диалектика логического и исторического и ее место в логико-методологической концепции Маркса. – Вопросы философии, 1977, № 2, с. 36-45
 149. Мосолов В.Г. Изучение К.Марксом всемирной истории в 1843- 1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории.- В кн.: Маркс-историк / Под общей ред. Р.А.Желубовской и др. - М., 1968, с.85-106.
 150. Метафизика / Н.Мотрошилова, А.Огурцев, М.Туровский и др, - В кн.: Ф.Э., 1964, т.3, с.402-406.
 151. Меринг Ф. Маркс и младогегельянцы. - Под знаменем марксизма, 1923, №2-3, с.64-67.
 152. Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. - М.: Политиздат, 1957. - 607 с.
 153. Меринг Ф. К.Маркс и Ф.Энгельс - создатели научного коммунизма. - П.: Политиздат, 1960. - 234 с.
 154. Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. - 2-е изд., доработ. - М.: Мысль, 1974. - 572 с.
 155. Пажитков Л.Н. У истоков революционного переворота в философии.- М.: Соцэкгиз, 1960. - 168 с.
 156. Петров А.Г. Бруно Бауэр - историк раннего христианства. - В кн.: Вопросы научного атеизма. М., 1966, №1, с.282-311.
 157. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, Фейербаха и Фихте. - М.: Юридическое изд. НКЮ СССР, 1940, с.3-115.
 158. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. - М.: Юридическая литература, 1963. - 468 с.
 159. Принцип историзма в познании социальных явлений / Под общ. ред. В.Е.Келле и др. - М.: Наука, 1972, с.13-83.
 160. Продев С. Весна гения. - М.: Политиздат, 1970. - 328 с.
 161. Разумовский И. Понятие права у К.Маркса и Ф.Энгельса. - Под знаменем марксизма, 1923, № 2-3, с.68-97.
 162. Разумовский И. Проблемы марксистской теории права. – М.: Соцэкгиз, 1926. - 136 с.
 163. Свиридов Л.И. Социальное развитие и право.-Л.: ЛГУ, 1973. -205 с.
 164. Современный правовых ревизионизм /Под общей ред. В.В.Медведева и

- др. М.: Мысль, 1973, с.5-204.
165. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. - М.: МГУ, 1973, с.10-189.
 166. Штраус Д. Жизнь Иисуса. - М.; 1907 с.10-150.
 167. Adams H.P. Karl Marx in his earlier writing – London. 1965, p.3-117
 168. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств. Вопросы философии № 6, 2003
 169. Печчеи А. Человеческие качества. Изд-во «Прогресс», М., 1980, 302 с.
 170. Философия и ЮНЕСКО. Материалы ООН.–Исполнительный Совет Юнеско - 169 сессия , 2005
 171. Фромм Э. Из плена иллюзий. – В кн.: Э.Фромм. Душа человека. М.1998, с.471-584
 172. Фромм Э. Революция надежды. –«Ювента». Санкт-Петербург, 1999, - 256 с.
 173. Фромм Э. Иметь или быть? «Ника-Центр», «Вист–С». Киев 1988, - 400 с.

Приложение

Утверждаю

Директор Института философии

АН СССР

доктор философских наук, профессор

Б. С. Украинцев

30 октября 1979 г.

Заключение

Института философии АН СССР на диссертационную работу
Ж.В.Котова "Проблема соотношения политики и экономики в работах
К.Маркса 1835-1844 г.г." /логика развития мысли К.Маркса в процессе
выработки историко-материалистического воззрения/.

Диссертация Ж.В.Котова, представленная на соискание ученой степени кандидата философских наук, обсуждалась на заседании сектора истории марксистско-ленинской философии Института философии АН СССР 14 июня 1977 г. (протокол № 5) и была в целом одобрена и рекомендована к защите. В процессе обсуждения был высказан ряд критических замечаний, которые автору было предложено учесть. В октябре 1979 г. Ж.В.Котов представил доработанный текст диссертации.

В настоящее время диссертация представляет собой добросовестное и достаточно глубокое исследование идейной эволюции молодого Маркса вплоть до 1844 г., когда Маркс работал над "экономическо-философскими рукописями". В центре исследования - рассмотрение логики движения мысли молодого Маркса от точки зрения идеологических (главным образом политико-правовых) иллюзий в объяснении общественной жизни к выделению экономики в качестве определяющего фактора анализа общественных явлений. При этом автор демонстрирует хорошее знание духовной атмосферы Германии начала XIX столе-

тия и стремится воссоздать адекватную картину отношения молодого Маркса в ходе его идейной эволюции к крупнейшим социально-философским системам той эпохи.

Диссертант сумел придать своей работе определенную практическую значимость, стремясь в ходе своего исследования идейной эволюции молодого Маркса выявить некоторые общие психологические закономерности формирования научно-материалистического мировоззрения и тем самым способствовать коммунистическому воспитанию масс в наши дни.

Не все в диссертации бесспорно. Автор несколько преувеличивает значимость логического метода в изучении процесса духовной эволюции молодого Маркса. Претендуя на выявление общих закономерностей формирования научно-материалистического мировоззрения, автор не определяет достаточно четко какие именно моменты в духовной эволюции молодого Маркса можно представить в качестве таких закономерностей. Однако все эти недостатки не отменяют высокой оценки работы в целом.

Диссертация Ж.В.Котова в настоящем виде может быть рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук.

Зав. сектором
истории марксистско-ленинской
философии, доктор философских наук

Б.В.Богданов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3-5
Введение	6-20

ГЛАВА I.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДВИЖЕНИЯ МЫСЛИ К. МАРКСА К ИЗБАВЛЕНИЮ ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИИ.

1. Социальная потребность перехода к научному отражению общественной жизни	21-31
2 Теоретическая потребность перехода к научному отражению общественной жизни	31-42
3.Потребность интеллектуального и нравственного развития молодого Маркса в научном понимании действительности.....	42-61

ГЛАВА 2.

РАССМОТРЕНИЕ К.МАРКСОМ ПОЛИТИКИ В КАЧЕСТВЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1.Исходная теоретико-методологическая позиция К. Маркса...	62-79
2.Философская критика действительности.....	79-99

ГЛАВА 3.

ПЕРЕХОД К.МАРКСА К РАССМОТРЕНИЮ ЭКОНОМИКИ В КАЧЕСТВЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1.Критическое переосмысление Марксом идеалистических основ гегелевской философии права.....	100-118
2. Применение Марксом положения о первенстве гражданского общества для критики ограниченности политической эмансипации	118-129
3 Переход Маркса к поискам “анатомии гражданского общества в политической экономии.....	129-142
Заключение	143-147
Список литературы	148-157
Приложение	158-159

Наукове видання

КОТОВ Жан Вікторович

**ЛОГІКА РОЗВИТКУ ДУМКИ МОЛОДОГО
МАРКСА У ПРОЦЕСІ СТАНОВЛЕННЯ ІСТОРИКО-
МАТЕРІАЛІСТИЧНОГО ПОГЛЯДУ**

**Проблема співвідношення політики та економіки
в роботах К. Маркса 1835-1844 р.**

Монографія

Російською мовою
Авторське редагування
Відповідальна за випуск Т.А.Шпаковська
Дизайн обкладинки

